В этом номере

ISSN № 0130-7045

НАУКА И РЕЛИГИЯ

1 • 1979







Фото Ю. Холопова

НАУКА И РЕЛИГИЯ

1·79

НАША ОБЛОЖКА

Решением ЮНЕСКО 1979 год объявлен ГОДОМ РЕБЕНКА. Дети — это всегдашняя, неустанная и, наверное, самая важная забота человечества. В миллионах сегодняшних маленьких граждан Земли, которым только еще предстоит повзрослеть и принять у нас дело жизни, — будущее нашего мира, судьбы человеческой культуры, оправдание и смысл наших сегодняшних дел и свершений. В них — наше человеческое бессмертие, наше продолжение, и вот почему взрослое человечество так ревниво и обеспокоенно следит за тем, чтобы передать детям, вложить в них лучшее, что успело и сумело оно выработать в себе самом.

У нас для детей строят детские сады и санатории, дворцы и бассейны, школы и детские площадки, их растят, обучают, закаляют физически и развивают их ум, способности. И всем этим — воспитывают. Их воспитывают родители и школьные учителя, старшие братья и сестры, соседи по дому и уличное окружение, пионерский отряд и спортивная школа, коллективно и индивидуально, на каждом шагу и в каждую минуту их такой еще несамостоятельной, во всем зависящей от нас, взрослых, жизни. Но, пожалуй, один из самых талантливых, умелых и любимых детьми воспитателей — искусство. Искусство, которое с самых ранних лет, развлекая, развивая и наставляя ребенка, посвящает его в тайны гармонии, красоты, учит добру и сочувствию, справедливости и ответственности.

Более 900 экспонатов было представлено на республиканской выставке «Художники России — детям». Здесь, в ее залах, разместились произведения живописи и скульптуры, эскизы к кинофильмам и иллюстрации к детским книгам, графика и декоративно-прикладное искусство — красочный, щедрый на выдумку, забавный и светлый мир, доставляющий так много радости и счастья тем, для кого он создается, и тем, кто его создает. Потому что мир счастливого детства наших детей — это бесконечная радость и для нас, взрослых.

На второй странице обложки — в залах выставки «Художники России — детям», проходившей летом 1978 года в Москве.

На третьей странице обложки — кадры, отснятые советским фотокорреспондентом Владимиром Чейшвили в дни прошлогоднего Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване. В них, словно в капле воды, отразилось прошлое, настоящее и будущее Острова Свободы.

Читайте в номере статью И. Григулевича «Куба далекая — близкая».



ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

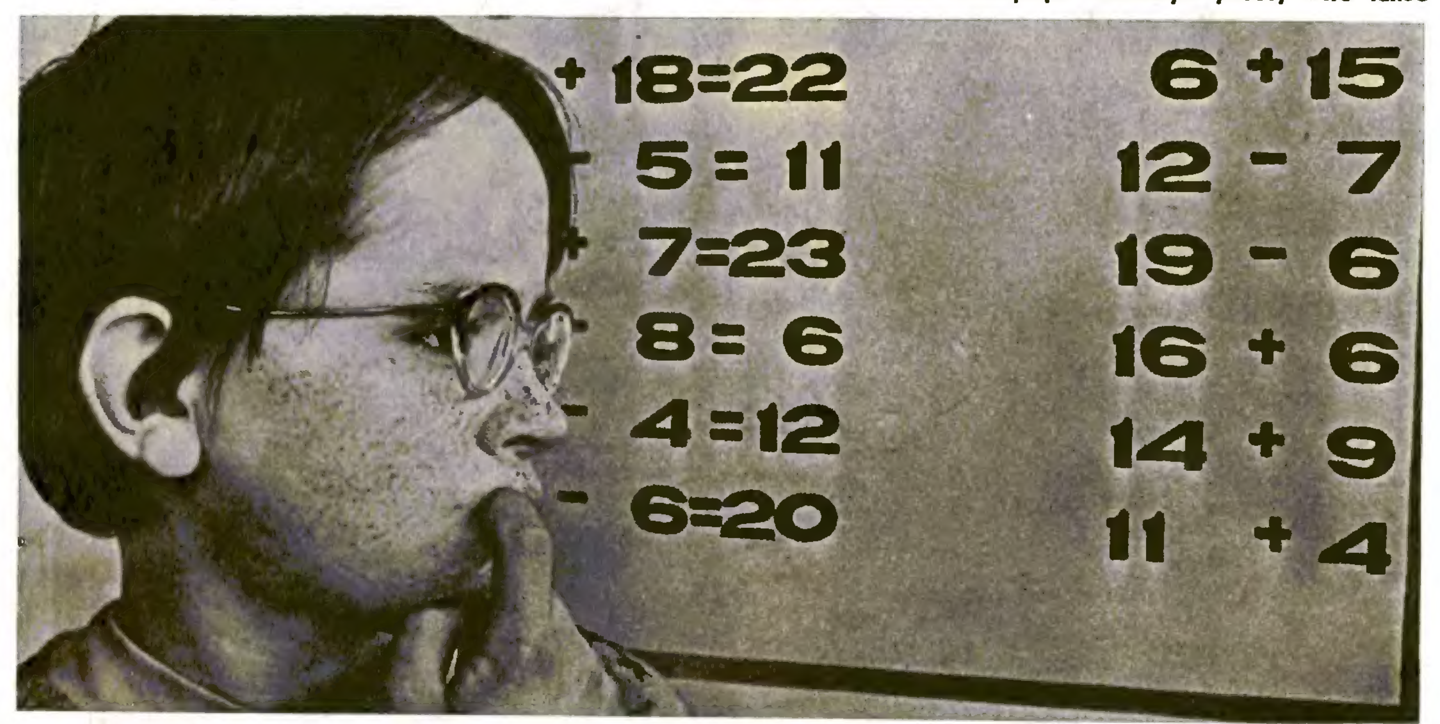
Год издания двадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Духовный мир человека

МИР ВХОДЯЩЕМУ...

Мария ПРИЛЕЖАЕВА,
лауреат Государственной премии РСФСР
имени Н. К. Крупской



Сколько великих творцов прекрасного в разные времена и в разных странах говорили, думали, писали о детях! «Любите детство, — восклицал Руссо, — поощряйте его игры, его забавы, его милый инстинкт. Кто из вас не сожалел иногда об этом возрасте, когда на губах вечно смех, а на душе всегда мир!»

«Если ты хочешь, — предупреждал Гёте, — чтобы твои наставления влияли действительно благотворно на твоих учеников, предостерегай их от бесполезных знаний и ложных правил, потому что отделываться от бесполезного столь же трудно, как и менять неправильно взятое направление».

Глубоко и мудро заметил Чехов: «Кто не может взять лаской, тот не возьмет и строгостью».

За свою жизнь каждый человек является свидетелем разных юбилеев, памятных торжеств, больших и малых кампаний и праздников. Нынешний год, объявленный ЮНЕСКО Годом ребенка, расценивается людьми доброй воли на всех пяти континентах как обширная, конкретная программа, подчиненная благу юных граждан планеты.

Год ребенка — не просто 365 дней 1979 года, а достижение, итог борьбы и победы идей гуманизма, мира, социальной справедливости. Это важное событие современности я, детская писательница, конечно же, воспринимаю по-своему. Мои детские годы прошли до революции, оставив воспоминания о трудностях, лишениях, нужде. Случилось так, что, учась в гимназии, я некоторое время жила на территории женского монастыря в Александрове. «Картинки» монастырского уклада, поразительные, нередко трагически изломанные судьбы девушек, у которых религия безжалостно зачеркнула лучшие годы их жизни,— все это не прошло для меня бесследно.

Атеистическое миропонимание становится таковым после того, как многое осмыслено, пережито, прочувствовано. Я стала атеисткой, увидев своими глазами безжалостность религии. Мне исполнилось 18 лет, когда в 1921 году я снова оказалась теперь уже в бывшем монастыре, где устроили детский дом. Прекрасно помню, как сюда пришел первый эшелон из голодающего Поволжья. Советская власть объявила тогда — «спасать детей!». Мы, несколько человек персонала детдома, выносили на руках из вагонов полуживых ребятишек. Сколько бессонных ночей, сколько сил и труда отдавали все, чтобы накормить, выходить, отогреть душой этих худых, большеглазых, лишенных радостей детства мальчишек и девчонок!

В прямом и переносном смысле детей эпохи величайшей из революций страна спасла и поставила на ноги.

В моем писательском творчестве историко-революционная тема не случайно стала самой важной. Два года я учительствовала в селе Петрищево. В версте с небольшим находилась соседняя деревня — Переяславские Горки, куда приезжал В. И. Ленин. Там я познакомилась с А. А. Ганшиным, отпечатавшим на гектографе ленинскую работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов!». Сейчас в тех Горках — мемориальный ленинский музей. Много спустя, приезжая сюда, я всегда вспоминала рассказы Ганшина о вожде.

В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, признавался знаменитый фантаст Герберт Уэллс, я не могу видеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализованная коммунистическая держава.

И держава эта вызвала к жизни невиданную нигде и никогда ранее детскую литературу. Буквально каждый большой советский писатель создавал для юных. Маяковский, Маршак, Чуковский, Барто, Михалков, Носов — список имен детских писателей можно продолжить и разнообразить, называя мастеров слова разных поколений. По мысли родоначальника литературы социалистического реализма А. М. Горького, дети — завтрашние судьи наши, критики наших воззрений, деяний, это люди, которые идут в мир на великую работу строительства новых форм жизни. Одна из многочисленных горьковских статей названа «Литературу — детям». Многие ее положения настолько актуальны, будто написаны сегодня. Дети должны знать, подчеркивал Горький в другой статье, уродливо-смешную жизнь миллионера, забавную жизнь чиновников церкви, служителей бога. Разумеется, дети посмеются над забавной историей пропажи и поисков генерала и над историей о том, что новые петры амьенские в цилиндрах и тиарах организуют «крестовый поход» против отцов и старших братьев советских детей.

И, конечно же, не случайно вместе с сугубо антиклерикальными Горький сформулировал темы книг о самых раз-

личных областях знаний, имеющих, так сказать, широчайшие атеистические возможности: Что такое белок! Что такое философия! и т. д.

Скупыми, точными, емкими мазками набросана программа для писателей, имеющих самую благодарную, внимательную, отзывчивую аудиторию. Дети смотрят на мир широко раскрытыми глазами, они верят искренно, смеются от души, плачут настоящими слезами. Поэтому и книги для них должны быть умными, глубокими, занимательными. Я не буду перечислять созданные советскими авторами поэмы и рассказы, повести и романы, кинофильмы и театральные постановки, ставшие своеобразной атеистической классикой. Достаточно сказать, что весь широчайший фронт детской периодики и издательств, выпускающих книги для детей, планирует и имеет в активе произведения злободневного атеистического звучания.

Хочу привести один пример. Совсем недавно издательство «Малыш» выпустило книжку С. В. Образцова «Так нельзя, а так можно и нужно». Нигде в ней не сказано, что ее автор — народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, Герой Социалистического Труда. Кукольный театр и Образцов — понятия знакомые, привычные, неразъединимые. Те, кто несколько десятилетий назад, сидя в зрительном зале, не доставал ногами до пола, сегодня приводят в этот знаменитый театр своих детей и внуков.

Но Сергей Владимирович Образцов — еще и прекрасный писатель. Книжка написана для детворы дошкольного возраста. Открывается она коротеньким рассказом «Воробей». Автор вспоминает, как в далеком детстве, когда было ему лет восемь, кинул он однажды, прицелившись, тоненькую палочку с металлическим стержнем в кучу мирно клевавших зерна птиц.

«Дома,— пишет Образцов,— меня встретила старая няня. Я ей рассказал, что случилось. Она нахмурила брови и сказала мне: «Это очень нехорошо. Это большой грех. Тебя боженька накажет». Я не очень знал, что такое боженька, — продолжает писатель, — потому что мои родители не были религиозными людьми, но в комнате няни висела старая икона. Перед ней горела лампадка, а из темноты смотрели чьи-то нарисованные глаза. Няня сказала, что это и есть боженька, и я его очень боялся. Вечером пришла с работы мама, и я ей все рассказал.

«Боженька тебя не накажет, — сказала мама, — потому что его нет. Но то, что ты сделал, — это грех, настоящий грех, только не перед богом, а перед всем, что живет на земле, значит, и перед воробьем. Нельзя так делать».

Наша литература всегда воспитывала и воспитывает детей в духе гуманизма, доброты, интернационализма. Никто из советских писателей никогда не пропагандировал войну, насилие, угнетение человека человеком.

В частых поездках по стране я всегда стараюсь, по возможности, посещать библиотеки. Глядя на книжные полки, листая читательские абонементы, сознаешь с искренней гордостью: мы богаты. Сказочный по силе и реальный по сути интерес ребенка к книге поистине вечен и неисчерпаем.

Год ребенка... Немало событий, больших и малых, сменяются за один год. И масса незаметных на первый взгляд перемен происходит за это же время в каждой юной душе. Входящий в реальный, земной мир человек должен не растерять, а приумножить добытое цивилизацией до него. И как важно научить детей уважению, такту, бережному отношению и к новому и к старине.

«Несмотря на всю свою занятость, — вспоминал о Ленине Бонч-Бруевич, — Владимир Ильич обращал большое внимание на архитектурные древности Москвы и других городов. Так, когда белогвардейцы артиллерийским огнем разрушили Ярославль, он принимал самое горячее участие в восстановлении этого старинного русского города. Была организована специальная комиссия, которая приводила Владимира Ильича в отчаяние своей медлительностью. Он хотел, чтобы во что бы то ни стало были восстановлены ярославские древние церкви, которые представляли собой памятники нашего старинного зодчества».

Год ребенка призван привлечь внимание мировой общественности к тем миллионам детей в разных частях света, которые умирают от голода, не имеют крова, которым не дают учиться. Еще немало предстоит сделать, чтобы решить проблемы по борьбе с детской преступностью в странах капитала, чтобы юные граждане не влачили жалкое существование в «земной юдоли», надеясь на небесные «райские кущи», которые сулят им все без исключения религии. В этом смысле трудно переоценить возможности передовых детских писателей планеты, на каком бы языке они ни писали.



Фото А. Карзанова.



МЫ И ПРИРОДА

Л. АЙЗЕРМАН

Фото В. Школьного.

Тема «Человек и природа» с каждым годом привлекает к себе все большее внимание. Речь идет о судьбе воздуха, которым мы дышим, воды, которую мы пьем, почвы, которая нас кормит, о судьбе человека и человечества, всего живого, судьбе самой Земли. При обсуждении этих проблем раздаются и мрачные, пессимистические пророчества. Звучат и бездумно оптимистические голоса.

Мы хорошо понимаем всю серьезность и всю сложность экологических проблем. Но мы верим в возможность их решения. «...Использовать природу, — говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — можно по-разному. Можно — и история человечества знает тому немало примеров — оставлять за собой бесплодные, безжизненные, враждебные человеку пространства. Но можно и нужно, товарищи, облагораживать природу, помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы. Есть такое простое, известное всем выражение «цветущий край». Так называют земли, где знания, опыт людей, их привязанность, их любовь к природе поистине творят чудеса. Это наш, социалистический путь».

Перед нами в этой связи стоит немало задач — научных, технических, экономических, финансовых, организационных, юридических. Среди них особое место занимают проблемы педагогические, воспитательные, нравственные. От человека, от его понимания, его нравственной позиции во многом зависит судьба природы, судьба родной земли. Но дело не только в этом. Когда мы говорим об отношении человека к природе, мы не должны забывать, что дело здесь не только в судьбе того главного дома, в котором живет человек и все человечество, но и в судьбе самого человека. Об этом говорилось с трибуны XVIII съезда комсомола в Отчетном докладе: «Истоки светлого чувства любви к Родине зарождаются в неповторимую пору детства. Они — в отчем крае, его красках и песнях, его людях. Очарованность Родиной проходит через всю человеческую жизнь. И нравственность человека раскрывается не в простом созерцании мира, природы, а в ее активной охране, бережном и хозяйском отношении к ней. Комсомольский долг — пополнять ряды друзей природы, заинтересованно участвовать в приумножении богатств и красоты советской земли. Воспитательная работа должна быть направлена на то, чтобы каждый ребенок, подросток, молодой человек умел всем сердцем ощущать красоту Родины, чтобы у каждого глубокое возмущение вызывала бездумно сломанная ветка, истоптанный луг, разоренное гнездо. Чтобы это чувство побуждало к активному действию против тех, кто потребительски относится к земной красоте. Тот, кто разрушает природу, разрушает не только главный свой дом, но и собственную личность».

Вот почему воспитание подлинно человеческого отношения к природе — это и борьба за сохранность и приумножение богатств и красоты родной земли, и борьба за самого человека, его душу и сердце. И здесь велика роль уроков литературы. О том, как на уроках литературы раскрывается нравственный смысл темы «Человек и природа», пойдет речь.

Продолжаем публикацию статей учителя школы № 232 Москвы Л. С. Айзермана. Предыдущие статьи этого цикла напечатаны в № 2, 3 и 4 за 1977 г., в № 4 и 8 за 1978 г.



1

На уроке литературы десятиклассникам было предложено самостоятельно проанализировать одно из стихотворений есенинского цикла «Сорокоуст»[1].

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?
А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Неужель он не знает, что в полях бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег?

По-иному судьба на торгах перекрасила
Наш разбуженный скрежетом плес,
И за тысчи пудов конской кожи и мяса
Покупают теперь паровоз.

Читаю работы десятиклассников...

«Очень страшно это стихотворение. Жизнь, природа, что-то чистое, естественное, родное погублено стальным чудовищем. Вот то главное, что волнует Есенина, ради чего написано стихотворение. Он не может спокойно видеть гибель, именно гибель, хотя смерти как таковой нет в стихотворении. Эта гибель настечет. Сейчас еще «милый, смешной дуралей», «красногривый жеребенок» (как бережно, как ласково пишет Есенин о нем, какая тонкость, хрупкость чувствуется в этом образе), сейчас он еще гонится, не ведая, что его ждет. Но чудовище-поезд, «железной ноздрей храпя», «на лапах чугунных» мчится, и никто не в силах прервать этот страшный вихрь, уничтожающий все живое. И жизнь изменилась: в конце стихотворения нет «красногривого жеребенка», есть «тысчи пудов конской кожи и мяса». Обесценено самое ценное, что есть в жизни, раздавлено, уничтожено. «Живых коней победила стальная конница».

«Той поры не вернет его бег». Ушла та пора, а на смену ей пришло что-то бездушное и стальное. И поэтому Есенин не приветствует это теперь, а поет сорокоуст по прежнему миру».

«Есенину чуждо новое, что в стихотворении олицетворяет поезд — хищный, жестокий, сильный, механический, бездушный. Этот поезд из другого, городского мира, он разрушает, портит прекрасную картину степей, озерных туманов, большой травы. Красногривый жеребенок — часть этих степей, он здесь родился, а поезд просто не замечает его, не обращает внимания на его отчаянный бег и уж никак не будет считаться с ним. И с этим ничего не поделаешь. Это стихотворение — сорокоуст по красивой деревенской жизни. Мне кажется, что Есенин считает, что она будет раздавлена, уничтожена городом, как жеребенок побежден поездом».

Так раскрывали смысл стихотворения большинство десятиклассников. И, трактуя так есенинские строки, они были правы. И не правы.

Железная дорога. Паровоз. Мы уже не раз встречались с этими образами в русской литературе. В «Железной дороге» Некрасова сказано о цене прогресса:

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» поэт воспроизвел неприязненное отношение крестьянского люда к «чугунке»:

Важная барыня! Гордая барыня!
Ходит, змеею шипит:
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит:
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.

Наконец, «Варвары» Горького. В уездное захолустье, «чертов угол», приезжают инженеры-путейцы, чтобы проложить железную дорогу. Энергичные, решительные, напористые, они уверены, что всколыхнут это болото, поставят «город вверх дном». Они ощущают себя цивилизаторами, призванными не только построить новую дорогу, но и разрушить старую жизнь. Проходит время. «Господа, вы убили человека...за что?» — вот он, основной итог деятельности «цивилизаторов». Борцы с ветхозаветным варварством на поверку сами оказались варварами. Они могут проложить железную дорогу — но им не дано проложить новый жизненный путь. Вот и получается, что «дороги строят, а идти человеку некуда...».

Но и у Некрасова, и у Горького дело не в железной дороге самой по себе.

«К жизни воззвав эти дебри бесплодные», — говорит Некрасов и ставит строителей железной дороги рядом с создателями Ватикана, Колизея.

Горький в «Варварах» рассказал о претензиях буржуазных цивилизаторов и об истинной цене их деятельности. «Знания ценнее нравственности», — утверждает инженер-путеец Черкун. «Железо — сила, которая разрушит эту глупую, деревянную жизнь» — вот его символ веры. Пьеса убеждает: само по себе «железо» всех проблем решить не в состоянии. И одно только «железо» способно внести в жизнь лишь варварство.

В есенинском стихотворении «Сорокоуст» отсутствует сложность, диалектичность в подходе к данной проблеме. Пройдет несколько лет, и сам поэт увидит мощь родной страны «через каменное и стальное». Но принятие «каменного и стального» не снимает, не перечеркивает строк о красногривом жеребенке. В стихотворении Есенина есть преходящее и непреходящее. В нем и отступление от истины, и нечто такое, без чего невозможна истина. Это живое, утверждающее начало хорошо почувствовала одна из десятиклассниц:

«Жеребенок и поезд. Не красивый и сильный конь, а жеребенок. Сила и слабость. Поезд идет, «железной ноздрей храпя», «на лапах чугунных», а жеребенок бежит, «тонкие ноги закидывая к голове». Да, это сила и слабость, но, с другой стороны, это дисгармония и гармония. Жеребенок грациозен и красив, а неуклюжий поезд храпит. «Живых коней победила стальная конница». И жеребенок слишком слаб, слишком жалок в своих бесплодных усилиях догнать паровоз, догнать время. Оно неумолимо, как этот паровоз на лапах чугунных. Но пусть он беспомощный, «смешной дуралей», он «милый, милый», он живой, он прекрасный».

Да, не как панихида, а как утверждение непре-

---

[1] Сорокоуст — заупокойная православная молитва.

ходящих ценностей живой жизни звучат сегодня эти есенинские строки. И вместе с тем как предупреждение. Хорошо написал об этом десятиклассник:

«Науку всегда двигали вперед «железяки», «пластмассы», «синтетические вещества». Без этого не обойтись. Но нельзя забывать, что прогресс, науку двигают люди, что прогресс и наука для людей. И поэтому не должно уходить доброе, человеческое, которое можно, но не должно заменить холодным и расчетливым. И не случайно в фильме Андрея Тарковского «Солярис» выступает этот образ — жеребенок. И как сначала смешно, а потом страшно становится, когда малыш, дитя города, пугается жеребенка, символа человечности, земного жеребенка, который потом отобразится там, в Космосе».

Нам близки есенинские строки, проникнутые трепетной любовью и тревогой за судьбу всего живого. Вот почему у есенинского жеребенка так много родичей в современной советской литературе. Разве не сродни ему Лошади в океане Бориса Слуцкого, Белый Бим Черное Ухо Гавриила Троепольского, рогатая Мать-олениха из «Белого парохода» Чингиза Айтматова, Царь-рыба Виктора Астафьева? Ведь речь здесь идет не только о судьбе природы и «братьев наших меньших» (хотя и это само по себе исключительно важно) — но и о судьбе человека и судьбах человечества. Ибо «отношение человека к окружающей природе, — как писал Сергей Залыгин в статье «Реализм опыта», — это уже и сам человек, его характер, его философия, его душа, его отношение к другим людям».

Закончив уроки, посвященные поэзии Есенина, мы обратились к книгам тех современных советских писателей, которые в отношении к природе видят одно из проявлений гуманистической сущности человека.



2

Переменилась моя родная Сибирь. Все течет, все изменяется — свидетельствует седая мудрость. Так было. Так есть. Так будет. Всему свой час и время всякому делу под небесами; время родиться и время умирать; время насаждать и время вырывать насаженное; время убивать и время исцелять... Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем? Нет мне ответа». Так заканчивается «Царь-рыба» Виктора Астафьева. «Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?» — так и формулирую я главную тему разговора о книге Астафьева.

Прежде чем рассказать об уроке, посвященном «Царь-рыбе», позволю себе небольшое отступление. Меня иногда спрашивают, почему в своих книгах и статьях я так много места уделяю ученическим сочинениям, ответам учащихся. В изучении искусства, в воспитании искусством самое важное, как отозвалось слово художника, как оно воспринято, прочувствовано, понято. Для меня ученические сочинения и ответы — не иллюстрация к рассуждениям, а необходимая составная часть их, как документ для историка, как цифры для социолога, как художественный текст для литературоведа. Ведь пишу я не о литературе, а о литературе в школе, о воспитании литературой. Поэтому и говорю я прежде всего о том, как воспринимаются учениками те книги, о которых идет речь на уроках литературы.

«Для автора «Царь-рыбы» человек и природа — это нечто неразрывно связанное. По тому, как человек относится к природе, можно определить его отношение к окружающим. И, наоборот, в отношении к природе происходит проверка человека на человека».

В этих размышлениях школьника определен тот угол зрения, под которым рассматривали книгу Астафьева все десятиклассники, писавшие о ней.

А потому и браконьерство по отношению к природе для них — лишь одно из проявлений нравственного браконьерства. «Браконьерство, — прочитал я в одном из сочинений, — перерастает в угрозу человечеству». Ведь оно ведет к разрушению личности и к человеческой разобщенности, а «разобщенность сулит гибель, неминуемую гибель человеку». Два эпизода в этой связи привлекли особое внимание писавших.

Один — рассказ о трагической гибели юной Тайки, дочери Командора. Кричит от боли несчастный отец, плачет, мечется, хватает ружье — убить злодея! Но при этом не понимает, что он, браконьерствуя, грабя природу, так же жесток и подл, как пьяница-шофер, убивший его дочь.

И другой эпизод. Мне уже приходилось рассказывать на страницах журнала о том, как размышляли десятиклассники над повестью Хемингуэя «Старик и море».

И вот мы вновь вернулись к повести американского писателя. Единоборство старика Сантьяго с огромной рыбой десятиклассники сопоставили со схваткой между Царь-рыбой и Игнатьичем.

«И там и здесь старик. И там и здесь рыба, рыба не простая, царь-рыба, «долгожданная», «редкостная». Такая царь-рыба «попадается раз в жизни, да и то не всякому». Но как глубоко различие этих поединков. Если у Хемингуэя старик «питал нежную привязанность к летучим рыбам», которые были его друзьями, жалел птиц, любил зеленых черепах за их изящество и проворство, то астафьевский Игнатьич был заядлым браконьером, взявшим не один грех на свою душу. Сантьяго понимает связь человеческой жизни с природой и значение этой связи для всего рода человеческого. И понимая, что он должен убить рыбу, своего друга, старик радовался тому, что нам не приходится убивать звезды. А Игнатьич был браконьером, он даже о помощи не хотел просить — боялся, что придется делить царь-рыбу с другими».

«В старике Сантьяго есть подлинное величие, он ощущает себя равным могучим силам природы, рыба для него — равный соперник, красивое и благородное животное. И в борьбе с рыбой он одерживает победу. Игнатьич оказался бессилен перед рыбой оттого, что слишком поздно вспомнил слова своего деда, который говорил о том, что нельзя встречаться с царь-рыбой, если за душой есть тяжкий грех. Для того чтобы почувствовать себя не слабым перед силами природы, надо быть добрым, кристально честным, мужественным, то есть человеком в полном смысле этого слова. Старик Сантьяго выдержал испытание на человека, вышел из схватки победителем. Игнатьич оказался побежденным. А почему? «Чалдонская настырность, самолюбство, жадность, которую он почел азартом, ломали, корежили человека, раздирали его на части».

Размышляя над страницами «Царь-рыбы», десятиклассники приходят к выводу:

«Природа породила человека, она мать человечества. Уничтожая природу, человек уничтожает и свою жизнь, ибо его жизнь тесно переплетается с жизнью природы, он неотъемлемая ее часть». «Стремясь урвать кусок побол-

ше, не считаясь со средствами, люди теряют родную землю, теряют свою душу». «Браконьерство, глумление над природой развращают душу. И постепенно человек становится внутренне одиноким, жалким. Он оторван от другого человека. Люди разобщаются, и человек забывается в человеке».

Этой разобщенности человека и природы, а следовательно, человека и человека В. Астафьев противопоставляет дух артельности, человеческой сплоченности, людского единения. Тема союза, дружбы, соединенности труда поэтизируется автором, как поэтизируется им духовная связь с природой. Разобщенности и гордому одиночеству противостоит связь, ненависти — любовь, свободе от обязанностей и грабежу — труд.

Книга, в которой так много боли, горя, ненависти, предстает перед юными читателями как книга любви, веры, утверждения живого и жизни.



3

Когда мы говорили на уроке о «Белом пароходе» Чингиза Айтматова, я познакомил десятиклассников со статьей писателя, в которой он объяснял, почему обратился к мифу, легенде, народному сказанию (ведь в «Белом пароходе», по словам автора, это не просто прием — «это уже концепция, основной пласт повести»): «Они, как известно, есть память народа, сгусток его жизненного опыта, его философии и истории, выраженных в сказочно-фантастической форме; наконец, это его заветы будущим поколениям. Человек формировал свой духовный мир через познание внешней природы и осознавал себя как часть природы. Меня поразило, что проблемы, поставленные в древней притче о Матери-оленихе, не утратили своего нравственного смысла до наших дней».

Человек как часть природы, человек в единоборстве с природой, отношения между человеком и природой и отношения между человеком и человеком — ко всем этим проблемам возвратился Чингиз Айтматов в последней своей повести «Пегий пес, бегущий краем моря». И здесь писатель использует легенду, миф, сказание. Море связано с мифом о Рыбе-женщине. Как и она, оно прекрасно и изменчиво, близко и неуловимо. А суша — дом, родные — произошла от утки Лувр, которая из своих перьев свила гнездо, чтобы сохранить и развить жизнь, чтобы появился потом человек. Берег — Пегий пес, который ведет людей в море и хранит их там.

Миф нивхов, с которым знакомит нас писатель, это не только объяснение того, как возникали земля и род человеческий, но и утверждение нравственной нормы, модель поведения. И наиболее чуткие учащиеся уловили это.

«Великая Рыба-женщина отдала своего ребенка, зная, что никогда больше его не увидит, потому что она — рыба и без воды жить не может, а ребенок ее — человек, и он не может жить в море. Во имя жизни своего ребенка она отказывается от него, навсегда прощается с ним. Рыба-женщина оставляет своего ребенка на земле, начало которой положила утка Лувр. Она долго летала над поверхностью моря, пытаясь найти хоть кусочек земли и, не найдя, сама положила ей начало, выдергав перья из своей груди».

Автор приведенных строк хорошо увидел нравственный смысл мифа, положенного в основу повести: за само появление Земли и человека заплачено высокой самоотверженностью. Сам акт творения выступает таким образом как акт нравственный. Это нравственное начало — осознание своей причастности к миру и роду — определяет отношение героев повести, старика Органа прежде всего, к миру, к людям, к себе. Ощущение причастности к роду, к первоначалу, к великому рождает ответственность перед теми, кто был, и перед теми, кто будет. И в трагический час заброшенные в море, потерявшие все ориентиры трое взрослых — и первый среди них Орган — выбирают смерть, чтобы лишний глоток воды — надежда на жизнь — остался мальчику: ему жить, продолжать род.

«Орган уходил из жизни ради молодых, в которых, он знал, продолжится его род, его дело, его сила и бодрость, его мысли. «А когда он умрет, кто-то другой будет мыслить дальше от него и дальше, а следующий еще дальше, и так без конца». Старейшина покидал жизнь, уверенный, что жизнь бессмертна и нескончаема».

«Еще в легенде об утке Лувр говорилось, что жизнь порождает жизнь, значит, самое главное — это продолжение жизни, повторение ее в детях. Своя смерть не страшна, а вот смерть ребенка — это уже конец, поэтому три взрослых человека оставили маленького мальчика одного, отдавая ему драгоценную живительную влагу и вместе с тем надежду выжить».

«В спасении сына «теперь заключалась безотчетная борьба и надежда отца, в этом он теперь видел свою последнюю волю и деяние... Время жить у отца истекало». В последние минуты вспыхивают в памяти Эмрайина один за другим лучшие моменты его жизни, которые судьба сохранила ему, как последний глоток счастья перед смертью. И Эмрайин вдруг понял у предела жизни, что вся его предыдущая жизнь была предтечей нынешней его ночи. Для того он родился и для того умирал, чтобы из последних сил продлить себя в сыне. Он совершил для себя открытие: всю жизнь он был тем, кто он есть, чтобы до последнего вздоха продлить себя в сыне. Перед смертью он восходит к вершине человеческого счастья, он понимает смысл жизни».

И вновь обратились мы к «Старику и морю» Хемингуэя. Тем более, что и сам Айтматов писал о внутренней связи своего героя с Сантьяго («Литературная газета», 29 марта 1978 г.).

И еще одно сопоставление: несколько человек сравнили новую повесть Айтматова с «Белым пароходом». Два Мальчика и два Старика: дед Момун и Орган, два человека, которые несут Мальчикам заветы предков. Но один из них посягнул на эти заветы, на память предков, на совесть — предал их, другой, заплатив за это жизнью, перед лицом смерти сохранил их — передал тому, кто понесет дальше.

Несколько лет назад Арнольд Тойнби, один из наиболее известных современных философов на Западе, в статье «Религиозные основы современного экологического кризиса» писал о том, что «некоторые из серьезнейших бедствий нашего времени — бездумный и легкомысленный перерасход невосполнимых природных богатств и порча тех природных сокровищ, которые человек еще не сумел использовать, — при тщательном анализе могут обнаружить причину религиозного порядка, и такая причина кроется в появлении и подъеме

монотеизма». Как считает Тойнби, монотеистические религии своим учением сняли ограничения с человеческой алчности и нарушили традиционные отношения между человеком и природой. «Христианская доктрина о взаимоотношениях и связях между богом, человеком и природой, — пишет он, — сформулирована в одном из стихов Библии: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...» (книга Бытие, гл. I, ст. 28). Согласно Библии, бог создал мир и может поступить с ним так, как ему заблагорассудится; ему захотелось разрешить Адаму и Еве делать с этим миром все, что ИМ заблагорассудится, и такое разрешение не было аннулировано при изгнании из рая». А потому Тойнби видит лишь одно средство спасения — возвращение к пантеизму, а также обращение к установлениям восточных религий[2].

Нам близки тревога и озабоченность тех верующих, которые не могут не думать о судьбе природы. Но не в религиозных текстах и заповедях ищем мы ответы на больные вопросы современности, а в реальном опыте жизни. Обогащению этого опыта способствует советская художественная литература. Лучшие ее произведения являются серьезными, умными уроками жизни. Уроки эти учат тому, как опасен для человека разрыв с природой, как обогащает человека, одухотворяет его ощущение кровной с ней связи.

[2] См.: «Наука и религия», 1974, № 9.

ДОСТОИНСТВО

Андрей НУЙКИН

РАЗГОВОР ШЕЛ о том, как неотвратимо человек губит природу. Разговор в общем-то пустой, потому что не понимания искали, а так — нервы себе щекотали, «сладкий ужас» нагнетали. Дошли и до причины. Тут один из собеседников — не старый еще, благообразный, явно очень уважающий себя мужчина произнес целый монолог. Обличительный.

— От гордыни все это диавольской. Богами себя возомнили — все знаем, все можем, ничего не боимся. Вот и указует нам господь на наше сатанинское возомнение, чтобы чувствовали свое место, чтобы помнили, кто мы есть пред его разумом. А кто мы есть? Черви, букашки ничтожные, прах, тлен... Сегодня царями природы себя мним, планы гордые разрабатываем, а завтра, глядь, и нет царя, а есть простое удобрение для одуванчиков, послезавтра же и родные дети забыли, что ходил тут такой — Космос завоевать грозился...

— Ведь в писании сказано, что человек создан по образу и подобию бога! А по-вашему получается подобие божье чем-то вроде навоза. Как это понимать? — заулыбался кто-то из молодых полемистов.

— А так и понимай, — последовал спокойный ответ, — что дана человеку крохотная божья искра. На временное пользование. Для испытания — достоин он хотя бы искры малой или нет. А его-то собственное — вот оно после смерти все тут лежит и ни на что больше не пригодно, кроме как на удобрение...

Рассуждения, как видите, достаточно «типовые». Даже то, что проповедник, хотя и считал себя тоже червем, но червем значительным, уразумевшим главную мудрость жизни, тоже было вполне характерной деталью. Но почему-то на этот раз привычное псевдосмиренное разглагольствование задело. Нашла вдруг на меня «диавольская гордыня». До каких же пор мы будем по собственной доброй воле упиваться своим ничтожеством? Неужели, отождествляя человека с самым мизерным, что только способно отыскать наше воображение, — с червем, мы проявляем трезвость в понимании своих масштабов на фоне вечности и бесконечности?

Вопрос этот выходит за пределы взаимоотношения религии и атеизма. Есть ведь и материалистические формы самоуничижения (о них чуть позже), но тем не менее для атеиста человек в любом случае остается высшей разумной силой во Вселенной. А для верующего восторг и преклонение перед небесным разумом обязательно обратно пропорциональны уважению к разуму земному. Самоуничижение в любой религии — не привносное явление, а сущностное, принципиальное, порой преодолеваемое высокими духовными качествами конкретных верующих, но неустранимое из самого понятия религиозной веры. Верующему «сам бог велел» почитать себя букашкой перед лицом безгранично могущественного и всезнающего творца.

Мне лично именно это качество религии претит больше всего. Я могу спокойно и уважительно спорить с верующим, который превратно представляет себе устройство и движущие силы мироздания (споры о высших силах, о взаимоотношении материи и сознания плодотворны и необходимы, недаром Ленин писал, что умный, думающий идеалист ближе к диалектическому материализму, чем не умный вульгарный материалист). Но когда речь идет о битье себя в грудь, о мозолях на коленях, плаксивых покаяниях и всех этих верноподданнических: «мы, недостойные твои рабы», «припадая к стопам твоим» и так далее, тут мне не о чем разговаривать...

Что греха таить, современный гомо сапиенс очень еще далек от совершенства. Но в том ли причина всех человеческих пороков и несовершенств, что он слишком высоко ставит свое человеческое Я? По-моему, совсем наоборот. Не гордыни в человеке много, а гордости слишком мало, элементарного человеческого достоинства. Человека определяли по-разному: «животное, производящее орудия», «мыслящий тростник», «человек прямоходящий», «человек разумный», «человек умелый». Мне кажется, что подлинная история человечества начнется, пожалуй,

тогда, когда человека можно будет называть «человек достойный».

Прямо скажем, меньше всего предыдущая история проявляла заботу о развитии в человеке данного качества. Сначала он гнулся, чтобы не прозевать съедобный корешок, потом — чтобы владыки мира не заприметили в его глазах проблесков «божьей искры», склонялся просто по привычке. Бросая украдкой редкие взгляды вверх, на своих земных владык, человек замечал, что они ничуть не менее жалки и ничтожны, и порой пробовал распрямиться, но служители культов усердно втолковывали ему, что есть другие владыки, перед могуществом которых он уж точно ничто — постыдный сгусток безнадежно греховной плоти! Но, может быть, хоть в избранниках, во владыках земных, прорастали зерна человеческого достоинства? Увы, высокомерие и чванство — это лишь оборотные стороны униженности и холуйства. И обе стороны эти в своем неразрывном единстве именно и противостоят чувству достоинства. Кто не воспринимает чужое унижение как свое собственное, тот просто еще не дошел до человеческой стадии.

Потому-то люди, обладающие достоинством, испокон веку вызывали поистине звериную ненависть у «гордых» владык, «высокородных» избранников и у всей подпирающей их холуйской иерархии. Пуще атамана разбойничьей шайки боялись они и ненавидели человека с поднятой головой.

Чувство достоинства — не периферийный аксессуар психики. Это одно из основных качеств нашей души, сопоставимое разве что с такими понятиями, как совесть, любовь, красота... Если сравнить личность человека с крепостью, то чувство достоинства — ее детинец. Пока не разрушены его стены, еще можно держаться. Ну, а если и сюда уже ворвался противник — сопротивляться поздно. Холуйство — одна из самых растлевающих личность черт. Холуя даже совесть может мучить по три раза в день, но от подлостей это его обычно не страхует. Человечность в отношениях людей с наибольшей полнотой можно, пожалуй, измерять тем, насколько они оберегают чувство человеческого достоинства.

В последней своей прижизненной публикации Василий Шукшин рассказал, как вахтерша отказалась впустить к нему в больницу сначала жену с дочками, потом двух друзей — всемирно известных писателей. Был пропуск, были приемные часы, но ей чем-то Шукшин не «пондравился». И — не пустила. Кричала пронзительно: «Марш на место!.. А то завтра же вылетишь отсюдова!.. Пропуск здесь — я!..»

Что было делать? Жаловаться? На дуэль вызывать?

«Я вдруг почувствовал, что — все, конец. Какой «конец», чему «конец» — не пойму, не знаю и теперь, но предчувствие какого-то очень простого, тупого конца было отчетливое. Не смерть же, в самом деле, я почувствовал — не ее приближение, но какой-то конец...» («Литературная газета», 4 сентября 1974 г.).

Такова уязвимость этого участка нашей души. Даже перед лицом очень маленького по своей должности человека. Ну, а с повышением должности «возможности» людей с холуйской душой возрастают в геометрической прогрессии. Только вот ведь ирония судьбы: чем крупнее пост у любителя чужого унижения, тем более «маленьким» он нам кажется. Правда, в другом, более важном смысле.

Тягостное впечатление на поэта Александра Блока, участвовавшего после Февральской революции в работе Чрезвычайной следственной комиссии, произвел глава департамента полиции — С. Белецкий. До предела «угодливый и некультурный», он лез из кожи, чтобы заслужить прощение и благосклонность новой власти. Давая свои бесконечные показания, составившие целый том стенографического отчета, Белецкий без конца «намекал» на то, что он — человек маленький, зависимый, рядовой.

Он и был очень маленьким, ничтожным — как личность. Благодаря его, Белецкого, стараниям огромная империя была опутана липкой паутиной полицейского сыска, доносов, интриг, провокаций. С его ведома распечатывались письма даже матери российского самодержца. Вместе со своей креатурой — министром внутренних дел Протопоповым — Белецкий во многих случаях решал, о чем царь должен знать, а о чем — нет... Мещанин, попавший на Олимп, вершил судьбы страны!

И Протопопов, считанные дни назад пытавшийся стать всероссийским диктатором, раздававший полиции пулеметы, чтобы загнать обратно в подвалы «взбунтовавшуюся чернь», дрожащей рукой выводил: «Опасаясь дальнейшим промедлением возбудить ваше неудовольствие, я решаюсь обратиться к вам с усердною просьбою указать мне, что я должен сделать». Снова — маленький человечишко, без чести, без достоинства! А за этими двумя просматривается и сам Николай II, безвольное орудие в руках ничтожеств и сам под стать им.

Чувство достоинства — не просто показатель масштаба личности, оно относится к факторам, активно формирующим личность. Правильно подмечает это советская писательница Лидия Обухова: «Обретший чувство собственного достоинства уже как бы автоматически отсекает от себя многие пороки. Он не солжет из самолюбия и не струсит из гордости. Во всех его поступках вновь незримо присутствует некий моральный критерий: «это достойно, а это недостойно меня»» («Литературная газета», 8 мая 1968 г.).

Человек с достоинством никогда не будет «маленьким», на любом месте, в любом ранге он останется большим, отвечающим за себя и за весь мир. А вот после разгрома фашизма оказалось, что за страшные его преступления вроде бы и спрашивать было не с кого. Все — от рядового осведомителя до рейхсминистров — были «только исполнителями», только покорялись чужой воле. Маленький человек на любом посту ни за что не в ответе, и его это очень устраивает, он почти гордится этим. Поэтому-то сколько бы маленьких людей ни собралось в кучу, какой техникой ни вооружила бы их НТР, больших дел с ними не сделать.

Откуда же могла возникнуть эта странная жажда униженности, как дошли люди до поэтизации собственной мизерности? Ведь история тысячи раз доказывала, что силой гордый народ можно

уничтожить, но сломить силой его дух — почти невозможно!

«Оплакиваю... все неизмеримо глубокое мое ничтожество... Душа моя... разрешится от грешного и скверного тела...»—это фразы, взятые из «Плача о грехах», одной из канонических православных проповедей. В коротком этом плаче («Журнал Московской патриархии», 1977, № 11) среди злейших грехов и пороков трижды упомянута гордость.

«...Зная, из чего ты произошел и во что обратишься, не думай о себе очень много... Знай, добрый мой, что... и жизнь наша ничто...» И поношение гордости как матери всех пороков длилось изо дня в день, из года в год, из века в век. Якобы во славу высших духовных ценностей, без которых человек — не человек, во славу любви между людьми, которой так жаждет сердце каждого. А на самом деле?

За ответом далеко ходить не требуется. В той проповеди, о которой речь шла выше, после «знай, добрый мой, что и жизнь наша ничто» — следует: «и мы все не безгрешные судии о добрых и худых делах». А чуть выше и того яснее: «Ибо неготовый не выдерживает нападения. А кто хорошо приготовился, тот найдет и силы победить. И что́ значит победить? — Равнодушно перенести над собой победу».

В «Плаче о грехах» внимание привлекает еще одна деталь, которая, на первый взгляд, может показаться случайной, — не менее сурово, чем гордость, осуждаются смех и веселье:

«Оплакиваю... смех, шутки, остроты, насмешки, безумное веселие, песни, пляски, танцы...» «Как часто смеялся безумно, шутил, острил бесчинно...» «Сколько часов проводил я в пустых и праздных занятиях, удовольствиях, веселых разговорах, речах, шутках, смехе, играх и забавах...»

Что и говорить, трудно найти человеческое качество, столь же несовместимое с религиозным отношением к миру, как чувство юмора. Несовместимость эта отнюдь не случайна и очень тесно связана с темой человеческого достоинства.

«Юмор позволяет нам увидеть иррациональное в том, что кажется рациональным, и незначительное в том, что кажется значительным. Юмор повышает нашу жизнеспособность и помогает сохранить здравый смысл, — писал Ч. Чаплин. — Благодаря юмору мы легче переносим превратности судьбы. Он помогает понять истинное соотношение событий...» («Иностранная литература», № 2, 1965 г.).

Прекрасные слова! Чувство комического — «философское», диалектическое чувство. Оно всегда как бы показывает нам другую, скрытую до того сторону явлений. Оно как бы говорит: «Это вам кажется очень важным, это — очень страшным, это — безупречным... Ну, а если взглянуть вот с этой стороны?.. Видите, все не совсем так, как вам представлялось...» В итоге мы видим явление ценностно объемным, а не плоским.

Для чего это нужно? Для выявления «истинного соотношения событий», как выразился Чаплин? Но истина в сфере ценностной и в сфере научно-познавательной — понятия не адекватные.

«Здесь недурно... нары из струганого дерева», — говорит Швейк, оказавшись в тюремной камере.

Мы улыбаемся. Ужас перед фактом заточения в тюрьму снят. Но в том ли истина, что тюрьма не страшна? Швейк знает, что его ждет, но не трусит, не унижается, он смотрит на ситуацию, не теряя бодрости духа и человеческого достоинства в предельно унизительных обстоятельствах. Это его единственное оружие, и, оказывается, очень сильное. Мы ведь отнюдь не над всем позволяем себе смеяться. Мы не смеемся над неистовством Медеи, над колебаниями Гамлета. Наоборот, предельно сострадаем им, не считая нужным снижать «ради истины» трагизм ситуации. Почему? Потому что эти ситуации не унижают человека (и нас с вами), а возвышают, облагораживают. Хотя смерть всегда страшна. Когда же страх грозит сломить нас, унизить, растоптать, тогда на защиту достоинства выступает юмор.

Нет нужды объяснять, как важны в нашей жизни чувства высокие и торжественные, святое в душе (высокие идеи, высокие понятия, высокие примеры). Это — главный «двигатель» человеческой души, стержень личности, нравственности. Но даже самые хорошие побуждения и идеи могут превратиться в свою противоположность, если их абсолютизировать. Сколько бесчеловечности таится в любом фанатике — религиозном, политическом, каком угодно! Как уберечь себя от перехода через эту роковую грань? С помощью рассудка? Рассудок — хороший щит от любой опасности, но, к сожалению, явления рассудочные и эмоциональные лежат часто в непересекающихся плоскостях, а противоядие против любого зла лучше иметь в той же сфере, где зло зарождается. Так вот, в духовно-эмоциональной сфере фанатизму противостоит именно чувство юмора. И в этом качестве оно буквально незаменимо.

Смеха боится даже тот, кто ничего вроде бы не боится. Человек, обладающий чувством юмора, — как правило, застрахован от фанатизма.

А религия? Из небожителей некоторую склонность к шуткам, кажется, проявляли только боги Олимпа. Но, насколько помнится, людям от их шуток было обычно не до смеха.

Не случайно нам никак не удается в своем воображении наделить бога юмором. А в итоге... В итоге он выглядит чем-то промежуточным между татарским ханом, к которому в любом случае рискованно приближаться слишком близко, и не очень крупным столоначальником, постоянно озабоченным мерами по поддержанию собственного престижа среди подчиненных.

И чему удивляться? Юмор может быть каким угодно — добрым, злым, ироничным, горьким, черным, светлым, в полоску... Вот только униженным и почтительным он быть не может. А именно униженность и почтительность — воздух религии. При этом заметьте: уважение юмора не боится. Наоборот, юмор оберегает чистоту подлинной уважительности, утепляет и углубляет это чувство. И одновременно чутко стоит на страже достоинства — и уважающего и уважаемого. Люди не очень значительные по духовным качествам (особенно, оказавшиеся на значительных должностях) жаждут не уважения, а почтения, поэтому не любят и не понимают юмора.

А вот по-настоящему высокий стиль, которым изъясняется человеческое достоинство, и с шут-

кой, и с улыбкой, и с иронией сочетается очень хорошо. Вспомните известные слова Ломоносова, которые любил повторять Пушкин: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но нижé у господа моего бога дураком быть не хочу».

Легко ли сохранять достоинство перед лицом старости, болезней, смерти? Просто смерти, естественной, как говорят, и неизбежной? Затруднительно по таким деликатным вопросам, где даже самому себе люди не во всем сознаются, выявить статистические данные, но думается, что большая часть начинающих «вдруг» в неюном возрасте искать утешения в религии встают на этот путь из-за осознанной или подсознательной надежды на загробную жизнь. Казалось бы, и осуждать их за это «рука не поднимается». Только тот, кто живет с бездумностью одуванчика, не боится смерти. Но...

Для дяди Паши Сомова (повесть молодого прозаика Руслана Киреева «Посещение») вопрос о жизни и смерти давно уже не относится к числу абстрактно-философских. Последняя стадия туберкулеза. Эхо войны! Жить в лучшем случае до осени, то есть несколько недель. Да и что это за жизнь — если утреннюю прогулку за несколько сот метров, к озеру, надо совершать тайком от медперсонала, рискуя, что на обратную дорогу дыхания не хватит. И будут вести под руки, выговаривая за непослушание...

И когда дядя Паша вырывается на день из больницы, он плюет на увещевания своих родных и проводит день так, как ему хочется. Удивительно много успевает он сделать за эти прекрасные сутки! Учинить скандал своим родным за то, что они не уберегли его рыбок и выкинули любимые пластинки; купить чудесную куклу для внучки Майи и навестить ее; высказать пошлякам-родителям снохи все, что он о них думает; подежурить немного на своем былом посту (диспетчер таксомоторного парка); выпить пива и поговорить по душам в кругу своих старых друзей; побеседовать с глазу на глаз с новым директором парка по поводу несправедливого распределения машин; выиграть последнюю в жизни партию в бильярд у старого своего соперника. Тут Сомов и потерял сознание. А очнувшись, мучительно не мог вспомнить, забил ли он все-таки того «туза» или нет?

Как понять все это? Неужели дяде Паше на краю могилы действительно так уж важно было навести порядок с распределением машин в парке? А уж о страстях бильярдных и говорить не приходится. Дико и смешно перед лицом небытия копеечное тщеславие по поводу трудного шара, удивление и почтение в глазах «настоящих ценителей игры» и прочая белиберда. Или, может быть, Сомов просто впал в маразм? Да нет, мы вместе с ним переживаем за машины, за шар, и проказы его незамысловатые не оскорбляют нашего вкуса.

Смерть дядя Паша воспринимает не бездумно и не бесшабашно. Он ее осознал, пережил, осудил («Не то страшно, что его не будет на земле, а то, что его вроде и не было никогда») и не захотел перед ней унижаться.

Старость, болезни — это ведь не просто преддверие небытия. Бессилие, немощь, зависимость от окружающих — все это унижает человеческое достоинство. И в этих достаточно безысходных условиях люди по-разному борются за свое достоинство. Дядя Паша решает задачу по-своему — он старается до последней минуты «держать хвост морковкой». И мы уважаем его за это. Потому что достоинство любого человека—отнюдь не индивидуальное достояние. Дядя Паша отстаивал перед лицом самого страшного **человеческое** достоинство. Наше с вами тоже. И он понимал эту свою ответственность перед человечеством и делал максимум того, что ему позволяли обстоятельства. Он не был «маленьким человеком», не был червем, не был ничьим рабом, даже божьим.

Много ли человеку земли надо? — задавал Лев Толстой в своих нравоучительных притчах для «простого» народа старый вопрос, подводя к старому на него ответу (противоречащему, кстати сказать, всему тому, что Толстой писал не для «простого» народа): «Три аршина, всего-навсего».

Толстой (в этом случае) и его предшественники по проповеди брали за эталон мертвого человека. Но живого человека ни три аршина, ни отдельная квартира с раздельным санузлом никак удовлетворить не смогут. Ему нужен как минимум земной шар. Весь. Каждому. Да что там земной шар — Вселенная уже тесна. Казалось бы, зачем человеку знать — когда и откуда взялась Вселенная, каковы ее пределы, в чем ее будущее? Но попробуйте запретить об этом думать. Костром пригрозите — не поможет. Проверено.

Но есть ли у него, у человека, основания для подобных притязаний? Может быть, в них проявляются лишь его самомнение и высокомерие, не больше?

Высшее проявление бытия — дух, печалятся поклонники «чистого духа», поставлен в человеке в оскорбительную зависимость от его плоти, которая подвержена слабостям и болезням и, увы, недолговечна... И действительно, не слишком ли несовершенна та конкретная материальная конструкция, которой наделила нас природа? Не слишком ли она ограничивает полет нашего духа?

Каков предел возможностей человеческого тела и сознания — вопрос очень интересный, но он требует особого разговора. Бесспорно только, что пока этих возможностей мы даже и не представляем всерьез.

Многие серьезные ученые утверждают, что современный человек использует от силы пять процентов возможностей своего мозга. Стыдно? Да, стыдно за нас, но не за природу, вооружившую каждого из нас самым сложным по структуре, самым совершенным материальным образованием из всех, какие только можно вообразить. Если уж используемый всего на пять — десять процентов (десять накидываем для гениев) человеческий мозг способен создавать теорию эволюции и «Аппассионату», то что сможет создать он, достигнув полной «проектной» мощности?

Нельзя обойти молчанием тот факт, что не только с идеалистических (религиозных, в частности) позиций ведутся атаки на наше с вами достоинство. Вульгарный материализм тоже преуспевает на этой ниве.

Один поклонник арифметики в США, к примеру, решил определить наконец «подлинную» цену человеку. Он высчитал и добро-

совестно суммировал цену волос, костей, редких химических элементов, содержащихся в разных органах, и оказалось, что «красная цена» каждому из нас в базарный день всего один доллар! Расчет этот обошел мировую прессу. Остается только пожалеть, что такие качества человека, как интеллект, любовь, честь, вдохновение, мечты, не значились в прейскурантах скупщиков сырья, у которых консультировался тот американец.

У Бертрана Рассела есть иронический рассказ «Кошмар богослова», в котором высмеиваются самонадеянные представления некоего святоши д-ра Таддеуса о себе и себе подобных как о главном объекте внимания и забот творца Вселенной. Таддеусу приснилось, что он умер и оказался у врат небесных. Удивленный недоумением и подозрительностью, с которой его разглядывал привратник, он стал рваться в рай, обосновывая это тем, что он знаменитый богослов, благонамеренный человек и всю свою жизнь посвятил трудам во славу божью.

Привратник никак не мог понять, как столь ничтожное существо может повлиять на славу божью. Еще с большим недоумением были восприняты слова Таддеуса о том, что человек — это высшее творение создателя. Позвали библиотекаря — большое шаровидное существо с тысячью глаз и одним ртом. Увы, и библиотекарь не слышал ничего ни о Земле, ни о Солнечной системе. В конечном счете пять тысяч клерков через три недели сумели найти в картотеках требуемую галактику под номером ХО 321762.

Еще большее количество специалистов через несколько лет нашли ссылку на звезду под названием Солнце, но понять, что в ней особенного, никто не мог. «Она такая же, как и большинство других звезд в этой галактике. Среднего размера, со средней температурой и окружена небольшими телами, их называют «планеты». В результате исследования я обнаружил, что на некоторых планетах имеются микроорганизмы, и думаю, что вот это прибывшее к нам существо, толкнувшее нас на эти поиски, должно быть, одно из них», — доложил некий четырехгранник.

С точки зрения астрономии в этом рассказе подсчеты произведены вполне убедительно и права ученого на иронию в адрес религиозных представлений о космическом сервисе тоже никто оспаривать не может, но стоит ли обращать себя в ноль во славу естественнонаучных истин, как ранее во славу высшего разума?

Многочисленные представители фантастики внушили нам, что разум для Вселенной — явление сугубо рядовое, что и океан, и облако, и плесень, и все, что угодно, вполне могут стать философами, не говоря уж о «гуманоидах», которые рано или поздно объяснят нам, как быть людьми, не губить природу и не поедать живьем друг друга. Зашифруют они «информацию», пульнут нам через гиперпространство со сверхсветовой скоростью, и тогда ого-го что будет!

Я совершенно не против «ого-го», пусть оно будет, но достойно ли сознательным обитателям Земли сидеть сложа руки в его ожидании? А вдруг, вопреки всем гуляющим по рукам записям сенсационных научных докладов, инопланетян не существует? А вдруг, если даже разумные существа где-то и есть, то практическая возможность посидеть за партой в их школе для нас равна нулю?

Все-таки соображения астрофизика И. С. Шкловского относительно нашего одиночества во Вселенной (если не абсолютного, то «практического») имеют под собой достаточно серьезные основания. Пока не выявлено ни одного признанного наукой достоверным факта, который доказывал бы наличие хоть одной формы разумной жизни, кроме человеческой.

Идею уникальности земного разума математически ни доказать, ни опровергнуть невозможно. К тому же не случайно речь идет об одиночестве, если не абсолютном, то **«практическом»**. Даже те, кто считает цивилизации в Галактике на миллионы, не рискуют утверждать, что можно обнаружить хотя бы одну из них в радиусе «ближайших» тысячи световых лет. Мы как-то не отдаем себе отчета в реальных масштабах космических расстояний.

16 ноября 1974 года из пуэрториканской обсерватории была отправлена первая радиограмма для инопланетян в сторону звездного скопления Мессье-13. Если очень повезет и среди 30 тысяч звезд скопления окажется хоть одна, обладающая пригодной для жизни планетой, если на ней эволюция создала уже разумные существа и они достигли нужного технологического уровня, если сотрудники тамошней обсерватории проявят интерес к сигналу, успеют его записать и расшифровать (обычно одной радиограммы бывает недостаточно, чтобы найти ключ к шифру), то ответ придет примерно через 48 тысяч лет, и получат его наши пра... (повторите это «пра» 1600 раз) внуки. Мессье при этом — один из сравнительно близких наших соседей.

Таковы реальные возможности заводить космические эпистолярные романы.

Очень уж рискованно вновь — теперь на основе материалистической — начать «сотворять себе кумиры» и стараться снова уверить, что кто-то «свыше» по своей несказанной милости разрешит все наши земные проблемы. На нас, только на нас лежит ответственность и за Землю (которую, как утверждают некоторые специалисты, уже в ближайшие столетия можно сделать непригодной для жизни), и за огромный участок Вселенной вокруг Земли.

Великие гуманисты прошлого упорно утверждали, что цена человеческой жизни беспредельна. Не для самого индивида (обольщаться на свой счет каждому приятно), а вообще — любой жизни, каждой жизни. Может быть, только перед лицом безмерной пустоты Космоса мы сможем осознать объективную обоснованность таких претензий?

И стоит ли венцу творения (не исключено, что единственному представителю «мыслящего духа» во Вселенной) тратить свою бесценную жизнь на домино и ссоры с соседями? Ему, венчающему вершину десятимиллиардной эволюции материи и жизни, ходить на полусогнутых и самому себя считать перед лицом владык реальных (земных) и выдуманных (небесных) ничтожным червем, рабом, удобрением для одуванчиков? Полноте, Люди!

ГАСНЕТ СВЕТ, РАЗДВИГАЕТСЯ ЗАНАВЕС. На сцену выходят джигиты в ладных черкесках и белых башлыках, и в зал врывается многоголосая песня. Ее сменяет огненный, головокружительный горский танец. И зрители, сами того не замечая, начинают притопывать в такт, готовые пуститься в пляс.

Этот ансамбль известен во всем мире, хотя за границу он выезжал только один раз. О нем пишут советские и зарубежные газеты и журналы. Ему посвящены документальные киноленты и телевизионные очерки. К нему проявляют интерес не только журналисты и кинематографисты, этнографы, общественные деятели и писатели, но и ученые-медики.

В чем же секрет такой популярности?.. Десятки, быть может, сотни профессиональных и самодеятельных коллективов исполняют старинные народные песни и танцы. А этот, тем не менее, признан единственным в мире. Полное название его уже дает ответ на этот вопрос — «Заслуженный этнографический ансамбль песни и танца долгожителей Абхазии «Нартаа».

И. ЕВСИКОВА,
специальный
корреспондент журнала
«Наука и религия»

НЕУГАСАЮЩИЙ ОГОНЬ

Долгожителей — вот в чем дело.

«Нартаа» — народный абхазский эпос, о котором еще пойдет речь, — сказания и легенды о братьях-богатырях. Такими же легендарными кажутся и участники ансамбля, хотя средний возраст их 90 лет и самый молодой из них давно перешагнул порог своего 70-летия.

Не случайно такой творческий коллектив родился в Абхазии — крае долгожителей, поэтов и музыкантов. Идея его создания принадлежит заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР и Абхазской АССР Ивану Кортуа, который был тогда директором республиканского Дома народного творчества. Всю жизнь собирал он фольклор, организовывал конкурсы сказителей, стал близким другом многих одаренных исполнителей.

Однажды — это было в 1948 году — Кортуа собрал в Сухуми восемь человек — тех, чья память сохранила старинные песни — героические, исторические, трудовые, обрядовые, а руки виртуозно владели апхиарцей и ачамгури[1], — и попросил их что-нибудь спеть. Так родился ансамбль столетних... Их, первых его участников, запечатлел на полотне местный художник. Картина висит в одном из залов Дворца культуры в Гагре, а копия — в Доме народного творчества, который теперь носит имя Ивана Кортуа.

Сегодня уже нет в живых никого из первых исполнителей — увы, и долгожители не вечны... Но ансамбль долгожителей живет.

В нем 35 человек, однако художественный руководитель—композитор Константин Ченгелиа — хочет, чтобы в нем было сто мужчин и две женщины. Ведь именно столько героев в нартском эпосе: сто братьев, их сестра — Прекрасная Гунда и вечно молодая мать — Сатаней-Гуаши. А пока ансамбль выступает в прежнем составе. Участники его живут в разных районах Абхазии и собираются на репетиции только перед концертами и гастрольными поездками.

Таких поездок немало: в Тбилиси, в Москве, в городах и селах Грузии выступал за последнее время ансамбль, неизменно восхищая зрителей великолепным искусством, неиссякаемой бодростью духа. Недавно абхазские долгожители принимали участие в международном фольклорном конкурсе, организованном телевидением Венгерской Народной Республики, и привезли домой главный приз — «Золотого павлина».

Декан медицинского факультета Гарвардского университета американский геронтолог А. Лиф писал о долгожителях Абхазии:

«Это поистине счастливое долголетие. Ведь ваших столетних стариков никак не назовешь старцами. Они энергичны, заняты любимым делом и, как видно, были бы весьма удручены, если бы лишились возможности трудиться... Долгожителей Абхазии отличает удивительная жизнерадостность, живой интерес к окружающему, дружелюбие. Они улыбчивы, любят песни, шутки».

Глубокая старость... Религиозная проповедь говорит, что старость приближает человека к богу. Распространено мнение, что болезни, страх перед небытием почти всегда приводят к религиозности или уж, по крайней мере, предрасполагают ум и душу к восприятию религии.

Судьбы и духовный облик абхазских долгожителей отнюдь не подтверждают это.

Вместе с Валико Тания, сотрудником редакции республиканской газеты, побывала я в тех городах и селах, где живут артисты-долгожители, познакомилась с шестью из них — радушными, оптимистичными, увлеченными людьми. Их никак не хочется называть стариками, хотя многие из них не только дедушки, но и прадедушки и даже прапрадедушки.

Позвольте мне познакомить вас с ними...

Темуру Кубановичу Ванача, солисту ансамбля, весельчаку и балагуру — 108 лет. Он живет в селе Лыхны Гудаутского района... Принял нас радушно, с удовольствием рассказывал о своей молодости, вспоминал подробности, имена, эпизоды времен первой мировой войны, и память ни разу не подвела его.

Он вернулся в родное село с Георгиевским крестом и молодой женой — латышкой, которую

[1] Абхазские струнные инструменты.

увез из Польши. В годы борьбы за Советскую власть он стал красным партизаном, отважно сражался с врагами революции. Память о том времени — именное серебряное оружие... А когда группы немецкой дивизии «Эдельвейс» вторглись на Кавказ и заняли Псху, 70-летний Темур вступил в истребительный батальон и водил бойцов одному ему известными тропами в тыл фашистов. Храбро сражались с врагом и его сыновья Самсон и Иван. «Мужчина на войне должен стать героем или погибнуть!» — говорил им отец. Они вернулись домой с боевыми наградами. Иван — полный кавалер ордена Славы.

На черкеске Темура, чуть повыше газырей, рядом с боевыми наградами — медаль «За трудовую доблесть» и знак «Ударник девятой пятилетки».

Давид Григорьевич Айба живет в городе Гудаута. Мы встретили его на улице — он степенно прогуливался, раскланиваясь с бесчисленными знакомыми.

В биографии Давида Григорьевича есть примечательная деталь — он ровесник века. Его родители, бедные крестьяне, отдали сына учиться в церковноприходскую школу. В начале века Гудаута — сегодня известный курорт на черноморском побережье — была неказистым поселком. Улицы утопали в грязи, по ним разгуливали овцы и свиньи... Царские чиновники не обременяли себя заботами ни о грамотности, ни о здоровье коренного населения. Не хватало средств ни на строительство школ, ни на осушение окружающих болот. Выучиться Давиду не пришлось. С каждого ученика в двухклассном училище дважды в год требовали 30 рублей, два пуда муки, по восемь фунтов фасоли и сыра. Родителям Давида это было не по средствам...

Когда в Гудауту дошла весть об Октябрьской революции, в уезде был создан красный партизанский отряд «Киараз». Давид был зачислен в группу разведчиков, отважно сражался с врагами революции, одним из первых в Абхазии вступил в комсомол.

Давид Григорьевич — мастер рассказывать старинные предания. Хранит он в памяти множество песен. Особенно любит он героические. Дорога его сердцу песня «Киараз» — о партизанском отряде на привале после жаркого боя. Прекрасный знаток абхазского фольклора, Айба был участником конференции по изучению нартского эпоса, проходившей в 1964 году.

В Новом Афоне живет самый молодой участник ансамбля — Григорий Камугович Миканба. Ему 72 года. В своем городе он очень популярен, лучше его нет экскурсовода. Но хотя в экскурсионном бюро он не работает, его постоянно окружают туристы или отдыхающие: статная фигура, черкеска, черная папаха привлекают всеобщее внимание, к нему подходят на улице, о чем-то спрашивают. Отвечает он не односложно, завязывается разговор. Останавливаются и другие прохожие, группа разрастается — и вот уже Григорий Камугович ведет своих новых знакомых по городу, в котором ему знаком каждый уголок, каждый дом, каждое дерево. Он рассказывает о событиях давних и недавних и внимательно следит за лицами слушателей — хочет, чтобы каждый, кто побывал здесь, унес с собой частицу его любви к этому краю.

На одной из таких экскурсий с ним познакомились ребята из подмосковного города Электросталь. Григорий Камугович провел их от Маан-Цкуары до Каштановой рощи — теми заветными тропами, по которым бойцы истребительного батальона проникали в горы, в тыл гитлеровцев. Он организовал встречу ребят с бывшими партизанами из отряда «Киараз». Впечатления от всего увиденного и услышанного были настолько сильными, что, вернувшись домой, школьники создали при своем клубе «Легенда» небольшой музей, посвященный Абхазии.

Мы узнали, что Григорий Миканба недавно женился. Из-за свадьбы не смог поехать в Тбилиси, чтобы выступить с ансамблем по республиканскому телевидению. И каково же было его удивление, когда, включив телевизор, он услышал поздравление диктора и музыкальный привет от нартовцев. Они исполнили специально для него шуточную свадебную песню, а Давид Айба с Темуром Ваначей отплясывали так, словно в самом деле гуляли на его свадьбе. Об этой «проделке» друзей Григорий Камугович часто вспоминает с улыбкой.

Таркуку Османовичу Ласуриа скоро 100 лет, а он — лучший танцор ансамбля. В селе Кутол говорят: «Таркук весь в мать». Она прожила 140 лет, до последних дней жизни работала на чайных плантациях, никогда не болела, отличалась завидной памятью, острым умом и меткостью слова. Когда ее спрашивали, в чем секрет ее долголетия, она неизменно отвечала: «Люблю жизнь и как можно дольше не хочу с ней расставаться». Таркук тоже любит жизнь...

У Таркука Османовича есть шестилетняя внучка. У нее прекрасный голос. Она поет песню «Пусть всегда будет солнце» на абхазском, русском, английском и немецком языках. Подумать только! А он, Таркук, так и не выучился грамоте...

Многие абхазские долгожители не умеют читать и писать. Что ж, ведь они родились и выросли в краю, где, по словам Константина Симонова, столетние старики старше первого букваря.

Вот и Тарашу Мануховичу Джопуа из села Отапи не пришлось учиться ни в молодые, ни в зрелые годы. Но той жизненной школы, которую прошел он, хватило бы, наверное, на десяток поучительных книг. Тараш точно не знает, сколько ему лет. Но абсолютно уверен, что гораздо старше своей тещи. По документам ему 106...

После установления Советской власти в Абхазии ревком поручил Тарашу организовать в родном селе артель.

— Трудное было время, — вспоминает он. — С одной стороны, нам мешали враги, с другой — наша темнота и неграмотность. Надо было разъяснить людям преимущества коллективного труда, объединить их. А я даже не смог составить список колхозников — писать не умел, цифр не знал...

Выручали энергия и глубокая вера в то, что только общими усилиями можно построить новую, справедливую жизнь. Когда в стране началось стахановское движение, Тараш попросил освободить его от должности председателя колхоза и перешел в бригаду кукурузоводов. Он добился высоких урожаев, стал ударником, и его послали на республиканский слет стахановцев. В то время ему было около 60 лет, но чувствовал он себя сильным и мо-





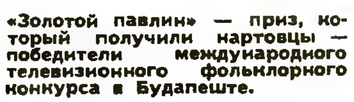
Таркук Османович Ласуриа стал пионером не в детстве, а на 95-м году жизни. Звание почетного пионера ему присвоили его юные друзья.

Два сына у Темура Кубановича Ваначи, оба живут в селе Лыхны. Иван — военрук в местной школе, Самсон — бригадир в колхозе имени Нестора Лакобы, на чайных плантациях которого по сей день трудится Ванача-старший.

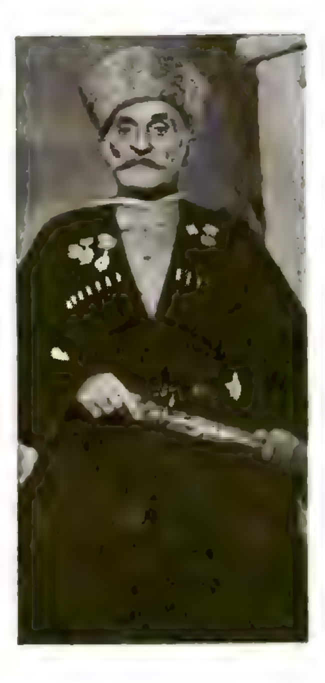


Тандел Куанович Джопуа — богатый человек: у него 17 внуков и правнуков.





«Золотой павлин» — приз, который получили нартовцы — победители международного телевизионного фольклорного конкурса в Будапеште.



У Тараша Мануховича Джопуа гостеприимный дом. Гостей рады принять в любое время дня и ночи, летом и зимой. Хозяин садится у очага и ведет с гостями разговор о днях нынешних и днях минувших.

Фото В. Меликяна и Р. Звягинского.

лодым. Тогда, на этом слете, он встретил девушку, которую полюбил, и вскоре женился на ней. У Тараша пятеро детей: три сына и две дочери. Старший сын Тото — композитор и солист хоровой капеллы «Абхазия». Младший, Мурза, недавно пришел из армии.

Тараш трудится в колхозе имени Нестора Лакобы, первого председателя ЦИК Абхазской Советской Республики.

— Если мне приходится о чем-нибудь сожалеть, — говорит Тараш, — так лишь о том, что молодые годы прошли так безрадостно. Только революция озарила светом мою жизнь. Вот я, простой крестьянин, никому в прошлом не известный, — сегодня уважаемый человек в республике. Ко мне приходят люди за советом, приезжают ученые, писатели, журналисты, да и сам я много езжу. В годы моей молодости, если человек возвращался из Очамчири, его встречали так, словно он вернулся из дальнего странствия. Я доволен своей жизнью. Спасибо за такую заботу о нас, престарелых колхозниках! Если бы не эта забота — разве я пел бы и танцевал в нашем ансамбле?.. Если в течение недели наш художественный руководитель не приглашает нас на репетицию, мы теряем покой: неужели о нас забыли? Наши черкески всегда под рукой, и по первому сигналу мы готовы отправиться в дорогу.

— Когда вы дома — вы старцы, — с улыбкой вступает в разговор жена Тараша. — А как позвали петь, танцевать — сразу молодцы!..

— Это правда, — соглашается Тараш, — на сцене мы чувствуем себя молодыми. Но и в жизни — тоже!

Танделу, однофамильцу Тараша, жителю села Члоу — 90 лет. Он высок и строен; у него тонкое, благородное, мужественное лицо. В ансамбле его зовут Абрскилом. Это имя одного из героев абхазских легенд, совершившего тот же подвиг, что и богоборец Прометей. Абрскил, богатырь и поэт, под покровом ночи разъезжал на коне по земле

абхазов и старался облегчить их тяжелый труд. Народ горячо любил Абрскила и славил его, и это навлекло на богатыря гнев ревнивых и жестоких небожителей. Они хитростью и коварством заманили Абрскила в непроходимую пещеру под одной из высочайших вершин Абхазии Ерцаху и навечно приковали его цепями к скале.

Может быть, сравнение с Абрскилом и не совсем правомерно, но Тандел Джопуа тоже дарит людям радость своим искусством, трудом и добрым отношением. Как большинство долгожителей, он работает в колхозе и входит в состав совета старейшин родного села.

— Очень важно, — считает Тандел, — чтобы пожилые и старые люди были сторонниками нового, смело отказывались от прошлых вредных обычаев и традиций и звали к этому других.

...Каждый из моих собеседников — живая история. Все они шли по главной ее дороге. Окопы первой мировой. Огненный водоворот войны гражданской. Борьба за установление Советской власти и в Абхазии, и в других краях страны. Строительство новой жизни. Защита родной земли от фашистских завоевателей... Когда они поют сегодня о мифических богатырях-нартах, они поют о себе.

Только самый молодой из артистов-долгожителей — Григорий Миканба встретил революцию подростком; остальные переступили рубеж нового времени в молодом и даже в зрелом возрасте. Они жили в горных селах, в маленьких поселках, где, как и повсюду в старой России, властвовали религия и церковь, и это не могло не оставить глубокого следа в их сознании.

Нельзя забыть о суровом и горьком историческом опыте. Веками в Абхазии насаждались и христианство, и мусульманство. Соперничество этих религий приносило множество несчастий абхазскому народу. Тот приморский край, где живут мои знакомые-долгожители, — Очамчирский и Гудаутский районы — пережил черные времена османского ига. Трагическими последствиями русско-турецкой войны конца XIX века явились события, обозначенные в памяти абхазского народа словом «махаджирство». По приказу султана и с согласия царизма десятки тысяч абхазов угрозами, силой и обманом были переселены в Турцию. О скорбной странице национальной истории и по сей день напоминает старинная песня, которую часто исполняет ансамбль «Нартаа», — «Махаджирская». Песня о печальной участи абхазов, оплакивающих разлуку с родиной, с отчим домом, порог которого им уже никогда не суждено переступить. Эта песня стала звучащей историей народа. Слушая с давних лет знакомую мелодию, каждый абхаз сравнивает прошлое с настоящим.

Седовласые певцы и танцоры, естественно, говорят о постоянном труде. Труд для них — радость, а не проклятие божие за «первородный грех». Они любят жизнь, какой бы трудной она порой ни была, — любят во всей ее земной, человеческой полноте и полнокровности. И любовь к жизни неразрывно связана у них с любовью к земному миру, к родной земле, которая называется Абхазия. Земле, на которой жили и боролись тысячелетиями их предки, мечтая о торжестве разума, справедливости и счастья. Они преобразили эту землю собственными руками, построили города и села, украсили ее садами и виноградниками. И любовь к родному краю выливается песнями, сердцевина которых — нартские сказания.

«Нартаа» — монументальный эпос многих кавказских народов; слово «нарт» обозначает богатырское сообщество его героев.

Богатыри-нарты отличаются высшими нравственными достоинствами — честностью и правдивостью, свободомыслием и чувством собственного достоинства, жаждой подвигов и презрением к смерти. Мироощущение нартов пронизано духом исканий, оптимизма, страстного жизнелюбия.

«В представлении нартов реальный мир существует как что-то само собой разумеющееся. О сотворении мира богами не сказано ни слова. И вообще богов в настоящем смысле этого слова еще нет — нарты не знают ни молитв, ни жертвоприношений»[2].

Совместимы ли мировоззрение и пафос нартского эпоса с догматическими основами и эмоциональным миром религии — христианской или мусульманской? На этот вопрос можно ответить только отрицательно. Проповедь человеческого ничтожества, фаталистической покорности воле божьей, отношение к женщине как к низшему существу немыслимо совместить с героическим духом нартского эпоса. Его можно назвать иммунитетом против религиозного влияния. И не случайно, видимо, ни христианство, ни мусульманство не пустили глубоких корней в Абхазии, не случайно так далеки от набожности даже самые старые участники ансамбля «Нартаа».

Надо сказать, что ревнители обеих религий прекрасно понимали, как непримиримо враждебны и христианству и мусульманству мировоззрение и пафос народного эпоса, какая опасность таится в нем для их стремления к власти над умами и сердцами их паствы. Наиболее ревностные приверженцы и христианства и мусульманства беспощадно преследовали «бесовские игрища» — древнее народное искусство, песни, сказания, танцы, театральные представления, заключали в тюрьмы, избивали, пытали и даже казнили певцов, танцоров, сказителей... Но, несмотря на все это, древний эпос, древнее искусство не погибли, не исчезли и, пройдя сквозь века, вступили ныне в пору высшего своего расцвета. И «ансамбль столетних» — один из ярких примеров этого расцвета.

Песни ансамбля «Нартаа»... Веселые и грустные, сложенные охотниками в горах, воинами перед боем, гостями за крестьянским застольем, они волнуют воображение, умиротворяют и воодушевляют. Из всего того, что довелось услышать, наверное, самое сильное впечатление произвела одна песня. Стихи, созвучные с ней, я прочла потом в книге народного поэта Абхазии Баграта Шинкубы:

Горит огонь, и пламя вьется,
Подбросить дров —
не провороны!
Из рода в род передается
Неугасающий огонь.

Хочу, чтоб все беречь умели
Огонь, пришедший из веков,
Чей отсвет лег на колыбели
И на седины стариков.

[2] См. вступительную статью Ш. Инал-Ипа к книге «Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев», изданной в Москве в 1962 году в переводе на русский язык.

У нас в гостях „Людина і світ“

АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

Ежемесячный научно-популярный журнал общества «Знание» УССР «Людина і світ» («Человек и мир») выходит на Украине с октября 1960 года. Много места на его страницах отводится обобщению и пропаганде лучшего опыта атеистической воспитательной работы. В № 5 за прошлый год рассказывалось, как она ведется на Харьковском моторостроительном заводе «Серп и молот». Затем эта тема была продолжена в № 7 на примере Надворнянского района Ивано-Франковской области. Эту подборку мы и перепечатываем с некоторыми сокращениями.





А. РОМАСЬ,
первый секретарь
Надворнянского райкома
Компартии Украины

ПРОГРАММИРУЮТСЯ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

В условиях постоянного возрастания масштабов и темпов социалистического строительства на основе бурного развития научно-технической революции первостепенную роль играют идейная закалка человека, его коммунистическая убежденность, социальная активность. На это нацеливают нас решения XXV съезда КПСС, разработавшего программу комплексного подхода к воспитательной работе, в которой важное место занимает формирование научно-материалистического мировоззрения трудящихся, в том числе атеистической убежденности.

Для того чтобы сделать атеистическое воспитание более эффективным, мы разработали комплексный план. Впервые он был составлен на 1977 год и преследовал такую цель: опираясь на достижения практики, научных исследований, поднять на качественно более высокий уровень всю систему атеистического воспитания, сосредоточить внимание на основных, наиболее актуальных вопросах коммунистического воспитания применительно к особенностям производственной и общественной жизни района.

В комплексном плане четко прослеживаются основные направления атеистической работы: идейное, методическое и организационное. Конечно, на практике они неотделимы друг от друга, находятся во взаимосвязи.

В сводном комплексном плане, который был отпечатан у нас отдельной брошюрой, помещены примерные планы атеистической работы партийной организации колхоза имени Ленина, исполкома Белоославского сельского Совета народных депутатов, профсоюзной организации Ворохтянского лесокомбината, комсомольской организации нефтеперерабатывающего завода, первичной организации общества «Знание» колхоза имени Калинина, Дома культуры села Гвизд и библиотеки села Кременцы.

Разумеется, планирование работы в комплексе отражает соответствующую деятельность райкома партии, районных, городских и сельских Советов народных депутатов, районных отделов культуры и народного образования, райкома комсомола, организации общества «Знание», средств массовой информации, административных органов. План охватывает узловые вопросы, которые обсуждаются на пленумах, заседаниях бюро, исполкома, районных научно-практических конференциях, лекториях, кинолекториях, тематических вечерах, читательских конференциях, выступлениях передвижного клуба «Человек и мир» и т. д. Кроме того, на заседаниях бюро райкома партии мы не раз обсуждали работу отдельных парторганизаций, а на заседаниях райисполкома — сельских и поселковых Советов народных депутатов по атеистическому воспитанию населения. На местах проводили показательные тематические вечера с участием пропагандистов и агитаторов из других населенных пунктов, выступления передвижного клуба «Человек и мир». Таким образом пропагандисты учились на практике: обменивались лучшим опытом, изучали его и перенимали.

Немало внимания мы уделяем работе культурно-просветительных учреждений, которые призваны всеми доступными средствами вести пропаганду атеистических знаний. В этом плане хорошо зарекомендовали себя клубы и библиотеки сел Волосов, Гвизд, Тысменичаны. Исполком Надворнянского районного Совета народных депутатов одобрил опыт атеистической работы Дома культуры и библиотеки села Волосов, которая проводится в

тесном контакте с первичной организацией общества «Знание».

Приступая к осуществлению комплексного плана, мы особое внимание обратили на подготовку кадров. В районе есть свой актив пропагандистов, которые любят и умеют работать с людьми, пользуются заслуженным авторитетом в трудовых коллективах. Однако усиление атеистического воспитания требует новых энтузиастов, которых еще нужно учить. Поэтому планом предусмотрена постоянная учеба идеологических кадров, в том числе атеистов. Для секретарей первичных парторганизаций создан атеистический лекторий, проводятся семинары с заместителями секретарей парторганизаций по идеологической работе, с председателями атеистических комиссий, лекторами, агитаторами.

В прошлом учебном году в системе партийного просвещения, например, работали 22 кружка (всего более 500 человек), изучавших курс «Основы научного атеизма». Многие из слушателей теперь успешно ведут атеистическую работу на местах. Сейчас при райкоме партии создана двухгодичная школа лекторов-атеистов, в которой учатся 50 лекторов из всех первичных организаций общества «Знание».

Большое значение мы придаем изучению, обобщению и распространению передового опыта атеистической работы. Сейчас, например, наши пропагандисты изучают опыт лучших лекторов-атеистов: директора Леснотарновицкой восьмилетней школы В. Смирнова, библиотекаря Перерислянской средней школы Д. Марчак и других.

Однако мы не забываем, что эффективность атеистической работы определяется не только количеством прочитанных лекций, проведенных бесед и присутствовавших на мероприятиях людей. Результат своей работы мы определяем и по тому, какие изменения произошли в сознании людей. Это вытекает из гуманистического содержания всей нашей работы: помочь человеку познать настоящее счастье.

Безусловно, результат атеистической работы нельзя увидеть сразу. Однако уже сегодня можно сказать, что тенденция к уменьшению религиозности в районе заметна. Прежде всего постоянно уменьшается религиозная обрядность. Если в 1965 году 33 процента молодоженов венчались в церкви, то в 1977 году — 18 процентов; крещений в 1965 году было 80 процентов, в 1977 году — вдвое меньше.

Мы заботимся о том, чтобы атеистическая работа не вела к разобщению людей, противопоставлению верующих атеистам, не вносила отчуждения между ними. Доверие, чуткость — основное в работе с людьми. Большим подспорьем здесь стало изучение новой Конституции СССР, а также Конституции Украинской ССР. Пропаганда этих важнейших документов — действенный фактор развития социальной активности трудящихся.

То, что мы планируем атеистическую работу отдельно, не означает, разумеется, что она ведется в отрыве от всего комплекса проблем коммунистического воспитания трудящихся. Атеистическое воспитание осуществляется в общем русле работы партийной организации по формированию коммунистической сознательности, высокой идейности, подлинного гуманизма советского человека. Оно органически включено в общую систему коммунистического воспитания, тесно связано с идейно-политическим, трудовым и нравственным воспитанием советских людей.

Мы хорошо понимаем, что в районе есть еще немало нерешенных проблем. Необходимо, например, усилить индивидуальную работу с верующими, улучшить и усовершенствовать подготовку актива, ведущего атеистическую работу, шире привлекать к ней людей, отошедших от религии, и т. д. Но вместе с тем очевидно, что комплексное планирование атеистической работы, безусловно, приносит большую пользу. В будущем мы думаем планировать эту работу на более длительную перспективу, скажем на пятилетку. Тут, правда, есть свои трудности. В частности, нам не хватает по-настоящему научных данных о религиозности населения в районе, явно недостаточно методических материалов и т. д.

Атеистическое воспитание — живое, творческое дело, которое надо вести систематически, повседневно. Партийные организации, весь идеологический актив нашего района работают и впредь будут работать над совершенствованием существующих и введением новых, более эффективных современных форм и методов научно-материалистического воспитания трудящихся.

НОВОЕ ВХОДИТ В ЖИЗНЬ

Д. КРАСНЮК

Каждый, кто побывал в Прикарпатье, наверняка обратил внимание, как красочно и торжественно отмечаются здесь праздники.

Мне довелось наблюдать, например, как отмечали в селах Перерисль, Тысменичаны такое важное событие в жизни молодых людей, как получение паспорта. Украшенные цветами и транспарантами клубы торжественно встречали гостей. Каждого, кто получал паспорт, напутствовали учителя, уважаемые производственники, персональные пенсионеры. Западало в душу то, что говорили они о высоком долге гражданина СССР, о необходимости беречь и приумножать завоевания социализма. В честь юношей и девушек читались стихи, звучали песни и музыка. В свою очередь 16-летние давали клятву быть верными сыновьями и дочерьми своей социалистической Родины.

В районе уже стало традицией проводить в первую неделю июля праздник Серпа и Молота, символизирующий нерушимую дружбу и единство рабочего класса и трудового крестьянства. На этом празднике чествуют победителей социалистического соревнования, звучит интересный рассказ о трудовых достижениях передовиков труда, проходят театрализованные выступления, конкурсы.

В цикле трудовых и календарных праздников и обрядов, украшающих жизнь, воспитывающих чувства патриотизма, трудового вдохновения, почетное место занимают и праздники урожая, лесорубов, химиков и другие. Особо следует отметить ритуалы посвящения в рабочий класс и в колхозники. Проникновенно звучат слова передовых производственников, представителей динас-

тий лесорубов, нефтехимиков. Новичкам дарят инструменты, книги, вручают дипломы. В Надворнянском районе эти торжества в большинстве случаев проходят на вечерах трудовой славы.

Вопросами обрядности в районе занимаются непосредственно председатели и секретари сельских Советов народных депутатов. Тем самым подчеркивается особая значимость этой работы.

В настоящее время во многих сельсоветах открылись комнаты торжественных событий. В них проводятся регистрация брака, наречение имени новорожденным. Эти торжественные события сопровождаются музыкой, пением хора. В каждом селе есть обрядовый староста. Заведены альбомы записи пожеланий новобрачных.

Здесь же проводятся вечера-встречи трех поколений. В них участвуют делегаты партийных и комсомольских съездов, ветераны Великой Отечественной войны, передовики производства. Такие встречи всегда оставляют глубокий след в сознании и чувствах молодых людей.



И. ДОРОФЕЙ,
председатель научно-атеистической секции районной организации общества «Знание», инспектор районо

СРЕДСТВА АТЕИСТИЧЕСКОЙ ЗАКАЛКИ

Педагогические коллективы нашего района накопили известный опыт внеклассной и внешкольной работы по атеистическому воспитанию учащихся. Во всех средних школах под руководством опытных педагогов работают хорошо себя зарекомендовавшие клубы «Светоч», а в восьмилетних — кружки «Воинствующий атеист».

Члены клубов «Светоч» и кружковцы проводят вечера вопросов и ответов, обсуждают книги, кинофильмы, выступают с лекциями и беседами перед родителями и сверстниками, помогают проведению праздников. Так, членам клуба «Светоч» Пнивской средней школы ежегодно предоставляется право открывать праздник новогодней елки в районном центре. Они вручают поздравительные телеграммы руководителям предприятий и учреждений района, разыгрывают театрализованные представления.

В школах района популярны атеистические стенгазеты, выпускаемые ребятами. В них помещаются сообщения о новинках науки и техники, народные пословицы и поговорки о религии, юморески, лучшие ученические рассказы и стихи.

Уже десятый год в школах проводятся традиционные атеистические недели. Это большое событие, к нему готовятся все ученики. В эти дни устраиваются выставки ученических работ по атеистической тематике, читательские конференции, утренники, пионерские и комсомольские собрания, беседы, лекции, проводятся просмотры и обсуждения кинофильмов, встречи со знатными людьми.

Одна из интересных форм внеклассной работы — районные слеты юных атеистов, на которых подводятся итоги работы клубов «Светоч», кружков «Воинствующий атеист», пионерских и комсомольских организаций. Такие слеты в нашем районе стали уже традиционными. Весной прошлого года состоялся десятый районный слет, в нем приняли участие руководители клубов, учителя и школьники. Перед делегатами выступили представители райкома партии, райкома комсомола, районо, старые коммунисты, делегаты партийных съездов, бывшие верующие.

Кроме того, на подобных слетах демонстрируются лучшие номера стенгазет, разработки и сценарии атеистических утренников, вечеров, литературных викторин, устных журналов, а также альбомы, рефераты и рисунки ребят. Перед участниками слета выступают члены агиткультбригады и драмкружковцы. Проходит коллективный просмотр атеистических фильмов. Здесь же лучших активистов награждают грамотами районного отдела народного образования и райкома комсомола, книгами.



П. ЛЕВИЦКАЯ,
кавалер ордена Ленина, учительница Перерислянской средней школы

РОДИТЕЛЬСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

В Надворнянском районе хорошо зарекомендовали себя лектории для родителей, которые вот уже более десяти лет активно действуют во всех средних и восьмилетних школах. Их программа рассчитана на то, чтобы помочь родителям овладеть основами научно-материалистических знаний. Сейчас в районе этой массовой и эффективной формой атеистической пропаганды охвачено более десяти тысяч человек.

Вот как отзываются о лектории сами слушатели. Отец четверых детей из поселка Дилятина В. Романюк сказал: «Лекции помогли мне, как и многим другим, понять реакционную сущность религии».

М. Корчовский и Р. Луцюк из села Волосов высказались так: «Мы с детства верили в бога — так нас воспитали. Прослушав цикл лекций в школе, мы многое узнали о нашей планете, о науке, о людях. Теперь мы уже не учим своих детей молитвам, пусть они сами выберут правильный путь в жизни».

В нашей школе каждый месяц собираются родители. После раз-

говора об учебе детей начинаются занятия лектория. Родители знакомятся с тем, что такое религия и атеизм, как наука и религия объясняют происхождение и развитие Вселенной, Земли, растительного и животного мира, человека, получают сведения о первобытных формах религиозных верований у различных народов.

На чтении этих лекций специализируется определенная группа педагогов: каждый выступает во всех классах только со своей темой. К выступлениям перед слушателями мы привлекаем секретаря парткома местного колхоза, главного инженера, специалистов, председателя сельсовета, заведующих медпунктом и библиотекой.

Но на занятиях лектория не только читаются лекции. Перед слушателями выступают члены школьного клуба «Светоч». Они демонстрируют химические и физические опыты, декламируют стихи и отрывки из прозаических произведений классиков украинской литературы. Завершается лекторий обычно выступлением атеистической агитбригады.

Надворнянский райком партии оказывает родительским лекториям помощь и поддержку. Для лекторов проводятся семинарские занятия, отдел агитации и пропаганды вместе с районным отделом народного образования и районной организацией общества «Знание» издал примерную тематику научно-атеистических лекций для родителей учащихся общеобразовательных школ на десять лет (1978—1988 гг.). Подобрана и литература по каждой теме. А это очень важно, так как начиная с третьего и четвертого года слушатели лектория изучают такие сложные темы, как критика основных течений христианства, православие в современных условиях и т. д.

Многолетний опыт работы родительских лекториев убедил нас, что это наиболее удачная форма атеистического влияния на верующих. В последнее время во многих селах дети перестали посещать молитвенные собрания, охотно выполняют общественные поручения. Например, десятиклассник Василий Данилюк из баптистской семьи — активный спортсмен, выступает в своем классе с политинформациями, Ярослав Втерковский перестал посещать общину.



М. РУДНИЦКИЙ,
председатель атеистического совета при Надворнянском райкоме Компартии Украины

ИСКУССТВО ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА

Известно, что пропагандисты научного атеизма должны знать не только особенности того или иного вероучения, его происхождение, историю, организационную структуру, но и психологию, ценностные ориентации верующих. Об этом помнят атеисты района, ведущие индивидуальную работу с верующими. В районе есть консультационные пункты, которые возглавляют пропагандисты, специализирующиеся на определенном вероучении. Валерий Викторович Смирнов, директор Леснотарновицкой восьмилетней школы, например, хорошо знакомый с вероучением евангельских христиан-баптистов, на своих лекциях часто выступает с научной критикой Библии. Дмитрий Михайлович Грещук, директор Белославской средней школы, сосредоточил внимание на особенностях вероучения адвентистов седьмого дня, а его коллега Петр Иванович Грицив из Краснянской восьмилетней школы — на таком порождении униатства, как покутничество. Работник районного отдела народного образования Иван Федорович Дорофей разрабатывает тему «Критика реакционной сущности униатства», а заместитель председателя райисполкома Владимир Федорович Еременко консультирует по вопросам советского законодательства о религиозных культах. Лично я больше всего внимания уделяю критике идеологии «свидетелей Иеговы».

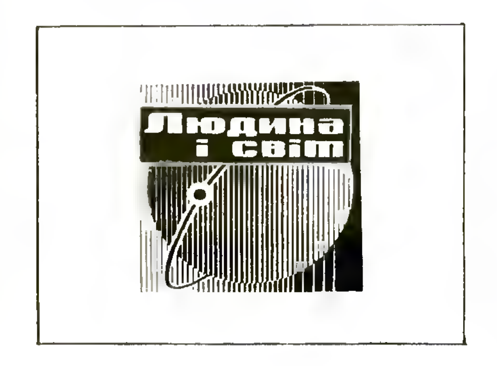
Особенно эффективны в атеистической работе вечера встреч, на которые приходят и члены общин. Именно там мы стараемся вести откровенный разговор об истинной сущности их вероучения. В большинстве случаев верующие охотно вступают в разговор с лекторами, однако побаиваются, как бы не скомпрометировать себя в глазах единоверцев.

Практика подтвердила, что многим агитаторам и пропагандистам удается быстро установить контакт с верующими, когда встречи связаны с заботой об их детях.

В селе Тысменичаны директор школы П. В. Шак и учитель М. И. Стягар посещали многодетную семью Марии Зельман. Каждый раз заходил разговор об успехах детей. Но хозяйка недружелюбно встречала учителей, на их вопросы отвечала односложно и неохотно, все время поглядывая на больного мужа. В конце разговора она заявила: «Зря вы убеждаете меня, я отдала себя богу Иегове, никогда не сойду с этого пути, тому же учу и своих детей».

Вскоре муж умер, и осталась Мария Федоровна с восемью детьми-школьниками. Трудно ей было. Но помогли правление колхоза имени Калинина, исполком сельсовета, учителя. Двоих девочек устроили в Надворнянскую среднюю школу-интернат. Марии Федоровне предложили место доярки на колхозной ферме. В работе она нашла радость, увидела, как заботится Советская власть о людях.

Все ее дети успешно закончили учебу, работают. А сама Мария Федоровна навсегда отошла от «свидетелей Иеговы».





А. ВАШКО,
директор Надворнянского
районного Дома культуры,
секретарь совета
передвижного клуба
«Человек и мир»

ВСЕГДА В ПУТИ

В красном уголке Надворнянского комбината бытового обслуживания побывал передвижной атеистический клуб «Человек и мир». Короткие, но содержательные выступления опытных лекторов всем понравились. Потом свое искусство продемонстрировала агиткультбригада Надворнянского лесокомбината. В исполнении самодеятельных артистов прозвучали стихи, куплеты, интермедии на атеистические темы. Присутствующие долго аплодировали артистам. Члены клуба давали консультации, отвечали на вопросы, рекомендовали новинки литературы.

Вот уже 12 лет в нашем районе существует интересная форма научно - атеистической пропаганды — передвижной клуб «Человек и мир». Руководит им совет из пяти человек во главе с пропагандистом А. Ревтюком. Активные участники клуба — лектор райкома партии В. Кузив, секретарь райисполкома Р. Струтинский, инспектор районо И. Дорофей, директор Леснотарновицкой восьмилетней школы В. Смирнов, персональный пенсионер Р. Свидрук, заведующий травматологическим отделением больницы З. Кравчук, врач Я. Цисельский, заведующая районным отделением загса О. Стреха, методист районного Дома культуры М. Ковальчук.

В арсенале передвижного клуба — агитационно-пропагандистские материалы, выставка «Наука и религия», наглядные пособия, плакаты, кинофильмы. Выезды проводятся по плану-графику, который есть у секретаря каждой партийной организации колхоза, совхоза, предприятия. Это дает возможность подготовиться к приезду клуба: собрать вопросы, узнать пожелания людей. И выступления клуба «Человек и мир» всегда связаны с жизнью данного населенного пункта или коллектива предприятия.

Особенно радостно встречают передвижной клуб в отдаленных хуторах и горных селах, таких, как Белые Ославы, Черный Поток, Зеленая, Быстрица. Ведь здесь, к сожалению, редко бывают профессиональные художественные коллективы. С огромным интересом принимают присутствующие атеистические произведения Тараса Шевченко, Ивана Франко, Ярослава Галана в исполнении самодеятельных артистов. Особенно нравится, когда лекции сопровождаются кинофильмами.

Поэтому не случайно после выступления клуба можно услышать высказывания, подобные тем, которыми поделились с нами работницы хлебопекарни: «Интересно было слушать агиткультбригаду. Понравились и частушки, рассказ о новых безрелигиозных праздниках и обрядах. Мы всегда с радостью ждем вашего приезда».

БУЙНЫЙ ЦВЕТ ВЕСНЫ

С. ТЕТЕРУК

...Им обоим кукушка откуковала уже не одну весну. Но они будто впервые родились на свет.

Женщина приходила вначале редко, крадучись, словно стыдилась своего присутствия здесь. Но потом все чаще и чаще появлялась она в комнате торжественных событий. Видела красивых юношей и девушек в фате, в длинном белом платье со шлейфом и цветы, цветы — до самого порога. Она, правда, верила в иное, неземное. Но как-то невольно, подспудно, ее все более охватывали боль и жалость за прожитые годы, отдаленным звуком возникали в сознании перезвоны свадебных бубенцов, она чувствовала тепло маленького живого комочка у груди...

Она сшила платье у сельской портнихи, длинное, со шлейфом, прозрачно-белое.

Накануне торжественной регистрации председатель сельсовета осторожно спросила, не будет ли это противоречить ее вере.

— Мы хотим, чтобы все, как у людей. Чтобы мы — как все. Другой веры у нас нет...

В центре Тысменичан — памятник. Рядом — арка. Около арки, на высокой мачте, — красный флаг, поднятый в честь победителей социалистического соревнования.

И памятник и флаг — символы этого села. Практически все взрослые мужчины, 152 человека, принимали непосредственное участие в Великой Отечественной войне, 43 тысменичанина погибли в боях с врагом, 29 стали жертвами украинских буржуазных националистов. На памятнике выбиты их имена. Это прошлое села, его скорбь и гордость.

Красный флаг... Есть что-то волнующее в его плавном полете над селом. Поднят не просто флаг — возвеличивается человек, который добрым трудом, гражданской ответственностью заслужил высокую похвалу. В тот день надпись сообщала: «Красный флаг поднят в честь И. Пленюка — тракториста, Я. Яремчука — дояра, Е. Губило — звеньевой».

— Каждую декаду новые имена, а фамилии некоторых колхозников и по нескольку раз в течение года сюда заносим: кто как заслужил. — Секретарь партийной организации колхоза имени Калинина Иван Васильевич Черный, коренной житель Тысменичан, по памяти перечисляет, кого уже чествовали в этом году.

— Интересно, кто в последнем списке самый молодой?

— Славко, Ярослав Яремчук. Дояр. Кстати, единственный в колхозе.

— Можно познакомиться с ним?

— А почему же нет.

Ферма, откровенно говоря, не произвела на меня особого впечатления. Сегодня в селах можно увидеть фермы, похожие на настоящие комбинаты животноводства. А эта — обычный двухрядный коровник с автопоилкой и кормораздатчиком. И все, наверное, потому, что колхоз начинал когда-то с кормовой базы, соорудил свой комбикормовый (те-

перь межколхозный) завод, чтобы на доходы от реализации его продукции развивать другие отрасли.

А вот и Ярослав, голубоглазый, светловолосый юноша. Ходит уверенно, по-хозяйски наводит всюду порядок. Двадцать один год от роду. Комсомолец.

Слава рассказал: в армии был поваром. Вставал раньше всех, готовил еду товарищам. После армии вернулся в село. И неожиданно для многих опять пошел на ферму дояром.

Его портрет я видел раньше на районной Доске почета, а теперь в его честь развевается над селом красный флаг.

— Встаю, как в армии, в пять. И — сюда. Потом маме, если надо, помогу. Мы с ней вместе работаем. Маму мою зовут Прасковья Михайловна. Да вы, наверное, видели ее, когда шли сюда, она раздавала корм коровам.

... В свое время отец Прасковьи Михайловны, Славин дед, был активым членом общины «свидетелей Иеговы». Как и большинство верующих, Михаил Данилович стремился воспитать в том же духе и детей. Но однажды этот пожилой человек удивил единоверцев: все, порываю с вами, не верю вам!

А случилось вот что. Приближался очередной срок разрушительного армагеддона, назначенный Бруклинским центром. Чем ближе приближался этот день, тем больше опускались у верующих руки, всякое земное дело теряло смысл, даже сама жизнь. Михаил Данилович вырубил сад у своего дома: все равно все пойдет прахом.

А весна брала свое. Вокруг стояли в буйном цвете сады — и в колхозе, и у соседей, да и у многих братьев по вере. Михаил Данилович больно переживал пустоту под окнами, чувствовал себя обиженным, обманутым, всенародно осмеянным.

Сад оказался последней каплей, барьером, перейдя который человек стал критически осмысливать все прожитое и пережитое: тайные сборы с чтением текстов, отпечатанных на папиросной бумаге, дела «слуг» Иеговы. А когда осмыслил — понял, что и его собственная жизнь была, по сути, вырубленным садом.

...Постепенно все становилось на свои места. Сегодня один из сыновей — Федор — моряк дальнего плавания, Дмитрий — колхозный строитель, Прасковья с сыном Ярославом — на ферме. Помогает родному колхозу и Михаил Данилович — работает на пилораме. Вера в себя, в жизнь, уверенность в завтрашнем дне — вот теперь смысл его бытия.

30 лет назад был создан колхоз в Тысменичанах. А какие произошли преобразования! И дело не только в экономическом подъеме хозяйства, хотя это, конечно, основа основ. Если быть точным, колхоз имени Калинина — не из самых передовых. В районе есть и лучшие хозяйства. Но дело даже не в количестве личных автомашин, добротных домах и телевизорах. Главное — изменились люди, их интересы. Крестьянин стал не просто членом колхоза, а хозяином собственной судьбы, коллективистом по своему духу.

Возьмем, к примеру, время уборки льна — основной культуры в колхозе. Кого только не увидишь в это время в поле: дети, старики, студенты. Нет этого: «мое» или «не мое». Все наше, общее.

А вот что рассказала заведующая библиотекой Мария Ивановна Черная:

— Большинство жителей села, а их 1400 человек — наши читатели. Конечно, чтением теперь никого не удивишь. Но ведь каким стал теперь читатель! Пытливый, заинтересованный. Прочитали что-то, например, доярка Анна Зельман или работница комбикормового завода Стефания Селкович — тут же попросят для других, принесут домашним. Фонд у нас почти 15 000 книг. Только за последнее время колхоз выделил тысячу рублей на покупку литературы. Да и читальный зал, как видите, у нас не хуже, чем в городе.

Интересная деталь: «не хуже, чем в городе». В Тысменичанах, да и в других селах Прикарпатья, все чаще прибегают к таким сравнениям. Город пока остается эталоном, но не отстает, подтягивается к нему село. Я видел просторные, хорошо спланированные дома. Газ, электричество, водопровод. Изменяется социальная структура села. 700 тысменичан, например, работают в Ивано-Франковске, Надворной, где есть нефтеперерабатывающий завод, лесокомбинат, который по технологическому оборудованию, как считают специалисты, один из лучших в Европе. Немало людей занято на местном комбикормовом заводе. Так что фигура рабочего, работника сферы обслуживания, культуры становится все более заметной на селе. А прибавьте к этому интенсификацию собственно сельскохозяйственного производства, подъем отраслей животноводства, земледелия, механизацию производственных процессов. Все это заметно изменяет село, придает ему много городских черт, совершенствует общественные отношения между людьми.

Председатель поселкового Совета Дмитрий Николаевич Бабий рассказал:

— Те, кто работает в Ивано-Франковске, Надворной, — это не беглецы из села. В Тысменичанах имеется избыток рабочей силы, потому работа в других местах — закономерность. В своем селе эти люди не чувствуют себя временными жителями. Наоборот — из города приносят в село организованность, дисциплину, интерес к общественной работе.

Забота об общественном, чуткость, взаимопомощь — не просто черты характера отдельных людей. Они становятся моральной нормой жизни крестьян. Разве не об этом записано в плане социального развития колхоза: «Создавать условия взаимного уважения и доверия, хороших взаимоотношений между руководителями и подчиненными, высокой трудовой и политической активности каждого труженика. Этому будут содействовать улучшение условий труда, моральные и материальные стимулы, социалистическое соревнование и движение за коммунистическое отношение к труду».

Это уже документ, долгосрочная программа жизни и деятельности коллектива. Она обоснована, выверена, взвешена. В нее верят, ее уже выполняют жители.

Конечно, есть в селе и верующие. Но все больше приходит к ним понимание того, что вера в иллюзорное счастье обернулась для них пропавшими даром лучшими годами.

Поняли это и Михаил Данилович Семанюк, который когда-то вырубил свой сад, и Михаил Дмитриевич Глек, посещавший общину «свидетелей Иеговы», теперь лучший, отмеченный правительственными наградами строитель села.

Не мистическре, иллюзорное счастье, а вполне конкретный расчет, подтвержденный практикой, одобренный всеми жителями села, вдохновляет людей, становится важнейшим фактором развития их социальной активности, формирует материалистическое мировоззрение.



Рисунок Е. Федоровой.

В эпоху научно-технической революции необычно возросла роль личностных качеств трудящегося во всех сферах общественного производства. Оно, говоря словами К. Маркса, все более и более превращается в экспериментальную, предметно воплощаемую науку, а следовательно, требует со стороны работника не бездумного, механического выполнения своих обязанностей, но обязательного творческого подхода к делу. Поэтому вполне понятен интерес к проблеме творческого мышления, существенной частью которого является интуиция, «интуитивное озарение».

Создатель волновой теории материи Луи де Бройль, например, пишет: «Воображение, позволяющее нам представить сразу часть физического мира в виде наглядной картины, выявляющей некоторые ее детали, интуиция, неожиданно раскрывающаяся нам в каком-то внутреннем прозрении, не имеющем ничего общего с тяжелым силлогизмом... являются возможностями, органически присущими уму; они играли и повседневно играют существенную роль в создании науки... Наука, по существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять свои наиболее значительные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности, освобожденные от тяжелых оков старого рассуждения: их называют воображением, интуицией, остроумием...»

Сложность и во многом еще непознанность процессов интуиции дает, по мнению некоторых исследователей, основание для сближения, примирения науки и религии. Так, известный физико-химик М. Поляни, который занимался изучением особенностей интуитивного, или, говоря его словами, «молчаливого знания», утверждает, что, поскольку «молчаливое знание» содержится и в науке, и в религиозной вере, постольку «наше знание природы имеет прямое отношение к нашим религиозным верованиям. Наука и религия вовсе не являются противоположными областями, а имеют общую основу». Как же выглядит все это в действительности? Корреспондент журнала А. Лепихов встретился с академиком Бонифатием Михайловичем КЕДРОВЫМ и обратился к нему с несколькими вопросами.

● — КАКОВ ВЗГЛЯД ФИЛОСОФОВ-МАРКСИСТОВ НА ПРОБЛЕМУ ИНТУИЦИИ, ИГРАЮЩЕЙ СТОЛЬ ЗАМЕТНУЮ РОЛЬ В ТВОРЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ?

— Элемент «бессознательности», непроизвольности в научном творчестве всегда давал основания для различного рода мистических представлений. Как подчеркивал В. И. Ленин, «познание человека не есть (respective не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов)»[1].

Примитивное представление о боге или более утонченное о каком-то высшем существе, стоящем над человеком и решающем за него наиболее сложные проблемы, имеет гносеологические корни именно в непознанных еще законах окружающего нас мира и общественной жизни. И тут возможны два варианта. Либо у человека существует твердая уверенность в том, что он может рано или поздно решить все встающие перед ним задачи, познавая законы природы, общественной жизни и духовной деятельности, — тогда эта гносеологическая предпосылка отпадает. Либо же такой уверенности нет — и вот тогда-то и появляется «творец», который решает их на каком-то сверхъестественном, сверхчеловеческом уровне.

История борьбы двух мировоззрений — идеалистического и материалистического—свидетельствует о последовательном сужении плацдарма для религиозных «решений» и соответственно расширении возможностей научного объяснения самых загадочных явлений микрокосма, происхождения жизни, эволюции Вселенной и т. п. То же самое верно и в отношении жизни общества. Огромная роль случайностей, множество сложных, скрытых и трудно выявляемых факторов общественного развития создавали впечатление, что какая-то таинственная, неизвестная сила направляет историческое развитие человечества. В конечном же итоге — и это блестяще доказано марксизмом — и в общественной жизни все сводится к действию объективных закономерностей.

Но есть еще сфера духовной деятельности, сфера творчества, где человек проявляет свой высший потенциал как существо сознательное, мыслящее, способное создавать новое. И, как мне кажется, именно здесь сегодня еще существуют предпосылки для того, чтобы исследователь, не верящий в безграничную мощь человеческого разума, видел вмешательство сверхъестественных сил.

Действительно, процессы творческого труда — научного или художественного — настолько сложны, что многое в них до сих пор остается необъясненным и до конца не понятым. И если при анализе явлений творческого мышления мы будем исходить из тезиса, что все необъясненное и непонятное может служить опорой веры в сверхъестественное, то станет понятным, почему в наиболее сложных для рационального объяснения сферах познания в каждый исторический период были особенно сильны позиции идеализма и религии.

Один из выдающихся математиков XX века А. Пуанкаре, занимавшийся также изучением проблем научного творчества, писал: «Что же такое открытие в математике? Оно состоит в том, чтобы создавать новые комбинации из уже известных математических фактов. Это мог бы сделать любой, но таких комбинаций было бы конечное число и абсолютное большинство из них не представляло бы никакого интереса. Творить — это означает не создавать бесполезных комбинаций, а создавать полезные, которых ничтожное меньшинство. Творить — это уметь распознать, уметь выбирать». И хотя этот отбор, как считает А. Пуанкаре, порой совершается интуитивно, бессознательно, он делает существенную оговорку: «Есть еще одно замечание по поводу условий этой бессознательной работы: она возможна или, по крайней мере, плодотворна лишь в том случае, когда ей предшествует и за ней следует сознательная работа... Эти внезапные вдохновения происходят лишь через несколько дней сознательных усилий, которые казались абсолютно бесплодными, когда предполагаешь, что не сделано ничего хорошего, и когда кажется, что выбран совершенно ошибочный путь. Эти усилия, однако, не являются бесполезными, как это думают; они пустили в ход бессознательную машину, без них бы она не пришла в действие и ничего бы не произвела».

● — НО ЕСЛИ ПРОЦЕСС НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАН НЕ ТОЛЬКО С СОЗНАТЕЛЬНЫМИ, А И БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМИ, ИНТУИТИВНЫМИ МОМЕНТАМИ, ТО НЕ ЛИШЕН ЛИ СМЫСЛА В СВОЕЙ ОСНОВЕ ВОПРОС О ПОИСКАХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ЭТОГО ПРОЦЕССА?

— Если мы присмотримся к тому, как приходят к своим высшим творческим достижениям художники, поэты, ученые и изобретатели, то заметим, что это всегда сопровождается сильнейшим возбуждением, нередко даже экзальтацией, отрешенностью. Именно в таком состоянии, когда высшее напряжение всех интеллектуальных сил человека направлено только в одну точку, и решается внезапно задача, которая перед ним стояла. Когда же проблема решена, то ученый, как правило, не может объяснить, как он нашел путь к успеху. Характерна в этом отношении история открытия Д. И. Менделеевым периодического закона. В самый день открытия он должен был выехать из Петербурга по делам, не имевшим ничего общего с периодическим законом. И именно в тот момент, когда все было готово к отъезду, у Менделеева внезапно родилась идея будущей системы элементов, а точнее — принцип систематизации элементов по их атомным весам.

Обратим внимание на важное обстоятельство. Открытие периодического закона началось, казалось бы, в самый неблагоприятный момент. Менделеев буквально сидел на чемоданах и, торопясь к поезду, стремился покончить со всеми делами, не имевшими отношения к его отъезду. Надо только представить себя на месте Менделеева! Он прилагал все усилия, чтобы как можно скорее, в предельно короткий срок закрепить мелькнувшую гениальную догадку и успеть к поезду. В результате создался невероятный «цейтнот», когда приходи-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322

лось делать «ходы» почти молниеносно один за другим.

В таком вот своеобразном «цейтноте» и родилось это великое открытие. В течение одного дня — Менделеев даже успел отослать экземпляр таблицы элементов для набора в типографию. Можно полагать, — и не без оснований, — что если бы у него не было такого дефицита времени, открытие периодического закона заняло бы гораздо больше времени и не протекало бы столь стремительно и напряженно. И то, что первоначально казалось неблагоприятной для открытия обстановкой («цейтнот»), на деле стало самым благоприятным фактором и лучшим стимулятором для ускорения творческой работы — мысль ученого, не останавливаясь ни на минуту, как бы выхватывала из множества возможных путей и способов дальнейшего своего движения наиболее рациональное, не задерживаясь на второстепенных вопросах.

Изучая огромный архив Менделеева (а Дмитрий Иванович отличался тем, что сохранял абсолютно все бумаги), нам удалось проникнуть в творческую лабораторию ученого и как бы присутствовать при развертывании работы его мысли. Тем самым одновременно раскрывается и психологическая сторона творческого процесса, причем в наиболее напряженный его период — момент совершения открытия.

Я сделал столь большое отступление, рассказав о реконструкции творческого акта выдающегося ученого, чтобы была понятна основа моей убежденности в следующем: я абсолютно уверен в том, что, как и все в природе, психические процессы, совершающиеся в нашем мозгу, подчинены строгим законам. Но эти законы не являются простой копией законов внешнего мира, а имеют свою специфику. И поэтому заранее обречены на неудачу попытки прямо из законов мироздания и закономерностей общественной жизни выводить законы человеческого мышления, сознания и особенно творческой деятельности. Специфика таких законов, в частности, связана с работой интуиции. Нет ни одного творческого акта, который бы проходил без ее участия. Следовательно, и решение задачи о закономерностях развития мышления, особенно в момент творческого акта, неотделимо от познания законов проявления интуиции. Это большой и сложный вопрос, где мы любым идеалистическим концепциям должны противопоставить материалистическую точку зрения.

Приведу пример. Академик И. П. Павлов вспоминал, что однажды по какому-то частному поводу, когда возникло затруднение, потребовавшее объяснения, он создал соответствующую теорию. Ученый запомнил исходную задачу и конечный пункт-решение, а вот весь процесс — от момента постановки задачи и до нахождения решения — у него не остался в памяти. Такой процесс, не зафиксированный в сознании, Павлов и назвал интуицией. Но я бы сказал, что здесь дело обстоит сложнее: Павлов не мог **забыть** ход создания своей теории, этот процесс просто не попал в память ученого, так как не был обычным формальным логическим мышлением, при котором мы строим силлогизмы, делаем выводы и фиксируем весь ход наших рассуждений этап за этапом. Видимо, есть еще какие-то иные способы познания, которые тоже вполне закономерны и имеют объективную основу, но являются особыми, отличными от привычных нам приемов формальной логики.

Порой мы «задним числом» с легкостью восстанавливаем логический ход мысли исследователя от поставленной задачи до ее решения. Однако это вовсе не тот реальный путь, каким **на самом деле шла** человеческая мысль, делая данное открытие, создавая теорию, решая задачу, а лишь тот, каким **должна была бы идти** человеческая мысль, если бы подчинялась только хорошо известным нам обычным логическим правилам, нормам и приемам.

Разумеется, конечный результат, например открытие какого-либо нового закона природы, не зависит от пути, каким он достигается: очищенное от всего случайного, привходящего, от всего субъективного, связанного с особенностями личности данного ученого, найденное зерно истины уже выступает как зерно истины объективной, не зависящей от человека и человечества. Однако сам ход постижения истины часто оказывается фактически чрезвычайно прихотливым, неожиданным, извилистым, так как зависит от одновременного действия множества самых различных факторов и случайных обстоятельств психологического и социального характера.

А отсюда — важный вывод, который надо помнить всем, кто занимается анализом творческих процессов: эти процессы должны быть предметом исследования целого комплекса наук — философии, логики, психологии, физиологии, истории, естествознания и других. Лишь такой комплексный подход дает возможность изучить историю данного открытия в его целостности и конкретности.

● **— ИЗВЕСТНО: В ПРОЦЕССЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ РАНО ИЛИ ПОЗДНО НЕИЗБЕЖНО ВОЗНИКАЕТ ОПРЕДЕЛЕННОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ В ВИДЕ ЗАКРЕПЛЕНИЯ МЫСЛИ УЧЕНОГО НА ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ СТУПЕНИ ПОЗНАНИЯ. ОНО МЕШАЕТ МЫСЛИ ПЕРЕЙТИ НА БОЛЕЕ ВЫСОКУЮ СТУПЕНЬ. ЭТО ПРЕПЯТСТВИЕ НОСИТ ОБЩЕПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ И ВМЕСТЕ С ТЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР И НЕ СВЯЗАНО НИ С ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬЮ УЧЕНОГО, НИ С ПРИРОДОЙ ИЗУЧАЕМОГО ОБЪЕКТА. НО НЕСОМНЕННО И ДРУГОЕ: КОЛЬ СКОРО НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ ДЕЛАЮТСЯ, ТО УЧЕНЫЕ МОГУТ КАКИМ-ТО ОБРАЗОМ ПРЕОДОЛЕВАТЬ ЭТОТ «БАРЬЕР» НА ПУТИ К НОВОМУ. В КАКОЙ СТЕПЕНИ ИЗУЧЕН ЭТОТ МЕХАНИЗМ!**

— Попытаюсь выдвинуть посильное объяснение этому еще далеко не изученному явлению. Давайте прежде всего вспомним, что при всяком изменении вещи что-то в ней обязательно остается прежним, удерживается от предыдущего состояния. Так осуществляется преемственная связь между различными последовательными ступенями развития.

То же самое верно и по отношению к сфере духовной жизни человека. В процессе поступательного движения человеческой мысли здесь также обнаруживается момент относительной устойчивости, более или менее длительный период сохранения достигнутой ступени познания. Поэтому-то развитие научной мысли происходит не по непрерывно восходящей линии, а ступенеобразно. Пока не исчерпана в той или иной мере уже достигнутая ступень поз-

Аттестовав таким образом священное писание как источник ответов на все вопросы, Рулье тут же переходит... к подробному изложению гипотезы Лапласа о возникновении Солнечной системы — не по велению бога, а в соответствии с непреложными законами природы и вовсе не в один день, а в результате длительного, миллионнолетнего процесса остывания Солнца и сгущения первоначальной туманности.

Чему же должен верить читатель? За истинность убеждений Лапласа «ручался» Рулье, объясняя преимущество научного доказательства:

«Наука требует немало от гипотезы, которую допускает, — писал он. — Нужно, чтобы она объясняла большую часть данных явлений... нужно также, чтобы эти явления объяснялись на основании положительно исследованных законов, не только возможными из данной гипотезы, но даже необходимо вытекающими.

Во всех этих отношениях никакая другая гипотеза не может сравниться с гипотезой Лапласа».

А цитата из книги Бытия? Ее следует расценить как своеобразное заклинание, которым автор надеялся спасти себя от «нечистой силы» в лице светских, духовных цензоров, чиновников от просвещения, блюстителей православия. Рулье заканчивает рассказ о сотворении мира по Лапласу такой примиренческой параллелью:

«...Наука, руководимая естественным методом, идет прочным путем, и лучшее тому доказательство — предложенная Лапласом гипотеза... В ней представляются главные явления относительно разделения атмосферы, появления на нашей планете света, суши и воды, в той же последовательности, в которой по свидетельству книги Бытия все это совершилось».

С вопросом о происхождении Земли покончено. Но впереди — лекция о появлении живых существ, постепенном развитии живого мира. И Рулье вновь напоминает читателю об основных принципах научного метода познания, минуя этап божественного творения:

«История образования земли невольно привела нас к убеждению, что ее минувшие судьбы подлежали тем же общим законам, которые ныне управляют всеми явлениями на земле... На этой неизменяемости законов природы основывается возможность изучать давно минувшие явления по явлениям, нам современным. Как история вообще изучает доисторическое существование человека, исходя из законов существования человека ныне, так и минувшие судьбы земли, растений и животных, некогда живших, возникают только через изучение явлений земных, нам современных».

Предстоит снова согласовать эти материалистические положения, противостоящие церковной догме, с утверждением, не противоречащим вере, будто история Земли, ее животного и растительного мира познается не путем изучения явлений природы, а «дана» в откровениях бога. И Рулье, приведя научные доказательства того, что растения появились на нашей планете раньше животных и создали условия для появления последних, «насытив атмосферу кислородом», снова поминает библейскую книгу Бытия. И дальше, последовательно излагая и обосновывая научную картину Мира, ученый не забывает ссылаться на Библию. Было бы несправедливо упрекать его в «соглашательстве». Пропагандисты науки тогда — и раньше и позже — просто вынуждены были прибегать к подобной маскировке, чтобы иметь возможность выступать с прогрессивными идеями. Достаточно вспомнить, как «непонятно» назвал свою книгу об основах исторического материализма Плеханов: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»...

Удивительно другое. Формальные, не связанные с основным текстом книги, приведенные и тут же опровергнутые ссылки на Библию сделали свое дело: книгу разрешили к печати. Тираж ее был готов очень быстро, 150 экземпляров поступили в магазины и сразу разошлись. Прочел ее и министр народного просвещения, прочел и понял, как оплошал он, разрешив Рулье чтение лекций, и как недальновиден, попросту слеп, оказался цензор, «пропустивший» книгу. В результате возникло «дело о книге Рулье», хранящееся теперь в Центральном государственном историческом архиве. По нему и другим архивным документам можно восстановить ход последующих событий.

Министр народного просвещения, будучи по должности не только высоким чиновником, но и блюстителем и карателем, не мог, однако, не учесть того обстоятельства, что провинившийся профессор пользуется европейской известностью. Поэтому он вынужден был на первых порах ограничиться секретным циркуляром:

«...Возложить строгое и неупустительное наблюдение за университетскими лекциями профессора Рулье на гг. ректора и декана факультета с отнесением на их ближайшую ответственность всякого отступления в его чтениях от того направления, которое определено высочайше утвержденными для них инструкциею и секретным наставлением...»

Не удовлетворившись этим, министр обратился к попечителю московского учебного округа генерал-адъютанту В. И. Назимову:

«...Прошу покорнейше и вас, милостивый государь, непосредственно и независимо от ректора и декана, обращать особое внимание на преподавание этого профессора, посещая неожиданно и выслушивая внимательно его лекции».

Объявив далее выговор нерадивому цензору, министр перешел к более решительным действиям. Он наложил арест на дополнительный, еще не распространенный тираж книги. А автора известил, что книга его может попасть к читателям лишь в том случае, если он напишет к ней послесловие, где скажет, что все написанное — только ничем не доказанное рассуждение, а подлинная правда о сотворении мира и всего сущего содержится в Библии.

Министр потребовал, чтобы текст послесловия дали ему на личное утверждение. А чтобы обосновать свои действия и объяснить подчиненным всю серьезность допущенных ошибок, отдал труд профессора Рулье на рецензию В. И. Кузнецову — чиновнику особых поручений при главном управлении цензуры. Министр ясно выразил свое отношение к лекциям Рулье, сказав, что мысль о последовательном появлении растений и животных применительно к первобытному состоянию Земли не согласна со священным писанием.

«Творцу вселенной, — рассуждал министр народного просвещения, — не нужно было для этого продолжительного времени: ведь мир создан в шесть дней... Остается только присовокупить, что по разумению святых отцов и по учению православной церкви дни творения были обыкновенные дни, нисколько не отличавшиеся продолжительностью от нынешних суток».

А посему, разъяснял министр, нельзя писать, как это делает Рулье, «первоначальные растения», «постепенное появление позвоночных», «последовательное преобладание рыб», «появление растений началось простейшими формами». Все это — ересь. И книга профессора — не больше чем «неосновательные мечтательные гадания», ничего общего не имеющие с истинной наукой, призванной восхвалять священное писание.

Цензор Кузнецов старательно выполнил свою задачу по разоблачению крамольной книги. Его обширная докладная записка подробнейшим образом анализировала и лекции, и сочинение профессора Рулье. Он так заключает по поводу сути его теории:

«Эта теория совершенно противоречит главной мысли, выраженной в божественном откровении; ибо в оном происхождение миров и тварей земных приписано непосредственному действию всемогущества божия». Господин же Рулье «начальное происхождение всего существующего в видимом мире выводит из вечных законов природы».

Правда, Рулье цитирует Библию, признает цензор, однако его оговорки не достигают своей цели, отнюдь не уменьшая предосудительности теории в цензурном отношении.

«Поднадзорный профессор» написал требуемое послесловие. Что же он признал?

«Наука предлагает человеку только временные, условные истины... Положения науки, вообще условные, становятся здесь (при обращении к далекому прошлому) гипотетическими. В величественном рассказе книги Бытия... существенно содержится ответ на все частные вопросы, которые может предложить себе человек о начале земли».

Вроде бы профессор Рулье отрекся от своих убеждений, однако такая формула отречения не удовлетворила министра народного просвещения. Он сам вносит добавление в текст послесловия (о чем сохранился соответствующий документ). После слов Рулье «о начале земли» в книге следует вставка, сделанная министром, напечатанная к тому же без ведома и согласия автора книги:

«Разуму человеческому, по наблюдениям, которые он делает над процессом явлений природы, кажется необходимым целое тысячелетие, чтобы известный переход совершился, чтоб известное образование ряда тварей устроилось: но творец всемогуществом воли своей сокращает эти тысячелетия в малые сроки человеческих земных дней, по слову 89 псалма, приписываемого тому же бытописателю творения, Моисею, человеку божию: тысяща лет пред очима твоими, господи, яко день вчерашний, иже мимо иде, и стража нощная». То же самое повторяет и апостол Петр: «Едино же сие да не утаится вас, возлюбленнии, яко един день пред господом яко тысяща лет, и тысяща лет яко день един» (Соборное второе послание, гл. 3, ст. 8)».

В таком фальсифицированном виде более ста лет читали и оценивали книгу Рулье биологи и историки науки. И лишь сравнительно недавно историки науки Л. Ш. Давиташвили, С. Р. Микулинский и Б. Е. Райков прочитали старое «дело» об «отречении» профессора Рулье. И выяснилось, как много сделал он для утверждения научного мировоззрения и как убедительно показал несовместимость науки и ее выводов с религией и ее догматами.

Старинные фейерверки на Неве

О. НЕМИРО,
кандидат искусствоведения

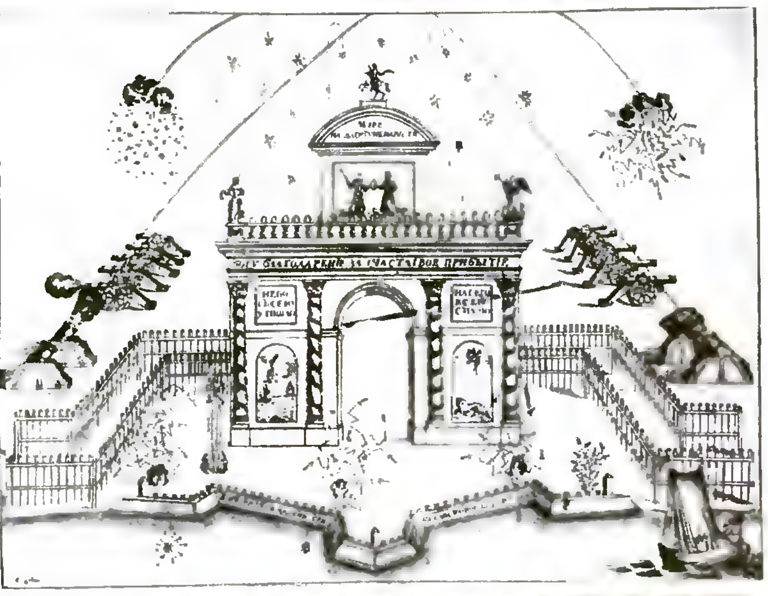
Ракеты лопались,
а пушки так гремели,
Как будто невский лед
разбить они хотели.

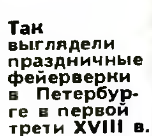
Иоганн Христиан ТРЕМЕР.
«Прощание с Петербургом».
1735 г.

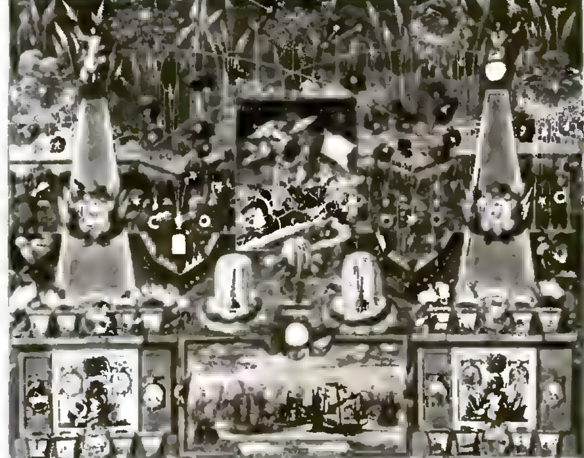
В «Истории Северной войны», в написании которой непосредственное участие принимал Петр I, сказано: «По взятии Канец (т. е. Ниеншанца) отправлен воинский совет, тот ли шанец крепить или иное место удобное искать (понеже оный мал, далеко от моря и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать нового места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место — остров, который назывался Луст Элант (то есть Веселый остров), где в 16 день мая (в неделю пятидесятницы) крепость заложена и именована Санкт Питербург»[1].

На первых порах солдаты наскоро соорудили крепость, возвели шесть бастионов да неподалеку построили первое гражданское здание — неприметный с виду маленький домик Петра. С осени 1702 года и по весну 1703 года петровские войска вели наступление на позиции шведов. Сначала отвоевали они крепость Нотебург (некогда русский Орешек, Петр I переименовал ее в Шлиссельбург — город-ключ). К весне 1703 года русские войска пробились к устью Невы, где находилась крепость Ниеншанц. 2 мая ее гарнизон сложил оружие, через пять дней Петр выиграл морское сражение со шведским флотом, а 16 мая был заложен новый город.

Со всех концов России сюда начали стекаться работные люди. Застучали топоры, пролегли просеки да дороги. В топкой невской земле появились каналы, болотистые берега стали одеваться в гранит.







Так выглядели праздничные фейерверки в Петербурге в первой трети XVIII в.

Петр был бесконечно влюблен в свое творенье и мыслил его не только как порт, но и как новую столицу Российского государства. «Петербург будет другой Амстердам», — не раз говорил он.

Город вырастал быстро, уже в апреле 1706 года адмиралтейская верфь построила первый военный корабль, церемониал спуска которого превратился в настоящее празднество. Официального указа о том, что Петербург стал столицей, не последовало. Датой превращения города на Неве в столицу России принято считать 1713 год, когда сюда полностью переехали из Москвы двор, сенат, дипломатический корпус. На царском штандарте, гордо развевавшемся на всех торжественных церемониях, к государственной эмблеме — двуглавому орлу, держащему в клюве и когтях карты-силуэты с обозначением трех принадлежащих России морей, теперь прибавилось четвертое — Балтийское.

Долгой и упорной была война со Швецией, длившаяся 21 год, прежде чем невские берега навсегда остались за Россией. Где бы Петр ни был, он не переставал думать и заботиться об основанном им городе. Для него с Петербургом связаны все преобразования, коренная ломка устоявшегося уклада жизни. Здесь сооружались кирпичные светские здания, именно тут старались соблюдать регулярность застройки. Сооружались величественные дворцы, разбивались уникальные по красоте сады и парки. Петербург быстро стал не только признанной в Европе столицей русского государства, портом международного значения, экспе-

[1] Н. Павленко. Петр Первый. М., 1976, стр. 98.

риментальной градостроительной лабораторией, но и средоточием духовных ценностей, культуры, находящейся в тесном контакте с передовой культурой Европы.

На невских берегах закладывались новые, невиданные ранее формы общения людей — повседневные, трудовые, праздничные; взаимоотношения поколений, новые правила этикета, было покончено с прежним теремным затворничеством женщин. Безусловно, все эти преобразования были далеки от подлинного демократизма: Петр не выдавал себя за «народного царя», никогда не забывал указывать, что равноправия сословий быть не может. Все, что он предпринимал, делалось для укрепления абсолютизма, усиления позиций правящего класса. Все это так. Однако нельзя не заметить, что преобразовательская политика царя коснулась всех сторон жизни России.

В настоящих заметках мы хотим остановиться только на одной стороне жизни Петербурга: речь пойдет о праздниках, которые устраивались на берегах Невы.

Празднества, народные гулянья, фейерверочные зрелища и представления органично и прочно вошли в русскую культуру XVIII века. В ней в какой-то степени и проявилось противоречие петровской эпохи: с одной стороны, жесточайшая эксплуатация, тяжелые поборы, рекрутчина, принудительная мобилизация на строительные работы, карательные экспедиции против бунтарей, с другой — карнавалы и празднества, ассамблеи и маскарады.

Как относились народные массы к невиданным ранее фейерверочным зрелищам и шествиям победителей, к декоративному убранству улиц? Еще в 1696 году дивился люд московский тому, как древняя столица встречала войска, возвращавшиеся из Азовского похода. Поразились тогда диковинному «греховному» шествию без привычных церковных песнопений, малинового перезвона колоколов, без хоругвей и икон, без чинного шествия священнослужителей. Вся Москва наблюдала рождение нового светского празднества, с шествием-смотром военных и гражданских, с чтением приветственных стихов возле триумфальной арки, воздвигнутой по сему случаю. Самое удивительное, что во главе колонны не то что духовенства, но и самого царя не было. Впереди шумной и многоликой процессии, развалясь в карете, ехал «князь-папа» Никита Зотов. А царь-батюшка, как простой смертный, шествовал в толпе в темном заморском платье, в шляпе с белым пером и, словно рядовой солдат, торжественно нес протазан.

Сразу заметим, что в тот период празднества, конечно, не были массовыми и всенародными (такими они стали только после Великого Октября). Народ лишь смотрел на новые зрелища — чаще всего с опаской, пугливо отводя глаза в сторону, впрочем, и с любопытством. Интересно замечание А. С. Пушкина, относящееся к встрече победителей шведов под Дерптом и Нарвою (середина декабря 1704 г.): «Народ смотрел с изумлением и любопытством на пленных шведов, на их оружие, влекомое с презрением, на торжествующих своих соотечественников и начинал мириться с нововведениями».

Фейерверочные зрелища в Петербурге были, по сути, одной из форм пропаганды деятельности Петра, внутренней и внешней политики государства, политических и экономических успехов страны. Прежнему замкнутому, проникнутому религиозной обрядностью средневековому византийско-церковному придворному этикету Петр I противопоставил совсем иные, светские традиции праздничной культуры. Новые торжества, всевозможные потехи и пародийные обряды типа «всешутейшего и всепьянейшего собора», маскарадно-карнавальные шествия — все это способствовало ломке устоев освященного церковью патриархально-домостроевского быта.

Стремясь полностью подчинить духовную власть государству, Петр I по-новому отнесся к празднествам. В их оформлении он, вместо традиционной христианской изобразительной иконографии, требовал широко вводить светскую тематику, использовать события современности, исторические факты, народно-фольклорные образы. Любопытно, как по этому поводу писал Иосиф Туробойский — префект московской Славяно-греко-латинской академии: «Но яко мню, удивившися, православный читатель, яко торжественная сия врата (яко же в прошлых летах) не от божественных писаний, но от мирских историй; не святыми иконами, но от мирских историков, или от стихотворцев вымышленными лицами и подобиями от зверей, птиц, древес и прочих, вещо намеренно изобразуем. Ведати же тебе подобает: яко сия не суть храм или церковь во имя некоего от святых созданная, но политичная, сие есть гражданская похвала труждающимся о цельности отечества своего и труды своими...»[2].

Теперь вместо замкнутого пространства церкви ареной празднеств, как правило, становилось обширное пространство под открытым небом — улицы и площади города, река Нева. Вместо привычного церковного декоративного антуража в оформительский наряд светского праздника пришли новые изобразительные средства, музыка, свет, пиротехника, шумовые и звуковые эффекты...

Особенно любил Петр I праздничные фейерверки. Он находил такого рода зрелища «весьма полезными для большого города»[3]. Он сам с усердием трудился над изготовлением пиротехнических устройств и ракет, повторяя, что если его батюшка, царь Алексей Михайлович, уважал соколиную охоту, то он — море и фейерверки.

Все это, естественно, не могло не вызвать недовольства духовенства. Церковь поощряла слухи об «онемечивании» русского царя, о якобы незаконном его происхождении. А вся его деятельность, в том числе, разумеется, и невиданные доселе «огненные забавы», трактовались как деяние антихриста, как еретичество.

Царь предписывал церковникам «в мирские дела и обряды не входить ни для чего». Духовенство всячески противилось. Так, строитель подмосковного Андреевского монастыря старец Авраамий отправил Петру послание, где, между прочим, укорял его за увлечение «потехами непотребными».

Между тем «потехи непотребные» все более становились привычной стороной жизни северной столицы. Датский посланник Юст Юль оставил нам описание одного из таких торжеств — празднования в октябре 1710 года успехов русского флота в борьбе со Швецией: на Неве, под грохот мощного артиллерийского салюта, торжественно застыл корабль, весь увешанный по реям, мачтам и стеньгам всевозможных цветов флагами, гюйсами и вымпелами, убранный по контуру горящими шкаликами. Фонарями были декорированы Петропавловская крепость, колокольня собора, флагшток на крепостном валу. Не забывает Юст Юль упомянуть и об украшении зданий: «В окнах домов выставили аллегорические картины, позади которых зажгли большое количество свечей. Многие дома были увешаны снаружи сотнями фонарей»[4].

Еще большей пышностью отличалось празднование нового 1712 года. К запечатлевшей его гравюре художника А. Зубова приложено описание фейерверка, которым праздник сопровождался: «Потом в малой дуге по правой стороны явится звезда северна горяща и полумесяц, который полумесяц свою светлость Северу поделяет. А между ими вошла темная туча, тогда этот полумесяц отвращается лицом своим от звезды». Упомянутые «звезда», «полумесяц», «темная туча» — эффектные элементы пиротехнических устройств. Все они действовали в непрерывном калейдоскопе фейерверочных огней. В описании этой части зрелища сказано: «Потом как сие скончается, начнет крепость вновь из себя выпущать патроны и гранаты беспрестанно, при том ракеты и многие разные люсты-кугели со беспрестанною пушечною пальбою».

Интересовался Петр I и специальной литературой о «праздничной» технике. По его распоряжению дважды переиздавалась книга «Символы и эмблематы» — одно из первых практических пособий для художников-оформителей. В книге было свыше 840 рисунков, сопровождавшихся краткими аннотациями. Они разъясняли систему символико-аллегорических элементов, широко применявшихся в петербургских празднествах. Вот некоторые из них, наиболее распространенные: двуглавый орел с мечом и ветвью (государство, политика мира), дверь на замке (крепость государства), плывущие парусники (флотилия), бобер, грызущий пень (труд и упорство, уничтожающие зло), цветущая ветвь у старого дуба или встающее над морем солнце (возрождение страны), орел, нападающий на

[2] См.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862.

[3] Г. Бассевич. Записки о России. «Русский архив», 1865, № 2.

[4] Юст Юль. Записки. М., 1899, стр. 250.

льва (победа России над Швецией), белка, грызущая орех (взятие Нотебурга), летящий Меркурий (процветание торговли), голубь с масличной ветвью (мир), Фемида с весами и мечом (правосудие) и т. д.

9 сентября 1714 года Петербург встречал победителей битвы при Гангуте. На невском рейде застыли украшенные флагами галеры. После морского парада и демонстрации плененных шведских судов праздник перекинулся на берег. Внимание зрителей привлекла декоративная триумфальная арка с картинами-транспарантами. На одной был изображен орел, сидящий на спине слона, и поясняющая надпись: «Русский Орел мух не ловит» — намек на то, что захваченный у неприятеля фрегат носил название «Элефант» (слон).

27 июня 1721 года Петербург отмечал 12-ю годовщину Полтавской битвы. Многочисленные гости с восторгом смотрели зрелище, разыгрываемое на двух баржах, установленных на Неве. Центральная декорация являла собой Геркулеса (символизирующего Швецию), который старался закрыться от дождя бороной. Внизу была надпись: «Плохая кровля» — намек на неудачную поддержку Швеции английским флотом. Один из очевидцев писал: «Покамест горел этот девиз, было пущено множество ракет, водяных шаров и маленьких бомб или бураков»[5]. Этот очевидец многих петербургских зрелищ оставил нам подробные описания ряда празднеств 1721 года: церемонии спуска корабля 27 июля, торжеств 4 и 5 сентября по поводу Ништадтского мира со Швецией, маскарада и свадьбы «князя-папы» Никиты Зотова 10 сентября.

Каждый праздник тщательно готовился, в его устройстве принимали участие видные военные инженеры (Скорняков-Писарев, Корчмин), известные художники и архитекторы (Д. Трезини, М. Земцов, И. Коробов, Р. Никитин, А. Матвеев, Г. Одольский, Н. Пино, Л. Каравак и др.).

Вместе с тем в Петербурге продолжались старинные традиционные народные гулянья, устраиваемые в дни религиозных праздников — рождества, масленицы. Но и сюда уже проникали отголоски петровских «огненных забав»: сооружались декорации и пиротехнические устройства, иллюминировались и декорировались места гуляний.

Можно подумать, что жизнь Петра I протекала в одних только празднествах и забавах. Это, конечно, не так. Он любил зрелища, но более всего ценил их воспитательные функции, видел в них демонстрацию мощи Российского государства и прилагал много сил, чтобы сделать их красивыми. Декоративное убранство фейерверков и иллюминаций воспитывало людей, способствовало развитию их вкуса. Зрелища вызывали неизменное восхищение многих иностранных гостей, видевших фейерверочные устройства у себя дома. Тот же Берхгольц отмечал: «...Едва ли где удастся увидеть иллюминацию, которая бы соединяла в себе столько великолепия и изящного вкуса». И несколькими строками ниже добавлял: «Петр Великий, страстный любитель фейерверочного искусства, как в этом, так и во многих других отношениях успел превзойти большую часть иностранных государей»[6].

Ленинград

---

[5] «Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721—1725 год». М., 1858, стр. 72.

[6] Цит. по кн.: В. Н. Васильев. Старинные фейерверки в России (XVII — первая четверть XVIII века). Л., 1960, стр. 55.



Веселый монастырь

Ю. ЛИПАТНИКОВ

Петр I любил шутки и веселье. Официальные маскарады, обязательные ассамблеи, парусные катанья на Неве — во всем этом непременно участвовали знатные и деловые люди, сам царь. Бывало, царские забавы носили даже богохульный характер, например «всешутейший собор» с князем-папой во главе. Резиденцией последнего были хоромы с куполом, на котором была водружена статуя Бахуса — бога вина и веселья. А напротив этого дома помещался так называемый «Великобританский славный монастырь». О нем и пойдет речь.

Полвека назад академик С. Ф. Платонов отыскал рукописный сборник, состоящий из тетрадок и листков. Он принадлежал переводчику Петербургской Академии наук Иоанну Паусу, умершему в 1734 году. Был здесь и один весьма неожиданный документ — «объявление о Великобританском славном монастыре». Не станем приводить целиком текст ернического объявления об открытии «Великобританского монастыря», его «шутейский» устав и список братии. Обратим внимание на некоторые детали. Правила монастырем специальная коллегия. Она судила тех, кто «бунтовщик и непослушание монастырскому регламенту явитца». Какие наказания назначала озорная коллегия? Знатные персоны за провинность обязывались выставить «обед по Бахусову закону». С простой братией не церемонились: «Разболокши из платья, в одной сорочке повалить ево брюхом на стул и, кому прикажет президент, ударять ево рукою по гузну». И еще: «Положить ево на парус или на ковер и взять ево четырем человекам и подымать кверху, сколько разов президент же укажет».

Кто же так развлекался?

Митрополит пьяного монастыря — Иван Томасович фон Келлерман. В реестре шутейского братства есть и Томас Келлерман, отец «митрополита». Еще при царе Алексее Михайловиче молодой Томас выполнял правительственные поручения. Келлерманы всегда вращались в отборном кругу купечества и официально принимали в своем доме голландских послов. Это были образованные, богатые иностранцы, жившие в России.

Следующая персона — «архиепископ и чюдотворец Самойло Гарцын», «в миру» — поставщик и комиссионер казны. Царь Петр неоднократно бывал в его доме. Далее по реестру — «историкус барон не фон Гоузин». Можно предположить, что речь идет об известном писателе и воспитателе царевича Алексея Петровича — бароне Гюйссене. По-русски его фамилию писали на все лады. «Гоузин», наверно, один из вариантов.

Среди братии «Великобританского монастыря» находим имя переводчика Иоанна Пауса. Паус получил в Галле степень магистра философии, а затем приехал в Москву как педагог. Когда в Петербурге учредили Академию наук, он стал в ней главным переводчиком. В этом сумасбродном братстве он был не единственным ученым. В «монастыре» состояли профессора морской академии, известные математики Андрей Фархварсон и Стефан Вын, «медикус Вилим Горн» — хирург, оперировавший Петра I.

Были в монастыре и женщины — «питательницы всему тому братству». Еще и «прислуга коридорная и конюшенная, служки и россыльщики и подпивать охотников девять человек».

Вся эта немалая шутовская компания иностранных купцов, промышленников, ученых, литераторов, ничуть не таясь, совершала свои кощунственные (с точки зрения казенного православия) забавы.

Под патентом, который дозволял открыть «Великобританский славный монастырь», стоит подпись диакона Гедеона Шаховского. И дата в конце забавного документа — август 1709 года. Рядом с подписью Шаховского есть другая подпись — «протодиакон Питер». Это мог быть сам царь. Известна его такая же подпись под коллективным шутливым посланием из Нарвы в марте 1706 года к князю А. Д. Меншикову.

Шутовство и забавы характеризуют не только Петровскую эпоху. В средневековье в Европе то умирала, то возрождалась пародия на мессы и молитвы, в них роль божества играл тот же веселый Бахус. В Немецкой слободе познакомился Петр I еще в молодости с разного рода вольными западными забавами и насмешками. Там же родилась идея князя-папы, а Петр I придал ей размах, учредив настоящий шутовской культ. Частью этого культа и стал «Великобританский монастырь».

г. Свердловск

Религия, церковь, верующий

БУДДИЗМ И БУДДОЛОГИЯ

В. СОЛНЦЕВ,
профессор

**Статьей заместителя директора Института востоковедения АН СССР В. М. Солнцева редакция начинает публикацию цикла статей о буддизме.
Задача цикла — познакомить читателя с одной из трех мировых религий.
Буддизм распространен среди населения ряда стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. В нашей стране последователи буддизма имеются в Бурятии, Калмыкии и Туве.
В чем сущность буддизма? Каково современное положение буддизма в нашей стране? Что такое дзен-буддизм? В чем причины его популярности в странах Западной Европы и Америки? Какие методы инженерной лингвистики применяются при изучении буддизма? Вот примерный перечень вопросов, которые будут освещены в статьях цикла.**

БУДДИЗМ — самая древняя из мировых религий. Согласно преданиям, ее основателем считается Гаутама Шакьямуни — обычный, смертный человек. После просветления, снизошедшего на него под священным деревом, он был возведен в ранг бога и стал именоваться Буддой. Ученые до сих пор не пришли к окончательному выводу — историческое лицо Шакьямуни или мифологическое. Не исключено, что около двух с половиной тысячелетий назад действительно существовал проповедник, чье учение легло в основу буддийской религии.

За свою многовековую историю буддизм превратился в сложную религиозную систему, породил множество ответвлений, распался на разные школы и направления, которые, несмотря на провозглашаемую буддизмом терпимость, иногда относятся друг к другу враждебно.

Буддизм, в какой бы разновидности мы его ни встретили, есть религия и, стало быть,— антинаучная форма общественного сознания. В этом отношении нет принципиальной разницы между буддизмом и другими религиозными верованиями, например христианством или исламом. Вместе с тем за тысячелетия его существования на обширных территориях Азии сложилась своеобразная буддийская культура, в рамках которой были созданы различные материальные и духовные ценности. Это — культовые сооружения, отличающиеся специфическими особенностями архитектуры, обширная литература, произведения изобразительного искусства — живопись, скульптура, декоративное искусство и т. д. В оболочку буддийской догматики и терминологии облекалась мысль многих ученых и философов стран Южной, Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. Изучение буддизма и «буддийской культуры» помогает понять традиционную культуру и искусство Индии, Непала, Китая, Вьетнама, Японии, Таиланда, Монголии, Бирмы, Лаоса и ряда других азиатских стран, так же как изучение христианства помогает понять средневековую культуру и искусство Европы и Руси, а изучение ислама способствует пониманию арабской и среднеазиатской культуры.

Буддизм распространен и ныне во многих странах указанного региона. Буддисты имеются и в нашей стране — в Бурятии, Калмыкии, Туве. Во многих зарубежных странах Азии буддизм, имеющий сильное влияние на миллионы верующих, играет важную общественно-политическую роль. Буддийское духовенство в разных странах выступает то как оппозиция существующим режимам, то как нейтральная сила, то как опора и союзник правящих кругов. Различную роль — то позитивную, то негативную — буддийское духовенство играет в национально-освободительной борьбе. Некоторые буддийские идеи используются в борьбе народов за всеобщий и прочный мир на нашей планете. Известное распространение в ряде зарубежных стран получили идеи и лозунги так называемого буддийского социализма. Все это делает изучение буддизма важной и актуальной задачей сегодняшнего дня.

Интерес к буддизму существовал всегда. Буддийские каноны изучались и толковались многими учеными. К проблемам буддизма неоднократно обращались востоковеды прошлого. Но формирование буддологии — науки о буддизме — как комплекса религиоведческих и культурно-исторических исследований начинается лишь с появлением классических работ, созданных в последней четверти прошлого — начале нашего века. И сегодня, несмотря на наличие многих фундаментальных работ по буддизму, в том числе и марксистских, эта наука все еще находится в стадии становления и поисков.

НЕОБХОДИМ КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

Наука, изучающая буддизм,— это отрасль наук общественных. Поэтому те задачи, которые стоят перед общественными науками в нашей стране, в полной мере относятся и к советской буддологии. Это прежде всего — партийность, сочетание строгой научности с классовым подходом к изучаемым явлениям, осуществление конкретного научного анализа на основе общих принципов марксизма-ленинизма. Эти требования, еще раз с новой силой подтвержденные в решениях XXV съезда КПСС,

исключительно актуальны для советской буддологии, так как в центре ее внимания находится острая идеологическая проблема — социальная доктрина буддизма прежде и в наши дни.

Марксистская методология — основа научного подхода к изучению буддизма. Ученый-буддолог должен обладать глубокими профессиональными знаниями и широкой научной эрудицией, уметь читать в подлинниках буддийские тексты, ориентироваться в целом ряде областей знания: философии, истории религии, истории древнего мира и средневековья, археологии, этнографии и т. д. Только при этих условиях можно понять догматику буддизма, его место и роль в жизни различных народов, специфику различных школ и направлений. Одним словом, квалифицированный буддолог должен быть и религиоведом и обществоведом.

Все крупные ученые-буддологи были не только полиглотами, знатоками ряда восточных языков, но и разносторонне образованными людьми. Например, академик Ф. И. Щербатской превосходно знал английский, немецкий и французский, владел санскритом, тибетским и палийским языками, на которых написаны тексты буддийского канона. Он был крупнейшим авторитетом в области буддийской философии и истории буддизма. Кроме того, он публиковал работы по поэтике, эпиграфике, логике, философии Древней Индии. Труды Ф. И. Щербатского вошли в золотой фонд советской индологии и буддологии.

В наше время, когда объем научных знаний во всех сферах общественных наук колоссально возрос, уже трудно быть таким ученым-энциклопедистом, как академик Щербатской, академик Б. Я. Владимирцов и другие выдающиеся востоковеды прошлого. Логика развития научного знания требует от ученых все большей специализации в той или иной достаточно узкой области науки. И тем не менее стремиться к этому надо. К решению задач буддологии необходим комплексный подход. Таков ее характер как науки.

ЗАДАЧИ БУДДОЛОГИИ

Буддизм многолик, он разбивается на множество направлений, школ, учений. Многоязычен: буддийский канон переводился со «священного» санскрита на языки пали, тибетский, монгольский, китайский, японский. Причем каноны эти не полностью совпадают. Переводы отдельных текстов канона, а также оригинальные сочинения буддийских теологов и философов есть на маньчжурском, бирманском, тайском, сингальском, бурятском, калмыцком, корейском, тангутском, тохарском и многих других языках Азии, как живых, так и уже исчезнувших. Многонационален: оказал влияние на культуру большинства стран Восточной, Юго-Восточной, Центральной и Южной Азии. Многослоен: впитал в себя и философскую мысль великих ученых Индии и других стран Востока, и примитивные верования первобытных народов, йогическую медитацию (созерцание) и анимистические представления. Буддизм включает в себя сложнейшие обряды и церемонии, с одной стороны, а с другой — экстатические «прорицания», вроде тех, что в ходу у ламаистских оракулов, деятельность которых во многом сходна с деятельностью их соперников и конкурентов — шаманов.

Словом, за две с половиной тысячи лет существования на огромной многоязычной, многонациональной и многокультурной территории буддизм стал конгломератом, требующим многоплановых исследований, будь то полевые раскопки археологов или «раскопки» религиоведов, вскрывающих в буддизме различные пласты религиозных представлений и культов.

Современные буддологи, конечно, трудятся не на пустом месте. Отечественная наука обладает богатым наследием, которое оставили нам русские и советские востоковеды. Достаточно назвать академика В. П. Васильева — китаиста, тибетолога, буддолога; академика Ф. И. Щербатского, о многогранной деятельности которого говорилось выше; академика Б. Я. Владимирцова—монголиста, буддолога, фольклориста; профессоров А. И. Вострикова, Ю. Н. Рериха, С. Е. Малова, Е. Е. Обермиллера, О. О. Розенберга, Г. Ц. Цыбикова и многих других. Современные буддологи, работающие в различных научных центрах нашей страны, продолжают дело своих предшественников, заложивших основы отечественной буддологии.

Для разработки и создания марксистской концепции буддизма необходимо решить целый ряд первоочередных проблем. Например, таких, как сопоставительный анализ и характеристика различных буддийских школ и направлений, выявление того общего, что позволяет ко всем школам и направлениям (а дистанция между ними бывает поистине огромного размера!) применять общее наименование «буддизм». В этой связи возникает необходимость уточнить содержание и объем самого понятия «буддизм», выявить и классифицировать основные отличительные черты и особенности этой религии.

Возникает и еще одна важнейшая задача: разработка, анализ и упорядочение терминологического и понятийного аппарата. Различные буддийские школы и секты нередко вкладывают в одни и те же термины различное содержание, толкуют их по-разному. Раскрыть содержание основных буддийских понятий и категорий с учетом того особенного, что вкладывают в аналогичные термины разные буддийские школы и секты, весьма важно для исследовательской практики, для выработки адекватного научного понятийного аппарата исследования буддизма и, тем самым, для анализа и описания буддизма во всех его проявлениях.

Буддология как наука нуждается в выработке своего, как принято сейчас говорить, «метаязыка», то есть системы научных терминов и понятий, пригодных для описания различных направлений буддизма и буддизма как целого.

Пришла пора создания общей истории буддизма с выявлением закономерностей и тенденций его эволюции в целом и в разных странах, а также различных буддистских школ. Здесь нужны объединенные усилия ученых многих специальностей.

Весьма важным было и остается изучение того, что называют буддийской культурой, которая теснейшим образом связана с бытом, искусством, архитектурой, общественной мыслью многих народов Востока. Эти исследования важны не только для буддологии как таковой, но и для изучения истории и цивилизации тех народов Востока, чьи судьбы были связаны с буддизмом.

В настоящее время, в условиях активизации борьбы за мир во всем мире, в том числе и на азиатском континенте, и в то же время в условиях острой идеологической борьбы, на первый план выдвигаются задачи изучения политической и общественной роли буддизма в разных странах, влияния его идеологии на разные слои населения.

Все сказанное выше отнюдь не означает, что буддологи должны уделять меньше внимания изучению буддизма как религиозной системы, исследованию механизма действия этой системы в разных странах и регионах. Как уже было сказано, на территории нашей страны в ряде автономных республик буддийская религия в форме буддизма-ламаизма еще исповедуется некоторым количеством людей. И советская буддология призвана вооружить идеологических работников знаниями для атеистической работы среди этой части населения. Только тогда они смогут тактично и грамотно отделить светское от культового, философское от религиозного, национальное и традиционное от догматического и религиозно-обрядового.

До Октябрьской революции буддизм-ламаизм был могучей силой в местах своего распространения, широко использовался как местной знатью, так и царскими сановниками для воздействия на трудовой народ. С построением социализма ушла в прошлое былая мощь буддизма-ламаизма. Современный контингент буддистов, как отмечают советские ученые,— это в большинстве своем люди пожилого возраста, взгляды и убеждения которых формировались в иных социальных условиях, чем ныне. Переубедить их можно, лишь будучи хорошим знатоком буддизма, его истории, его канонов и догматов, его ритуалов и обрядов. Знание этого и должна давать буддология. Особенно важное значение имеет знание всего этого для атеистического воспитания молодежи. Воспитание бережного отношения к наследию прошлого, к замечательным памятникам архитектуры, скульптуры, живописи, литературы, в силу исторических обстоятельств облаченным в далеком прошлом в «желтые одежды» ламаизма, должно сочетаться с критическим анализом всего того негативного, что несет с собой религия как антинаучная форма общественного сознания.

В силу сказанного очевидно, что буддологи не могут быть кабинетными, чисто академическими учеными. Они должны быть надежными помощниками нашей партии в идеологической работе.

Г. КЕРИМОВ,
кандидат
исторических наук

БЫТОВЫЕ ЗАПРЕТЫ И ПРЕДПИСАНИЯ

Мусульманские обряды и праздники

Как-то в одном из среднеазиатских городов я был свидетелем странного, на первый взгляд, конфликта в мясном магазине. Покупатели местной национальности отказались покупать мясо — говядину и баранину, потому что мясник рубил ее тем же топором, что и свинину. Они были возмущены тем, что он «смешал мясо чистых и нечистых животных». Согласно исламу, свинья — животное «нечистое» и ее мясо употреблять в пищу мусульманам нельзя. Оказывается, в мясных магазинах здесь существуют отдельные топоры, столики, крючки — для «чистого» и «нечистого» мяса. Продают его разные продавцы. Так в наше время мирно действует один из бытовых мусульманских запретов, который в данном случае из-за невнимательности мясника «получил огласку».

Это лишь одно из бесчисленных предписаний и запретов, которыми мусульманская религия пронизывает быт верующего, вплоть до самых интимных сторон. В сущности, мусульманин, выполняя любое хозяйственное дело, общаясь с родными и знакомыми, сидя за обеденным столом у себя дома или в гостях, на охоте, на рыбалке, на рынке — все время выполняет обряды, предписанные ему шариатом — сводом мусульманских законов.

В этом одна из главных особенностей ислама — он освятил именем Аллаха обычаи и ритуалы, сложившиеся у арабов еще в доисламское время, и предписал людям множество новых, выдавая их за божественные установления. Говорят, что настоящий мусульманин «от колыбели до могилы» каждый свой шаг, каждый поступок совершает именно так, как велел ему Аллах. А все, что «велел» он, — записано в шариате. Исследователь восточного быта В. Наливкин писал, что шариат мелочно регламентирует жизнь верующего, «проникает в ее самые интимнейшие уголки и этим путем закабаляет не только деяния, но даже мысль и воображение мусульманина»[1].

Взять хотя бы такое чисто хозяйственное, сугубо мирское дело, как убой скота и птицы. Шариат предупреждает, что есть мясо диких или домашних животных можно лишь в том случае, если соблюдены все правила, предписываемые по этому поводу мусульманским законом. Тот, кто режет скот или птицу, должен быть мусульманином, при этом должен стоять лицом к Мекке, в ту же сторону следует повернуть голову и ноги животного. Приблизив нож к горлу животного, надо произнести «бисмилла!» (во имя Аллаха). Это правило шариата, кстати, свидетельствует о сохранении в исламе древних магических обрядов, когда произнесением определенных слов «отгоняли» невидимых вредных существ вроде джиннов, которыми якобы наполнен мир. После убоя животного, требует шариат, необходимо держать его на весу, чтобы стекла вся кровь. Специальные правила есть для убоя верблюда, овцы, козы, коровы, быка, различных домашних и диких птиц и т. д. Прежде чем резать животное, перед ним ставят воду. Есть поверие, что во время питья воды животное успокаивается и тогда при убое кровь истекает быстрее. Шариат предписывает воздерживаться от убоя животного до полудня и вечером в пятницу: в этот день совершается общественная молитва и пролитие любой крови не одобряется.

Предыдущие статьи этого цикла см. в № 8, 11 и 12 за 1975 г., № 2, 6 и 10 за 1976 г., № 4, 8 за 1977 г. и в № 9 за 1978 г.

[1] В. П. Наливкин. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, стр. 42.

Есть в исламе предписания, касающиеся и таких мирских дел, как охота и рыболовство. И здесь правоверным можно пользоваться добычей, если соблюдены все эти правила. Охотник, разумеется, должен быть мусульманином и, прицеливаясь, произносить слово «бисмилла». Если он убил дичь, он должен тут же отрезать голову животного, иначе по правилам шариата мясо сделается «нечистым» и запретным. То же примерно и с рыболовством. Правда, разрешено есть рыбу, пойманную кяфиром — неверным, но только если мусульманин сам видел, как она была выловлена. Иначе говоря, покупать на рынке рыбу у немусульман запрещено.

Во всех этих правилах шариата безусловно нашла свое отражение вековая практика и традиция арабских и других народов Ближнего и Среднего Востока. Однако с появлением в этом районе ислама им была придана мусульманская окраска, с годами многие предписания и запреты утратили смысл, но продолжают действовать; они уже не несут никакой целесообразной функции, а лишь проводят границу между последователями ислама и людьми других вероисповеданий и неверующими, создают между ними барьеры в бытовом общении. Исключают, например, как мы видели, возможность совместной охоты или рыболовства. Мусульманин не должен садиться за стол «неверного», ибо ему нельзя здесь есть ни мяса, ни рыбы, ни даже овощей, так как они попали на стол без соблюдения всех правил, которые предписывает шариат.

Интересен в связи с этими запретами и предписаниями такой эпизод. Знаменитый мусульманский шейх Мухаммед Абдо посетил в начале XX века Европу. Ему приходилось во время этого путешествия обедать в ресторанах, и он убедился, как неудобно и не всякий раз возможно выяснять, кем убито животное, мясо которого ему подают, и в какую сторону была повернута его голова при этом. Вернувшись домой, шейх издал фетву, которой мусульманам разрешалось в определенных случаях есть мясо животных, зарезанных без соблюдения правил шариата.

Вообще же прием пищи у мусульман обставлен множеством ритуалов. Некоторые из них вполне целесообразны — те, что совпадают с общечеловеческими правилами, принятыми в данном случае, или были вызваны в свое время специфически восточными условиями, и вполне разумны и сегодня (например, не есть горячую пищу, не есть перед рассветом, в середине ночи, не глядеть на человека, когда он ест, или не грызть и не облизывать за столом кости и т. п.). Шариат запрещает обжорство. Но почему эти простые и нередко весьма разумные правила объявляются божественными установлениями? Почему несоблюдение их считается большим грехом? Вряд ли об этом задумываются верующие, из поколения в поколение усваивавшие эти предписания как веление Аллаха. Иные из них сегодня выглядят и вовсе бессмысленно — такие, как требование после приема пищи облизывать пальцы, лежать на спине, закинув правую ногу на левую, держать сосуд с водой обязательно правой и ни в коем случае не левой рукой и т. п.

Особое место среди бытовых обрядов ислама занимают те, что связаны с религиозным понятием «чистоты» и «нечистоты». Исламское понятие «чистого» и «нечистого» оказывает глубокое влияние на быт и сознание верующего и является препятствием к сближению людей и народов, традиционно относившихся к различным вероисповеданиям.

Концепция «чистоты» и «нечистоты» требовала обоснованных с этой точки зрения форм и методов, обрядов и ритуалов «очищения». Ислам же здесь сваливает в одну кучу некоторые сведения из области народной медицины стран Ближнего и Среднего Востока, из химической и медицинской науки и антинаучные представления. Например, согласно шариату, одежда, упавшая в грязь, и кяфир — неверный, если он даже только что помылся и надел чистую одежду, считаются одинаково нечистыми. Способы же очищения, по исламу, таковы: чтобы очистить одежду, необходимо ее вымыть водой, или потереть сухим песком, или просто сделать ее влажной, а затем высушить под солнцем. А как же очистить человека, которого шариат включил в список нечистых лишь потому, что он неверный или атеист? Согласно исламу, это делается очень просто. Неверный произносит известную мусульманскую формулу: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед посланник Аллаха», то есть принимает ислам, и тут он становится «чистым». По существу, принятые в исламе термины «чистый» и «нечистый» имеют значение «дозволенный» и «недозволенный» и все действия, связанные с так называемым «очищением», носят ритуальный характер.

Говоря о тех исламских бытовых обрядах и ритуалах, которые усиливают обособление мусульман и являются барьером к сближению народов, уместно будет привести слова Ф. Энгельса о религиях Древнего Востока: «Во всех религиях, существовавших до того времени, главным была обрядность. Только участием в жертвоприношениях и процессиях, а на Востоке еще соблюдением обстоятельнейших предписаний относительно приема пищи и омовений, можно было доказать свою принадлежность к определенной религии. ...На Востоке свирепствовала система религиозных запретов... Люди двух разных религий — египтяне, персы, евреи, халдеи — не могут вместе ни пить, ни есть, не могут выполнить совместно ни одного самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом»[2].

В условиях нашей страны бытовые предписания ислама утратили во многом роль строгих религиозных запретов. Жизнь вынуждает верующих отказываться от многих из них. Тем не менее некоторые бытовые обряды и предписания шариата еще соблюдаются приверженцами ислама. Пропагандисту атеизма необходимо о них знать и давать им правильную историческую и социальную оценку.

Советуем прочитать книгу Г. М. Керимова «Шариат и его социальная сущность», выпущенную недавно издательством «Наука». В ней, в частности, подробно рассказывается о бытовых обрядах и запретах ислама, дается их научная оценка.

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 313.

А. КОЛЕСНИКОВА

НЕ ЗАХОДИТЕ

Кормить сына Сережу в больницу мать ходила каждый день. Он ни в чем не винил ее, да и никого вообще не винил, часами сидел на койке, положив на колени забинтованные кисти рук, похожие на боксерские перчатки. Утром няня чистила ему зубы, зато больничный парикмахер все никак не приходил и щетина делала его старым и некрасивым. А Сергей — молодой и красивый парень, только весной вернулся из армии.

Он смотрит на свои покалеченные, в бинтах руки, но видит их такими, какими они были до операции. И как он раньше не понимал, какое это замечательное устройство — руки! О чем бы ни вспоминал теперь, он видел только свои руки, сильные, мастеровые. В армии был шофером, и руки его могли делать все: и вести бронетранспортер по труднейшим дорогам, и быстро управляться с любой неисправностью мотора, играть на баяне. После демобилизации они быстро научились работать с газовой аппаратурой, и им Сережа обязан тем, что стал мастером. Он еще не мог думать о том, что с ним будет теперь, когда на четырех пальцах — по два на каждой руке — ампутированы крайние фаланги. Не успокаивал пока и лечащий врач. «Если некроз не проник дальше...» — говорил он при обходе. «Некроз» — омертвение, — Сережа знал, что означает это слово. Некроз представлялся ему очень страшным, и он неотступно и испуганно смотрел на бинты.

Все началось с пустяка, просто с ерундовины какой-то. Однажды он почувствовал, что на пальцах около ногтей немного задралась кожа, и содрал ее. Потом на этих местах образовались желтоватые бугорки нарывчиков. Мать убирала по вечерам в мастерской и приходила поздно, но Сережа дождался ее и показал руки.

— Худо дело, — охнула она, — это волос, его врачи не могут лечить, — но, увидев, что сын испугался, заговорила мягче. — Бабки умеют его заговаривать. Сейчас спи, завтра съезжу в одно место, адресок попрошу, ты на работу-то не ходи — пойдешь к бабке, а к врачу если попадешь, — там одно скажут: «Резать»...

Когда Сережа ехал к бабке, руки уже болели так, что он засунул их в карманы, да и неудобно было: кончики пальцев стали желтыми и раздулись. Поезд приходил на нужную станцию ночью, а мать еще приказывала нигде не останавливаться и ни с кем не разговаривать, а то бабкино лечение не поможет.

Бабке перевалило уже за семьдесят, как она говорила, но была она крепкой старухой и без дела никогда не сидела. Учиться ей не пришлось — всю жизнь проработала в поле. Имела 40 соток огорода, хорошую избу и все, что положено по хозяйству, а также получала пенсию от колхоза. Муж у нее умер.

Знахарством Акулина стала заниматься лет тридцать назад. Лечить в их семье умела еще бабушка, и Акулина помнила такие ее советы, которые теперь вряд ли кто помнил. Больше всего было способов лечения лихорадки. Вот, например, такой: взять головную кость щуки, стереть ее в порошок и выпить со святой водой и четверговой солью. Или еще: выйти на перекресток дорог в полночь с хлебом-солью и сказать: «Матушка-лихорадушка, на́ тебе хлеб-соль, а с меня больше не спрашивай». Но только теперь и лихорадки никакой нет, да и не очень-то послушают бабку — кому охота идти в полночь на дорогу...

А как зубы лечили? Надо было при зубной боли укусить мертвеца за палец больным зубом или прополоскать рот водой, которой его обмывали. Это теперь никому и присоветовать нельзя, скажут: спятила бабка.

А сколько лечебных молитв и заговоров она знала! Заговаривала и блох, и тараканов, и мышей, даже пожары знала как заговаривать. Конечно, далеко Акулине до бабушки, да и не всякий заговор теперь скажешь: сильно грамотные все стали, так что приходится все больше шепотком, шепотком, чтоб не слышали. Но и у Акулины людей перебывало достаточно — не забывают старую. Свои-то не очень ходят, а вот из других мест приезжают, даже из города бывают.

Все болезни, считает Акулина, происходят потому, что человека «с глазу съели», «глаз на него положили», или, просто сказать, сглазили, позавидовали его здоровью, похвалили, а сами на сердце злобу против него имели. А бывает еще, что человеку «подделают»: воткнут куда-нибудь иголку наговоренную или еще что-нибудь подложат или подольют, — вот он и мается.

Идут к Акулине с разными жалобами, но болезни она называет по-своему, как еще бабушка их называла. Пришел человек с нарывом — сибирка, у женщины боли в животе — сибирка, все тело ломит и слабость — сибирка. Да и как ей называть болезнь по-другому, когда испокон века так называли, и заговор есть специальный от сибирки. Вот и читает его Акулина. А сибиркой



Рисунки Р. Авотина.

В ЭТИ ДВЕРИ

звали в наших краях страшную болезнь — сибирскую язву, которая свирепствовала до революции, но теперь о ней и помину нет. Нравится Акулине заговор от сибирки — грозный такой, не то что болезнь, сама испугаешься.

Бабка Акулина и человека наговорит, и воду, а бывает, и водку. Воду наговаривают святую, ее в церкви надо брать. Да где она, церковь — в соседнем районе и вся из себя плохонькая. Пробовала Акулина запасать воду с крещения — из проруби, да разве старой бабке натаскать на всех: тому бутылочку да тому бутылочку. А без святой воды какое лечение? Но бабке смекалки не занимать: вырыли ей колодец в огороде, она на столбике иконку приделала. Теперь только приказывай: «Принеси воды непитой из святого колодца», — сами несут. Акулина, конечно, не бессовестная какая-нибудь, она над водой и «Отче наш» и «Богородицу» почитает.

Особенно любит она лечить рожу. Придет человек, а у него рука, или нога, или, еще хуже, все лицо красное, пухлое, сам на себя не похож. Сейчас берет Акулина красную тряпицу, у нее она припасена для рожи, начертит на ней мелом кресты, приложит к больному месту и заговор нашептывает.

Был с бабкой случай один: попала она в инфекционную больницу, проверяли ее на бруцеллез, так там женщина одна лежала с этой самой рожей. Вот ей, бедной, целый день и ночью даже уколы делали. Но как узнала она про Акулинины способности, — привязалась: «Полечи меня, бабушка». Что тут будешь делать? Взялась. Вечером, когда врачи поразойдутся, наступало время Акулины — ее даже прозвали: «ночной доктор». Доктор не доктор, а через неделю выписали женщину здоровой. Уж как она бабку благодарила, целый узел гостинцев принесла: «Спасибо!» — а врачам и сестрам «до свиданья» даже не сказала.

...Когда Сережа добрался до бабки, было уже светло. Во дворе сидели на бревнах мужчина и женщина, по виду тоже приезжие. Молча посмотрели они на Сережу, молча подвинулись. Из дома вышла бабка и сразу напустилась на «пациентов»:

— Да что вы до свету являетесь, покою людям не даете, ни тебе выходных, ни отпуска. Когда кому вздумается, тогда и являются.

Женщина стала просить умильным голосом:

— Бабушка, миленькая, не прогоняйте, на вас вся надежда.

— Ну, ладно, — смягчилась та, внимательно оглядела всех троих и пригласила Сережу в дом. Там усадила его на табурет и присела рядом.

— Вот, — только и сказал он, — и показал руки. — Что это?

— Ну, тут хитрого ничего нет, это волос. Вишь ты, по всем жилочкам у нас идут волоски. Если прибьешь палец, то волоски собираются и едят живой хрящ, а кость они не едят. Как я тебе наговорю, так волоски-то и выйдут из пальцев через дырочки.

— А руки-то скоро заживут?

— Заживут, куда они денутся.

Налила в банку воды, покрестила ее, сама перекрестилась, из-за иконы достала ржаной колос, бросила в банку кристалл марганцовки, приложила колос к больному пальцу и стала читать, поливая палец прохладной бледно-розовой водой:

— Волос, волос, выйди на колос, на людиный, на лошадиный, на коровий, на трусиный, на кошачий, на волчий, на овечий и на свинячий...

Еще пошептала, покрестила и сказала приветливо Сереже:

— Десять раз ко мне походишь, волос весь и выйдет.

...После третьей процедуры он понял, что дело его плохо: стреляло и дергало по всей руке, жар мутил голову. Он решил поехать в Воронеж, там сразу пошел в поликлинику и, ничего не говоря, положил руки на барьер регистратуры. Медрегистратор сама повела его к хирургу без очереди, а руки он нес перед собой. Врач только глянул на них — быстро написал направление. Сестра вывела Сережу на крыльцо и посадила в машину с красным крестом.

В приемном отделении больницы молодой хирург выглядел сердитым и недовольным, когда рассматривал мокрые и темные снимки его пальцев. Вот тут Сережа и услышал впервые это ужасное слово «некроз», а за ним еще более страшное — «ампутация» и заплакал.



— Укол, — сказал хирург, и Сережа поплыл по кругу, будто в вальсе на выпускном вечере в школе. — Кто же тебя лечил? — спросил хирург, наклоняясь, потому что Сережа уже лежал на каталке и его везли молодые девчата все в белом, тоже как на выпускном, только лица у них были закрыты масками.

— Бабушка, такая хорошая, ласковая, — прошептал Сережа.

— Бабушка? — повторил хирург и серьезно посмотрел на него. — Начинаем!..

Теперь Сергей сидит на постели и смотрит на руки, а хирург свое:

— Если некроз не пошел дальше...

После операции он сказал:

— Как же ты так? Парень молодой, грамотный, а пошел к темной деревенской бабке. Считай, пальцы ты ей свои подарил. Деньги-то платил? Дорого заплатил — куда теперь обручальное кольцо наденешь? — врач и жалел Сергея, и насмешничал над ним. — Волос отыскал в жилочках! А природоведение в школе учил? Подумал, откуда этот волос возьмется? Почему так эту болезнь называют? А потому, что в прошлом панариций, с которым ты к бабушке направился, запускался, да кто бы и лечил-то крестьянские руки? Вот в кости и образовывался в результате разложения костной ткани свищ в виде маленькой дырочки, вроде среза волоса. Когда панариций только-только начинается, рекомендуется парить руку в горячем концентрированном растворе марганцовки, а бабка твоя ласковая что-то прослышала об этом, да не рядом, а около, вот и полоскала руки холодной водой в то время, когда надо было срочно вскрывать нарывы и можно было еще сохранить пальцы. Эх ты — ласковая бабушка!..

Скоро выписка. Но сколько бы ни прошло времени, никто не вернет пальцы Сереже и руки его не смогут дальше делать тонкой работы, такой привычной и любимой.

Живется как-то неспокойно, когда знаешь, что, может быть, вот сейчас идет по селу или окраине города парень к знахарке или молодая мать привела своего ребенка «заговорить грыжу».

Слов нет, ничто, пожалуй, так не угнетает человека, как нездоровье. Может, именно поэтому некоторые люди относятся и к здоровью и к болезни как к чему-то внешнему, человеку неподвластному. И это в общем-то можно объяснить — привычки из прошлого. Вот, например, состояние здравоохранения в Воронежской губернии сто лет назад.

Бесплатных врачей — единицы; в нищенских больницах нет лекарств, даже хлеба и кваса не вволю — больные кормятся подаянием. По деревням — тифы, дифтерия, сибирская язва, холера. Зубы не лечили вообще: стоматологической службы не было и в помине. Потому и шли крестьяне к деревенским бабкам, и те делали, что могли. Что-то сохраняли они в своей памяти из средств народной медицины: знали некоторые лекарственные травы, вправляли несложные вывихи. Но этого было так мало в море страшных и неподвластных бесхитростным средствам болезней, что знахари главным образом упрашивали болезни уйти, пугали их, заклинали, заговаривали. Болезнь была для них злым духом, они молились ей, приносили жертвы.

Знахарей издавна считали людьми особыми, находящимися в связи с потусторонним миром, думали, что им открыто то, что недоступно обыкновенным людям. И сегодня еще бывает, что таинственность, загадочность манипуляции таких «лекарей», а также страстное желание обрести здоровье сразу влечет к ним наивные и простодушные сердца.

Чего, казалось бы, проще: заболел — иди в поликлинику или вызови врача на дом. Но именно то, что легко доступно, кажется для некоторых недостаточно действенным. В поликлинике и больнице причины болезни стараются объяснить. Врач не обещает безусловного чудесного исцеления, он старается привести в действие естественные защитные силы организма. Мы обычно предъявляем медикам жесткие требования: успех лечения воспринимаем как должное, а неуспех не прощаем ни в коем случае.

Иное дело — знахарка. Она лицо неофициальное, лечить не обязана, это, так сказать, ее личная инициатива. Адресок к ней «добывается» у знакомых, по случаю, и с благодарностью к тем, кто его указал. Кто она такая и чем занимается — идущему к ней неизвестно. Что и как она лечит — непонятно. А на «приеме» — шепот, плеванье, непонятно, зачем льется вода и горит огонь, совершаются странные действия — сплошное представление. Ни тебе анализов, ни рентгена, ни операции — за это и деньги отдать можно. И отдают! А чем больше отдают, тем большее доверие испытывают к лечению и тем сильнее гордятся: ничего для здоровья не пожалели.

Люди «с образованием» любят говорить о знахарстве как о народной медицине и тем оправдывают всех, кто к «лекарям» обращается, да порой и сами ими не пренебрегают. При этом такие «защитники» забывают, что тысячелетний опыт истинной народной медицины уже давно изучен и осмыслен наукой. Чтобы в манипуляциях знахарей обнаружить хоть что-то от медицины, мы поинтересовались деятельностью нескольких десятков «бабок» Воронежской области, но и следов ее там не нашли.

Наше общество гарантирует охрану здоровья людей. Какое же право имеют знахари, не имеющие специального образования, вторгаться в здоровье, а порой и в жизнь человека? И если суеверная молва разносит, что лечение у знахарки «помогло», когда прорывается ячмень или умолкает плачущий ребенок (будто ячмень сам не прорвется, а ребенок никогда не перестанет плакать), то никто не задумывается над тем, сколько же людей, поддавшихся суевериям, обязано знахарям своим несчастьем.

Идет, тяжело хромая, молодая девушка: ее с туберкулезом тазобедренного сустава год возили по бабкам; мечется на больничной кровати женщина с некрозом грудной железы: воспаление грудной железы ей заговаривала бабка, пока не образовался гнойный мешок; прижимает к боку культю руки подросток: доморощенный костоправ правил ему вывих, а у мальчика был перелом. Значит, кто-то снова не поверил в науку, поддался мистике, суеверию, значит, снова знахарки открывали страждущим двери в своих домах.

Не заходите в эти двери!

г. Воронеж

Ранней осенью 5 сентября 1568 года на юге Италии в маленьком городе Стило жена сапожника Джеронимо — Катаринелла родила мальчика. Новорожденного нарекли Джован Доменико, а дома звали Джованни. Позже, когда он принял монашество, ему в честь святого Фомы Аквинского дали имя Фома — Томмазо. А еще с детства у него было прозвище — Кампанелла, что значит «колокол». Под именем Томмазо Кампанеллы он и вошел в историю.

ГРАЖДАНИН ГОРОДА СОЛНЦА

Сергей ЛЬВОВ

Повесть о КАМПАНЕЛЛЕ

Рисунки Е. Соколова.



Мальчик шагает по узкой каменистой дороге между маленькими низкими домами. Они сложены из неровных каменных глыб, обмазаны светлой глиной. Крыши плоские, окна — узкие щели. Над входными дверями всюду блестящие стручки красного перца — верное средство от дурного глаза. Почему? Это знает каждый. Так ответил отец, когда мальчик спросил, почему от сглаза помогает перец.

Над головой синее небо, неподвижные пухлые облака. Почему облака иногда толстые, плотные, а иногда — тонкие, прозрачные? Почему одни висят в небе неподвижно, а другие стремительно скользят по нему? Почему, случается, в облаках узнаешь то коня, то рыбу, то собаку, то бородатого старика, а бывают облака — просто облака...

Над дорогой дрожит разогретый воздух. Жарко, тихо, сонно. В ушах неумолчный звон. Над крышами домов поднимаются горы: рыже-коричневые скалы, синевато-зеленые склоны. На них растут сосны, изогнутые ветром. Жара, горы, сосны, звон цикад, крик ослов... Невозможно представить себе, что где-то этого нет. Улочка, по которой идет мальчик, не кажется ему кривой и узкой, дома — бедными. Когда соседки пронзительно перекрикиваются через улицу, он знает — они мирно обсуждают домашние дела. В этом краю всё и все говорят громко. Джованни и в голову не приходит, что можно говорить иначе. Он здесь вырос. Идет сейчас из деревни Стиньяно в город Стило, куда его послал отец. Город смахивает на деревню, но все-таки в нем и дома выше, и улицы шире, и воду берут не из родника, а из фонтана.

Между деревней Стиньяно и городом Стило по горным склонам тянутся виноградники. С незапамятных времен в этих краях говорят: «Нет запаха слаще, чем запах цветущего виноградника!» Виноград скоро поспеет. Начнется трудное, сладкое, буйное, пьяное время. Все будут работать на виноградниках и в давильнях от зари до зари, а жажду утолять молодым неперебродившим вином.

Отец на время закроет свою мастерскую: когда убирают виноград, нет дела важнее. А в обычные дни он сидит на низком табурете с плетеным сиденьем, кроит острым ножом воловью кожу, прокалывает шилом дырочки для деревянных гвоздей. От отца пахнет кожей и смолой. Вар въелся в порезы на его руках. Он тачает башмаки для односельчан: простые, грубые, тяжелые, сработанные надолго. Во хмелю похваляется, что случалось ему шить из сафьяна, из шагрени, из лайки. И будто заказывали ему ту обувь здешние бароны и даже знатные испанцы — с давних пор они здесь хозяева.

Отец поет, когда есть работа. А это редкость. Односельчане носят самодельные сандалии — кусок сыромятной кожи вместо подошвы да ремешки. Ну а кто раскошеливается, чтобы заказать башмаки по мерке, хочет носить их вечно. Отцу больше приходится латать старье, чем тачать новую обувь. Торгуются отцовские заказчики нещадно — поминают мадонну и всех святых.

Отец понимает: жизнь прожита, ее не переделаешь. Дом какой-никакой, а собственный, мастерская, виноградник, огород. Но оба сына растут неучами. А для одного из них, для Джованни, он желал бы иной участи. У мальчика светлая голова, редкая память. Он на удивление речист.

Вот и в этот день сапожник, как всегда, обдумывал будущее сына, а ему дал поручение — отнести заказчику в Стило починенные башмаки. Заказчик — священник. Денег с него брать не велено. Отца Франческо не оказалось дома. Джованни отдал башмаки его домоправительнице, та одарила его пышкой с вареньем и велела ждать в церковном саду. За ним придут. Кто? Этого она не сказала. Джеронимо наказал сыну, чтобы тот обратил внимание заказчика: к башмакам прикинуты новые подошвы, на каблуки и носчи прилажены подковки — с подковками и гвоздями башмаки век не стопчутся. Обхаживает отец священника из-за планов, связанных с будущим Джованни.

По дороге в церковный сад мальчик привычно останавливается у школы. Учителем в ней церковный причетник.

Двери в школу приотворены, иначе там задохнешься от пыли, пота, чеснока, затхлости. Джованни давно знает всех учеников. Все, и младшие и старшие, сидят в одной комнате. Учитель обращается к ним, требуя, чтобы читали молитву или отвечали на его вопросы. Перед тем как ответить, они долго молчат и отвечают с запинками. Джованни недоумевает. Как можно не ответить на такой вопрос? И вообще на любой, какой задает учитель? Сколько он себя помнит, он умеет читать и не знает даже, кто показал ему буквы.

Джованни часто стоял у дверей школы. Его не гнали. Однажды учитель задал вопрос, а ученики — ни один! — не смогли на него ответить. Сейчас учитель разгневается, ударит неуча линейкой по руке. Джованни за порогом школы ничего не грозило. Но он весь сжался. Сам он терпеливо переносил боль. Но не выносил, если боль причиняли другому. Когда наказывали соседских детей и они кричали, Джованни бросался на выручку. Вот и в тот раз перед дверями школы, опережая учительский удар, Джованни крикнул:

— Можно я отвечу?

Учитель снисходительно разрешил. Для него не секрет, что его уроки слушает необычный ученик. Как-то он поговорил с мальчиком и изумился — так много тот знал. Этим можно похвалиться: даже собирающие крохи на пороге его школы знают больше, чем иные, которых пичкают до отвала в других местах.

Пусть мальчик покажет лодырям, на что способно истинное прилежание. Но Джованни ответил так, что учитель призадумался. Выходит, чтобы знать то, чему он учит, не нужно каждый день сидеть на его уроках, а родителям платить за то деньги: пренеприятная мысль! Его похвала Джованни прозвучала кисло. Однако позволял Джованни отвечать и в другие разы.

Однажды школьники подстерегли его. Спрятались за живой изгородью из колючего барбариса. Слева крутой обрыв, справа колючки, через них не продерешься... Засада! Убежать? Позвать на помощь? Джованни почувствовал в груди холод. Не расслабляющий страх, а пьянящее предвкушение опасности, чувство, похожее на радость, только острее и слаще. Он пошел прямо на школяров. Не опуская головы, шел на того, кто стоял в середине, на самого сильного. Смотрел на него в упор, казалось — его взгляд колет, как шпага. И тогда предводитель вдруг пропустил Джованни, а потом растерянно поглядел ему вслед. А тот прошел мимо него, прошел сквозь враждебную засаду, словно не замечая ее, и пошел дальше, не оборачиваясь, не ускоряя шагов. Сердце в груди гулко и тяжело стучало.

Когда потом мальчишки попрекали предводителя, тот нашелся:

— Деревенский заговорен! — сказал он. — Он идет, а мне чудится, что кто-то шепчет: «Посторонись! Пропусти!»

Все согласились — Джованни заворожен. Признать это легче, чем сказать себе, что он и умнее их, и смелее.

С тех пор Джованни больше не вызывался отвечать. Понял: мало чести в такой победе. Да и не тянет его к дверям школы. Не такие вопросы хотелось бы услышать ему и, главное, не такие ответы.

Теперь, когда ему случается бывать в Стило, его привлекает не школа, а старая церковь. У нее пять башен, пять куполов. И построена она, говорят, пять веков назад. Вообразить себе такую вереницу лет мальчик не может. Церковь стоит на утесе. Отсюда хорошо видны плоские крыши Стило, несколько извилистых улиц, фонтан на площади. Дорога петляет между серебристо-зелеными оливковыми деревьями и ведет неведомо куда. Что там? В этой дали? Там — должно быть прекрасно. Там и таятся ответы на все вопросы...

...Если спросить местного жителя, откуда он родом, тот скажет: «Из Стило». А если спросить: «А где твой Стило?», подумав, ответит: «В Калабрии». Так называется этот край. А если допытываться дальше, спрошенный неохотно проговорит: «В Неаполитанском королевстве».

Неаполитанским королевством давно правят испанские короли из Арагонской династии, Папской областью — папа. Они враждуют между собой и с городами — Флоренцией, Венецией, Генуей, Сиеной... На Италию нападают соседи — она разобщена и потому слаба. Итальянские государства призывают на помощь какого-нибудь могущественного соседа. Он помогает прогнать захватчика, а сам укореняется здесь: его помощь оказывается хуже всякой вражды. Этого никто не объяснял Джованни, но из печальных песен, горьких пословиц, разговоров он знал: у его родины много врагов, а на ее земле мало согласия. Плохо, а будет еще хуже.

Джованни отворил кованую калитку в церковный сад. Ржавые петли скрипят. Каменные ступени истоптаны. Резная церковная дверь потрескалась. В тенистом церковном саду тихо, пусто. Жарко. Во всей округе траву на горных склонах уже скосили. Стерня пожелтела. Сено сложено в стога и томительно пахнет. Одна служба отошла, другая не начиналась. Джованни лежит навзничь на теплой земле, глядит то в небо, то на церковь. Думает.

Журнальный вариант. Полностью повесть выходит в серии «Пламенные революционеры» в Политиздате.

Из города к церкви ведут тропинки, длинные и пологие, протоптанные старыми людьми, крутые и короткие, протоптанные молодыми. Джованни пытается вообразить, что сама церковь и все вокруг нее уже существовало, когда он еще не родился на свет. Каким оно было? Таким же? Другим?

Когда он думает об этом, кружится голова, словно смотришь в бездонный гулкий колодец. Но думать об этом легче, чем о том, что когда-нибудь он, Джованни, исчезнет, но ничего не изменится. Такие мысли навещают его ночью. За стенкой храпит отец, бормочет во сне брат, на дереве за огородом ухает сова. А он лежит, уставившись в темноту, и пытается представить себе еще более черную темноту смерти. Совсем недавно ему казалось: он будет жить вечно. Потом ему пришлось провожать на кладбище сверстника. Гвидо переходил вброд горную речку, поскользнулся, упал, ударился головой о каменный выступ, а когда его вытащили, было уже поздно. Мать убивается: мальчик умер без покаяния! Куда же попадет его душа? Джованни шагает за гробом на кладбище и думает: «Почему Гвидо? И неужто его душе суждены вечные муки — ведь он утонул, не получив отпущения грехов? Разве это справедливо? А если несправедливо, разве может быть несправедливым бог?»

Священник, услышав на исповеди вопросы Джованни, кратко ответствовал о воле божьей, вопреки которой ни единый волосок не упадет с головы человеческой, и отпустил, назначив епитимью. Джованни прочитал молитвы, отбил поклоны, но чувство, возникавшее каждый раз, когда он пытался представить себе, что будет, когда его не станет, где окажется он, когда его не будет на земле, не оставляло его. У этого чувства было два цвета — нестерпимой черноты, если оно возникало ночью, и бесконечной, холодной и пустой синевы днем. Стучались в его душу и иные вопросы. Например, о землетрясениях. Последнее было особенно страшным! От домов не осталось камня на камне, убитые и раненые валялись на земле, почва сотрясалась. В проповедях говорится: «божья кара». Кара? За что?

Все побуждало к вопросам: неисчислимые звезды в черном небе, неожиданные перемены погоды, мерцание зеленых светляков, внезапные оползни в горах. Присутствие тайны Джованни ощущал, когда вечером сидел перед очагом, глядел на тлеющие угли и не слышал, если его окликали. В такие минуты в его душе слова подбирались одно к другому, складывались во что-то непохожее на обычную речь. Он не знал, что это стихи. Но чередование звуков завораживало его так сильно, что иной раз он пугался; уж не заболел ли? Он пробовал записать эти слова на бумагу, не получалось...

Странный мальчик, коренастый, некрасивый, с грубыми чертами квадратного лица, лежит на земле в запущенном церковном саду под одичавшим олеандром, глядит в синее небо, по которому плывут облака, в нестрашное, уютное небо, и думает, думает, думает.

Отец хлопочет о расположении отца Франческо. Тот обещал подыскать мальчику настоящего учителя.

— Будет жаль, если такая светлая голова останется неученой, — сказал отец Франческо.

Отцу понравились эти слова. Ему казалось: полдела сделано. И действительно, священник нашел для Джованни настоящего учителя — странствующего монаха-доминиканца. Он на время обосновался в Стило.

— Старец святой и строгой жизни, начитанный как в писании, так и в сочинениях отцов церкви, — сказал о нем отец Франческо.

Джованни скоро должен увидеть доминиканца. Каким будет наставник? Чему научит его? Сможет ли ответить на его вопросы? Джованни задремал. Он проснулся оттого, что кто-то положил ему руку на лоб. Негромкий голос сказал:

— Не следует спать на солнце.

Джованни открыл глаза. Рядом с ним стоял высокий худой монах в грубом одеянии, подпоясанный простым ремнем, в тяжелых сандалиях на голых ногах. Запавшие щеки. Глубокая складка перерезает лоб. Седые, неровно подстриженные волосы окружают тонзуру. Он улыбается одними губами. Глаза невеселы. Голос странно тих.

Доминиканец благословил Джованни, сказал, что наслышан о нем. Затем сказал, что учение благо, ежели служит не суетному любопытству, а постижению вечной истины, заключенной в святом писании, и наконец сообщил главное:

— Отныне и доколе я буду в этом граде, я сам стану учить тебя. Святому писанию, латинскому языку, грамматике, риторике, диалектике, а также арифметике, геометрии, астрономии и музыке. А что составляет предмет каждой, ты узнаешь впоследствии.

Джованни вначале обрадовался, потом испугался. Церковь не раздает благ бесплатно. Сгорая от стыда, Джованни спросил, во что обойдутся уроки. Монах чуть слышно ответил:

— «Даром получили, даром и давайте», — сказал господь.

Учитель у Джованни оказался необычным. И учил и экзаменовал под открытым небом. Чаще всего на ходу.

— Уподобимся в том древним, — сказал он.

Занятия с ним длились долго — с одиннадцатого по тринадцатый год жизни мальчика. Наставник то покидал Стило и отправлялся в странствия, то снова возвращался и проверял, что успел Джованни, покуда его не было. Толкуя о премудрости божьей, сотворившей весь зримый мир, доминиканец подводил ученика к ручью, выбивающемуся из-под скалы и струящему свои чистые воды к виноградной лозе, рассуждая о том, как совершенно ее строение, но сколь прекраснее сего вертограда вертоград господен. Наставник на память читал длинные латинские тексты, и не только те, что написаны отцами и учителями церкви, но и те, что созданы поэтами-язычниками. Слова язычников тоже можно истолковать во славу божью. Доминиканец рассказывал о житиях святых, блаженных, мучеников. Он требовал, чтобы мальчик спрашивал *обо всем* непонятном, и сам задавал ему вопросы.

— Так что же ты ответишь, сын мой, если тебя спросят, как понять воскрешение души человеческой, если никто из умерших не возвращался на землю к оставшимся, чтобы подтвердить — сие воистину так?

Джованни затруднился ответом. Доминиканец выждал, а потом тихо и неспешно сказал:

— Не ищи ответа в доводах разума. Истина сия им неподвластна. Она не доказуется, ибо не требует доказательств. Она дается верой. Знаю, что так, ибо верую, что так. А верую потому, что знаю: как в Адаме люди впали во грех, так во Христе спасутся и воскреснут. Воскресение доказывать не надо. В него надо верить.

Ответ поразил Джованни простотой и неопровержимостью. Быть может, он прозвучал бы для него не с такой силой, если бы не время и место, выбранные наставником для разговора. Беседуя, они поднялись по тропке на одну из гор, окружавших Стило. Вечерело. Над горами только что отзвучал вечерний колокольный звон. Закатывалось огромное солнце. Облака стремительно меняли окраску: становились оранжевыми, красными, потом багровыми, потом фиолетовыми, наконец, синими до черноты. Сквозь грозную черную синеву проступал краснеющий островок — там угадывалось солнце. Наконец и это пятно погасло, небесные краски померкли.

Наставник сказал:

— Тьма надвинулась на землю на одну ночь, завтра солнце снова встанет над долиной, поднимется, как поднималось вчера, позавчера и как поднималось с самого сотворения мира. Тому, кто приказывает ему подняться, имя бог. Начало всех начал. Создавшее этот мир и эту череду дней и ночей, отмеряющую жизнь человека. А божий сын, распятый во имя спасения людей, гибелью своей сделал душу человеческую бессмертной.

Джованни охотно принял эту мысль. А такие слова утишали страх смерти.

В Стило бушевала разгульная ярмарка. Когда она кончилась, когда как сквозь землю провалились бродячие жонглеры, словно ветром сдуло с площади балаганы, доминиканец спросил Джованни, не случалось ли ему слышать рассказы о невежественных, жадных и лицемерных монахах. Ну конечно, Джованни слышал. Джованни знал: слушая такое, он впадает в смертный грех, но не в силах был оторваться от этих рассказов. Вот почему он так смутился, покраснел, кивнул головой, но не вымолвил ни слова. И тогда доминиканец тихо и проникновенно проговорил:

— Не стану уверять, будто среди духовных пастырей нет таких, которые погрязли в мерзости пороков и в пучине грехов. Но именно из этого, сын мой, ты можешь узреть, сколь велика мощь и непобедима истина христианской веры и святой римской церкви, если грешники, прикидывающиеся ее сынами и слугами, не могут причинить ущерба ее славе! Чем мерзостнее их пороки, тем больше ее святость. Их низкие поступки не затрагивают чистоты ее белоснежных риз. Так грязь, засохнув, отлетает от плаща праведника, превращаясь в пыль под его стопами.

Случалось старому доминиканцу и его ученику говорить и о другом. Начертив мелом на дорожном камне треугольник, рассуждать о законах геометрии и о божественной мудрости, проявляющейся в них. Упражняться в счете. Заучивать с голоса учителя строки его любимых древних поэтов. Сколь горько знать, что они родились и умерли язычниками, скорбел наставник. Он не пожалел бы трудов, дабы обратить

в истинную веру, например, Вергилия. Но нет дороги, ведущей вспять, в те века, когда жил сей поэт. Необратимость быстротекущего времени тоже становилась предметом их бесед.

А думал Джованни теперь все больше о несправедливости. Почему один живет в богатстве, довольстве, роскоши, а другой всю жизнь мыкается в бедности? Почему один до старости наслаждается здоровьем, а другой рождается на свет калекой? Разве это справедливо? За какие грехи насылаются на человека, не успевшего согрешить, бедность и болезни?

— Давно я ждал таких вопросов, — сказал наставник.

Они сидели на краю оливковой рощи, шелестящей синевато-серыми листочками, опустив ноги в пересохшую канаву. Джованни заметил: если он внимательно вслушивается в речь учителя, — ни шелест травы, ни скрип песка под подошвами, ни резкие голоса женщин на винограднике не проникают более в его слух. Странное оцепенение охватывает его. И сквозь него пробивается, заполняя все его существо, все его мысли, один только голос учителя, вытесняя сомнения, давая ответы... И начинает казаться: тревожиться о людском неравенстве, о несправедливости, царящей в мире, не надо. Богатство и здоровье — тленные земные блага. Бедные и несчастные в сей жизни, столь краткой, таким опасностям подверженной, будут вознаграждены сторицей в жизни вечной. И уж совсем нет дела до преходящих земных благ тому, кто посвятит себя высшему благу — станет монахом.

Наставник посохом на песке рисовал набросок карты.

— Вот Альпийские горы, вот море, вот начинаются чужие края. — Упоенно рассказывал он о знаменитых монастырских библиотеках, где на длинных полках бережно сохраняются бесценные тома священного писания и сочинения отцов церкви, старательно переписанные от руки, дивно изукрашенные рисунками; о книгах, отпечатанных посредством хитроумного искусства «типографии». В праведных руках оно служит распространению слова божьего, апостольских поучений, трудов святоотческих. Но в руках еретиков оно — страшная опасность. Когда он говорил о книгах, спокойное его лицо чуть розовело, а в голосе звучало волнение.

— Ты хочешь стать ученым, сын мой? Ты можешь стать ученым! — твердо и торжественно сказал доминиканец.

Он хотел доказать Джованни: наука — его призвание, а из всех наук важнейшая—богословие, и лучший путь к ее постижению — монашество, лучший из орденов — доминиканский. Он уже видел себя то в одежде послушника, то в облачении монаха. Хотелось ли ему этого? Он и сам не знал. Он, никогда не остававшийся в тесном доме наедине с самим собой, думал о тихой, спокойной, чистой келье, где будет один. Он, выдевший всего несколько книг, воображал себе монастырскую библиотеку с сотнями томов. Он, с детства слышавший одни только разговоры о подметках, каблуках, худых башмаках, об огороде, представлял себе неспешную беседу братии о предметах важных и ученых.

Ему хотелось принять постриг. Грубая монашеская одежда, долгие посты его не страшили. Он и дома ходил только что не в рубище. Он и дома изведал голод. Став послушником, он узнает то, чего не знал, увидит то, чего не видел. А узнать новое ему хотелось никак не меньше, чем читать. Любознательность томила его сильнее голода. И все-таки... Он знал о запретах, которые наложит на него монашество. Пугал запрет любить и быть любимым. Любви в его жизни еще не было, но, думая, что ему придется отказаться от нее навсегда, он жалел об этом, как о страшной утрате. Спросить у учителя, неужто тот прожил всю жизнь без того, что неудержимо манило Джованни, он не решился. Признаться в этих мыслях на исповеди не смог.

Наступила осень. Виноград был убран, бочки полны вином. Пьяняще сладостной сытной осенью труднее отказаться от привычной деревенской жизни. В миру тоже много соблазнов. Но где взять в деревне книги?

Конечно, мысль о монастырской библиотеке прельщала Джованни. Но его влекли не только книги. Разве не диво то, как ласточки строят свои гнезда? Он мог тихо лежать у нагретых солнцем стен церкви и наблюдать, как птицы терпеливо прилепляют кусочки серой глины к желто-красным кирпичам стен. Их домики с земли казались крошечными, но на диво складными, и каждый неотличим от другого. Кто их учит так строить? Как они передают такие уроки? Джованни присматривался к жизни пчел в отцовских ульях. Удивительные эти создания жили такой разумной жизнью, так заботились об общем благе — людям впору позавидовать. Кто научил их этому? Конечно, господь, но как он смог научить пчел строить соты, выбирать царицу, готовить запас меда на зиму, как предписывал, кому стать рабочей пчелой, кому трутнем, как приговорил трутней к короткой жизни и скорой гибели? Увидит ли он, когда запрется в келье, все это — ласточек, пчел, муравьев? Будет ли у него время там поразмыслить над чудесами природы? Найдет ли он там книги, толкующие об этом? Вступив на стезю, о которой толкует его наставник, не уйдет ли он от всего этого? Разлука с привычным страшила. Тоска охватывала душу.

В день, когда наставник на время покидал Стило, отправляясь в новое паломничество, он рассказал Джованни о великане Геракле, которого чтили древние. Перед ним в юности явились две богини. Одна манила его наслаждениями и негой, другая — трудами и подвигами. Геракл пошел по пути, который указывала вторая богиня. Неслыханные подвиги свершил он и обессмертил свое имя. И его — язычника — до сих пор вспоминают в христианском мире.

— Поразмысли об этом, сын мой,— сказал доминиканец на прощание.

Вскоре после того, как они расстались, Джованни заболел. Его трясла лихорадка, его бросало то в жар, то в холод. Мать ласково положила свою твердую, мозолистую ладонь на лоб сына, почувствовала, что он весь пылает, сказала отцу: «Надо звать тетку Тину!»

Тина, одинокая старуха, заговаривала бородавки, варила приворотное зелье, помогала девушкам, попавшим в беду. У тетки Тины можно было купить вино от прострела, от болей в желудке и печени, а если очень попросить и посулить хорошее угощение, она гадала по руке. Священник не ссорился с нею, сам просил у нее помощи, когда его мучила подагра.

Тетка Тина принесла с собой высушенную тыкву, бутыль с питьем — ночной росой, настоянной на семидесяти семи травах. Она влила глоток этого питья в рот Джованни и начала заговаривать болезнь. Она не отходила от больного, бесконечно повторяла заговор, отпаивая больного своим снадобьем. На рассвете мальчика прошиб пот, он задремал. Сквозь дремоту он слышал все тот же немолчный шепот. Знахарка покинула дом сапожника, когда Джованни первый раз встал. На улице тетка Тина столкнулась с доминиканцем. Он только что вернулся в Стило, услышал, что ученик его опасно болен, и поспешил в деревню, не зная, застанет ли Джованни в живых. Тетка Тина, увидев доминиканца, почтительно и смиренно подошла к нему под благословение. В иное время он отмахнулся бы от нее: знахарка была ему противна. Но тут он сдержался и спросил:

— Как Джованни?

— Был совсем плох, но поправился,— сказала тетка Тина. — Благодарение Христу, мадонне и всем святым.

Доминиканец, не дослушав ее, вбежал в дом. Джованни бледный, очень вытянувшийся сидел на тощем тюфяке и с удовольствием ел похлебку. Если бы его любимый ученик умер, доминиканец не стал бы оплакивать его. Так угодно богу. Но Джованни остался жить: значит, богу это угодно. Радоваться этому не грешно.

— Ты здоров, мальчик мой,— сказал доминиканец и вспыхнул. Такое обращение не подобало.— Ты здоров, сын мой,— поправился он.— Я молился за тебя, покуда шел из Стило, где узнал о твоей болезни.

Джованни был очень слаб. Волнение наставника передалось ему.

— Я сделаю, как вы хотите, отец мой. Я стану монахом.

— Нет,— возразил тот.— Сейчас не время для таких решений. Когда силы позволят тебе, мы отправимся с тобой по святым монастырям. Поклониться им и чудотворным реликвиям, кои в них хранятся. Вознести благодарность за твое чудесное выздоровление! Ты увидишь монастырскую жизнь. И тогда решишь окончательно...

Решение принято, согласие отца получено, мать, поплакав, примирилась с разлукой, пора собираться в путь. Отец спросил, не опасна ли дорога.

Доминиканец спокойно и даже высокомерно возразил:

— Какая опасность может угрожать тому, кому устав его ордена запрещает иметь при себе деньги?

Доминиканец пожелал узнать, что дают родители мальчику с собой. И хотя не слишком богатой была сума Джованни, половину приготовленного велел оставить дома.

— Пусть привыкает отказываться от всего лишнего, — сказал наставник.— Тогда ему со временем будет легче в обители.

Когда наступил день расставания, оказалось, что у наставника нет ни сумы, ни ножа на поясе, ни кошелька в кармане,

ни фляги с вином. Он, называя свой орден нищенствующим, не шутил.

Дорога оказалась нелегкой. Таких расстояний Джованни за один день прежде проходить не случалось. Внизу, в долине среди виноградников и огородов виднелись домишки Стиньяно. Джованни попытался разглядеть родную кровлю. Нет ничего прекраснее его родного Стиньяно! Нет людей приветливее, чем его семья в Стиньяно, нет родителей более любящих, чем его родители, нет девушек прекраснее, чем в Стиньяно. Остаться в родной деревушке, в родном доме, унаследовать ремесло отца. Что может быть лучше! Он не хочет уходить из родных краев. Не хочет бросать отчий дом. Он не хочет, он не хочет, он не хочет быть монахом!

Ни одна дорога не врезается в душу так, как дорога, которая уводит из отчего дома, но все напоминает о нем: пухлая лепешка, испеченная матерью, кусок домашнего сыра с душистыми травками, растущими подле дома, тощий кошелек с мелкими монетами из скудной домашней казны. Память юного спутника еще полна родными запахами. Они манят, они зовут: вернись, вернись, вернись! Но неутомимо шагает наставник, и все дальше, все дальше, все дальше уходит Джованни от дома, и вот уже пройдено столько, что один он побоялся бы вернуться, и только теперь понимает — он ушел. Из родного Стиньяно ушел... Доминиканец понимает, что творится в душе мальчика.

Он замедляет шаги и говорит:

— Сказано в святом писании: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин меня. И кто не берет креста своего и следует за мною, тот не достоин меня».

Наставник проговорил это медленно, отделяя слово от слова. Они падали, как тяжелые камни.

— Как понимаешь сие? — спросил он мальчика.

Джованни затруднился ответом. Монах не торопил его:

— Поразмысли.

Представить себе родных своими врагами Джованни не в силах. Верно, в этих жестоких словах скрывается некий сокровенный смысл, ему недоступный. Он знал, что должен возлюбить того, кому принадлежат эти слова, больше своих родных, он силился, чтобы чувство великой любви к тому, кто спас род человеческий, пересилило в душе чувство любви к отцу, матери, братьям. Но как узнать, свершилось ли это, есть ли в его душе любовь, которая должна быть превыше всякой иной?

Однако он еще очень молод и не может только грустить об оставленном доме и только размышлять над вопросами доминиканца. Они давно оставили узкие тропки и шли теперь по широкой дороге, во времена Древнего Рима вымощенной камнями. Здесь все привлекало мальчика своей новизной.

Медленно тянутся по дороге тяжело груженные деревенские повозки — везут товары на рынок, подати баронам, монастырям, церквам. Минувший год не порадовал урожаем, но подати от этого не уменьшились.

Когда наставнику приходилось говорить с Джованни о бедах, терзающих их родину, он мрачнел. Что лучше — говорить или умалчивать? И он понимал, что на его родной земле плохо, но не знал, как сделать, чтобы было хорошо. И молитвы не давали ответа.

Дорогу он превратил в урок. Он рассказывал об этой земле. О племенах и народах, селившихся на ней и проходивших через нее: об италийцах, древних римлянах, греках, лангобардах, норманнах. Об алжирских и турецких пиратах. О знаменитых полководцах. О развалинах языческих храмов, о надписях на стенах и надгробьях, о легендах, созданных в этих краях, о славнейших итальянских поэтах, здесь рожденных, о прекрасном наречии, уже много веков назад зазвучавшем здесь. Джованни загорелся.

— И в монастыре можно будет обо всем этом узнать?

Доминиканец ответил не сразу. Джованни почувствовал — его вопрос не понравился наставнику.

— Присядем, сын мой, — сказал он. — Ты спешишь все прочитать, все узнать, все понять. Такое желание может обернуться смертным грехом. Богу нужны смиренные, а не гордые. Превыше всего возлюбившие его, а не науку. Преподам тебе молитву. Запомни ее и неустанно повторяй. Она создана для тебя.

Доминиканец прикрыл глаза и, молитвенно сложив руки, произнес:

— Дай мне, боже, кроме знания наук, еще и знание добродетели. И если я не могу вместить в себе того и другого, то возьми от меня знание и дай мне добродетель. Не дар познаний в науке хотел я получить от тебя, когда покинул отечество свое и родных своих: я стремился к тому, чтобы ты провел меня к вечной жизни по пути совершеннейшей добродетели. Таково было желание мое, господи, и я молю тебя, помоги мне осуществить его лучше без всякого знания, чем без добродетели. Аминь.

Джованни был поражен. Значит, он перед богом отрекается от знаний? Но он еще и краешка наук не коснулся! Зачем же заранее отрекаться от них? Почему он должен делать выбор — наука или добродетель?

Доминиканец увидел его смятение и сказал:

— Настанет время, и ты поймешь мудрость этой святой молитвы. Пока повинуйся, не рассуждая.

Голос его звучал строго. Он прочел молитву еще раз, и еще, и снова заставлял Джованни повторять за собой ее слова. А тот устал шагать по бесконечной дороге. Устал повторять молитву, против которой все в нем восставало.

Доминиканец знал, чем рассеять его, и рассказал несколько историй из монастырской жизни.

— Настоятель одного древнего монастыря, прославленный своей мудростью и строгостью, послал к отшельнику, жившему вне стен обители, двух послушников, они наткнулись на огромную ядовитую змею. Мальчики-послушники не испугались. Они схватили змею, завернули ее в куртки и с торжеством принесли в монастырь. Все в монастыре хвалили их твердую веру, которая позволила мальчикам победить змею. Но мудрый настоятель приказал их высечь...

— За что?! — с негодованием вскрикнул Джованни.

— Настоятель понял, — с тонкой улыбкой ответил доминиканец, — всю пагубу их ранней гордыни. Он высек их затем, чтобы они не приписывали собственной воле дела божьи и волю божью. Запомни эту историю, сын мой. Вспоминай ее каждый раз, когда тобой овладеет гордыня, к которой ты, увы, склонен...

Наконец вдали показалось селение с постоялым двором на краю. У коновязи лошади опускали головы в торбы с овсом, потряхивали ими, взмахивали хвостами, отгоняя слепней. Дверь харчевни хлопала. Внутри было людно и чадно. Харчевник в засаленном фартуке, с длинными поварскими ножами, засунутыми за пояс, встретил монаха и его спутника почтительно, подошел под благословение, усадил гостей за удобный стол в углу, мигом вытер столешницу фартуком, поставил оплетенную соломой флягу, спросил, что подать:

— Есть мясная похлебка, молодая козлятина на вертеле, жареная курица с грибами и печеными каштанами.

Доминиканец нетерпеливо перебил харчевника:

— Мальчику дашь похлебку, пусть подкрепит свои силы, а мне... Есть на твоей кухне постная пища?

— Постная? — растерялся хозяин. — Но ведь сегодня нет ни большого поста, ни малого.

— Невежда! Наш пост продолжается полгода — от праздника воздвижения креста господня до святой пасхи! — с гневным достоинством сказал доминиканец.

Харчевник, поразмыслив, предложил бобы и рыбу. Доминиканец согласился. Здесь, где за каждым столом проголодавшиеся путники разрезали большие куски баранины, кромсали толстые ломти ветчины, с хрустом разгрызали птичьи косточки, со смаком высасывали мозг, доминиканец преподал урок воздержания мальчику. Произнеся слова молитвы, он перекрестился, выждал, когда Джованни все повторит за ним, съел несколько ложек бобов, крохотный кусочек рыбы, едва пригубил вина, и трапеза его на том закончилась. Джованни было стыдно, но он своего аппетита сдержать не смог. Неужто грешно после такой дороги есть с удовольствием? Неужто еда и питье — грех?

Прислушиваясь к разговорам в общей зале, доминиканец сказал:

— Будем спать на улице...

После душной комнаты на воздухе казалось прохладно. С гор дул холодный ветер. Доминиканец бросил плащ под старой раскидистой шелковицей. Джованни никак не мог улечься: твердые корни упирались в спину, лицо задевали невидимые в темноте ночные мотыльки. Наконец сон одолел его.

Проснулся он от музыки и пения. Веселая компания, гулявшая в харчевне, вывалила во двор. Осветили двор факелами, воткнув их в землю. Три музыканта — один с лютней, другой с дудкой, третий с бубном — играли и пели.

Доминиканец знал: когда жители его горячо любимого, его погрязшего в грехах края собрались попеть и поплясать, с назиданиями лучше не соваться.

Бражничающие образовали полукруг. Они не замкнули

его, заметив путников под шелковицей. Пусть и монах и парень поглядят, нам не жалко! На площадку вышли плясуны — двое молодых мужчин и девушка. В свете факелов сверкали белки их глаз и белозубые улыбки. Вначале девушка не двигалась. Она стояла на месте, а парни то по очереди, то одновременно танцевали перед ней, вызывая ее на пляску. Но она лишь пренебрежительно поводила плечами, хотя было видно — огонь танца вошел в ее тело и пробегает по нему быстрыми искрами. Тут парни встали один против другого и начали пляску, каждый бросался переплясать другого, задирали друг друга дерзкими жестами, озорными словечками. Джованни казалось, будто у танцоров по три пары рук и ног. И вот один переплясал другого! Победитель плавно, медленно подплыл к девушке. Она поплыла ему навстречу. Тревожно, завораживающе звучала музыка. Парень наступал, девушка отступала, маня и завлекая его. Он просил и молил. Девушка отталкивала его, вырывалась из его рук, отбегала в сторону и снова дразнила, манила, звала. Джованни не мог отвести глаз. Факелы дымились, их пламя колебалось. Черные тени пляшущих метались по земле и по белой стене харчевни. Джованни казалось, что девушка и его зовет. И он с пронизывающей болью подумал, что, уйдя в монастырь, отречется от счастья когда-нибудь вот так плясать с девушкой. И до слез стало себя жаль, жаль своей молодости.

Неужели у него в жизни никогда не будет такой девушки, которая так же позволит ему подойти к себе, как позволила парню та, что пляшет сейчас? Вот они пляшут сейчас рядом. Парень наступает, девушка отступает, но недалеко. Вот она пляшет, почти слившись с ним. Стан ее выгибается, она откидывает назад голову, ее черные косы метут землю, дрожь ее тела сливается с музыкой, которая стала еще тревожнее, почти нестерпимой стала. Судорога проходит по гибкому телу плясуньи — музыка обрывается. Джованни очнулся от наваждения.

— Щекотка дьявола! — гневно сказал доминиканец. — Вставай, обувайся, идем!

Тяжело, не выспавшись, шагать в полной тьме по каменистой дороге. Но наставник неумолим. Он влечет за собой Джованни, а музыка, разбудившая их, звучит в ушах его питомца, и девушка с черными косами пляшет перед его глазами в ночной черноте.

Все на свете кончается. Кончилась и эта дорога. Они дошли до известной доминиканской обители, куда наставника привели дела. За время пути в душе у Джованни что-то перегорело. Отошло все пестрое, непонятное, манящее, что встретилось на дороге, все, что жило в сытном и хмельном чаду харчевни, в дерзких россказнях, в ночной пляске. Все это, грешащее языком, глазами, кожей, всей плотью, — не для него. Ему так не есть, не пить, не плясать. Он избрал иную долю, сулящую не скоротечные радости на земле, а вечное блаженство в райских кущах под сладостное пение серафимов. Почему же так грустно ему, почему так смутно на душе?

Перед воротами монастыря, куда они держали путь, некий человек, почти обнаженный, с пучком розог, валялся в пыли и, не поднимая головы, хрипя и запинаясь, произносил покаянную речь.

— Кто это? — спросил Джованни.

Наставник нахмурился, вопрос был ему неприятен. Впрочем, даже хорошо, что его ученик узнает сразу, как наказываются прегрешения монашествующей братии. Полуобнаженный, который кается, валяясь во прахе, содеял тягчайшее преступление — отрекся от ордена, пояснил наставник.

— Вначале такому грешнику провозглашается анафема, и он изгоняется из обители. Его отсекают, как гниющий член, способный заразить все тело. Но обычно такой человек недолго живет потом в миру.

— Почему? — спросил Джованни.

— Кара небесная! — ответил наставник. Он не стал говорить, что эта кара нередко воздается земными руками. — Такой грешник, отрекшись от святого обета, не находит покоя в мирской жизни, мечется, всего страшится. И если не погибнет сразу, то, подобно полураздавленной гадине, приползет к стенам обители, будет молить снять с него проклятие, восприять его снова в святые стены. И если ему будет оказана величайшая милость прощения, он еще целый год будет появляться в капитуле с обнаженной спиной, открытой для бичевания.

Они сидели в небольшом, дивно возделанном монастырском саду в тени старых грабов. Ровные дорожки, затейливо выложенные камушками, были обсажены кустами темно-красных и лилейно-белых благоухающих роз. Пышно цвели олеандры. В теплом воздухе гудели быстрые пчелы, и так же, как пчелы, хлопотливы были оборванные работники, трудившиеся в саду. Все дышало благолепием и покоем. Тем страшнее был вид человека, валяющегося в пыли перед запертым входом, вопиющего о грехах своих и молящего о прощении.

— Запомни то, что ты видишь! — строго сказал наставник. — Смотри, сколь подобен он шелудивому псу, вымаливающему ласку у хозяина, которого посмел облаять.

У них было время для разговора. Настоятель занят. Наставник воспользовался ожиданием, чтобы рассказать Джованни о порядках в монастыре.

— Став послушником, ты получишь наставника, — сказал доминиканец. — Он преподаст тебе, сколь благая участь быть монахом.

Джованни не сдержался и, что не подобало, перебил доминиканца: «Разве не вы, отец мой?..»

— Наставника не выбирают, — сурово ответил монах. — Его назначает капитул. Я недолгое время буду еще с тобой. Ты попадешь в хорошие руки. Послушником пробудешь год. Затем тебе откроются все требования, что орден предъявляет к братии. Если за год послушания ты укрепишься в желании избрать монашескую долю — будешь пострижен. Прожив несколько лет в обители, сможешь стать странствующим проповедником и отправиться в путь, неся людям слово истины христовой. Другим порогом, который ты одолеешь, будет разрешение преподавать. Университеты, где ученых из нашего ордена встречают с почтением, есть повсюду. Прозри свою цель, но помни: она лишь малая, низкая, ничтожная ступень для достижения цели более высокой — истинного блага. Скромной будет твоя одежда, когда ты станешь монахом. В ней ты будешь ходить днем и спать ночью, никогда не снимая ни ее, ни сандалий.

Джованни поморщился. В родном Стиньяно с головы до ног мылись четыре раза в год, запах грязи и пота был обычен. Но спать, никогда не снимая одежду, [illegible]зуваясь? Почему это угодно богу? Впрочем, его наставник тщательно моется, едва представится возможность, а потом кается, ибо все, что делает человек в угоду своему телу, — грех.

— И должен ты знать, — продолжал учитель, — что принимать пищу в келье запрещено. В трапезной надлежит соблюдать молчание. Освобождать от молчания в местах, где предписано немотствовать, не дано никому, даже старшим...

Как он любил поучать, этот человек!

Из этой обители они отправились в другие.

Наступил день, когда наставник разбудил его раньше обычного. Утро было солнечным. Дорога круто шла на подъем. Когда они добрались до перевала, Джованни не сразу понял, что перед ними. Казалось, он видит перед собой два синих неба — одно над головой, другое под ногами.

— Море, — сказал наставник. — Бесконечная синева, в которой отражается бесконечная синева неба. В море впадают реки, а оно впадает в океан. Океану же несть конца. Велик и могуществен океан! Но что его величие, что его могущество, его красота по сравнению с величием, красотой и могуществом создавшего его бога?

Они спускались вниз по крутой тропе, в воздухе все сильнее пахло свежестью и солью.

И вот они на берегу — узкая полоса мелкой гальки под натруженными ногами. Перепутанные космы бурых водорослей лежат у кромки воды. От них резко и сильно пахнет. Волны то плавно накатывают с мягким шелестом на берег, то откатывают от него, оставляя на гальке пузырящуюся пену. Рыбачьи лодки медленно скользят по воде.

Доминиканец проговорил:

— Проходя же близ моря Галилейского, увидел Иисус Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: идите за мною, и я сделаю, что вы будете ловцами человеков. Вот и завершено наше странствие. Я хотел закончить его у моря, чтобы ты увидел на нем рыбаков и подумал не о тех рыбаках, что ловят рыбу, а о тех, что, подобно великим апостолам, уловляют человеческие души. Ибо тебе предстоит стать одним из них. Достойным своего предначертания!

Они повернули вспять.

И вот снова родное Стиньяно. Джованни сильно вытянулся, повзрослел, лицо его загорело до черноты, обветрилось. Не только Стиньяно, даже Стило показался ему маленьким. Он прошел далекими дорогами, поднимался на крутые перевалы, видел постоялые дворы, полные суеты и шума, и обители, полные тишины и благолепия. Путешествие не насытило его любознательности, а лишь разожгло ее. Сможет ли он, став послушником, а позже монахом, утолить ее? Но решение больше нельзя откладывать.

Наставник ждать не мог. Орденские дела предписывали ему новую дорогу. Было решено, что Джованни станет пос-

лушником в монастыре, что в Плаканике, недалеко от Стиньяно. Он понимал: когда он перешагнет порог обители, прежняя жизнь будет отрезана. Но он решился.

Проводив Джованни в обитель, наставник заторопился. Не хотел длить расставания с питомцем, к которому привязался. А более всего не смел признаться себе в этом чувстве и страшился, что его заметят другие. Прощание их было коротким, сдержанным, выглядело сухим. Учитель благословил Джованни, постарался не заметить слез на его глазах и покинул Плаканику. Навсегда ушел из жизни Джованни.

Обитель в Плаканике невелика, скромна, незнаменита. Быть может, именно поэтому немногочисленная ее братия любила рассуждать о сияющей в веках славе ордена, к которому принадлежат и они, о доминиканцах — великих ученых, о доминиканцах — знаменитых художниках. Джованни преподали историю ордена. Его основатель Доминик де Гусман родился в Испании. Был миссионером среди магометан и еретиков, во Франции пытался обращать в истинную веру отпавших от нее альбигойцев.

Тут Джованни осмелился спросить, кто такие еретики? Он уже знал: еретики тоже верят в Христа, только не так, как предписывает верить святая церковь. И о них говорят, будто они хуже язычников.

— Вот таких-то, кто тоже верит в Христа, но хуже язычников, не верящих в него, обращал во Франции в истинную веру испанец Доминик? — спросил он.

— И, увы, вначале не слишком в том преуспел. Несмотря на пламенность своей проповеди, — сказал его новый учитель. — Папа, сидевший тогда на престоле святого Петра, полагал, что вернее, чем слово убеждения, будут меч войны и клещи палача.— Монах произнес эти слова спокойно. Джованни вздрогнул.

— И послал папа во Францию, в тот край, где совсем осмелели еретики-альбигойцы, большое войско. Вместе с войском пришел туда Доминик. Он был назначен главой следственной комиссии, уличавшей еретиков в ереси. И виновные в ереси шли на костер, — спокойно говорил новый наставник.

Этого Джованни понять не мог. Папа прав. Папа, наместник Христа на земле, не может быть неправым. Доминик, действовавший по его приказу, тоже прав. А люди из далекой Франции по кличке «альбигойцы» не правы. И грешны потому, что не правы. Но за это на костер? На смерть мучительнейшую? Почему? Прежний наставник терпеливо отвечал на все «почему?» Джованни. Новый резко его перебил.

— Грех их был страшен! Они отрицали святые таинства, ад и чистилище... — Джованни содрогнулся. — Ты видишь в костре только муку, но не понимаешь: этой мукой тела очистятся их души для вечной жизни, освободятся от мук бесконечных. Что значит жалкая грешная плоть? Она зловонная темница души! Ей можно, ей нужно причинять страдание, чтобы тем спасти душу!

Джованни попытался представить себе, что чувствует человек на костре, его затрясло.

— Кто придумал это? — спросил он, избегая страшного слова.

— Что «это»? — резко спросил учитель.

Джованни замялся, но потом все-таки промолвил:

— Костер!

Доминиканец пожал плечами. Джованни не успокоился.

— Праведников тоже мучили и сжигали. Потому что считали их грешниками! А потом оказалось, что — праведники. Христа мучили и распяли. Может быть, и альбигойцы... — сбивчиво проговорил он.

— Не договаривай! Ты готов впасть в грех лжемудрствования. Когда война с альбигойцами была закончена, еретики обращены в истинную веру, — продолжал монах, — а упорствующие наказаны, Доминик преобразовал братство, некогда основанное им для борьбы с еретиками, в орден странствующих проповедников.

Может быть, было бы лучше, если бы братство с самого начала увещевало только проповедью, а не огнем и мечом? Джованни этого вопроса не задал.

— Орден доминиканцев принял суровый устав. И символ — изображение пса с пылающим факелом в пасти. Пес означает, что наш орден призван сторожить и охранять церковь, а факел, — что орден призван озарять мир пламенем истинной веры. Само имя «доминикане», образованное от имени славного основателя нашего ордена, стали мы толковать с тех пор как domini canes — «господни псы»! Запомнил?

Это он запомнил! Образ грозного стража — пса с пылающим факелом в пасти — трудно забыть.

— Скромна, почти забыта людьми наша обитель в Плаканике. Но она гордится своей причастностью к великому ордену. Подумать только, уже три века назад доминиканские монастыри были и в Греции, и на земле обетованной — в Палестине, и, страх сказать, в Гренландии.

Каждый день в обители строго размерен. В начале третьего часа пополуночи монахов и послушников будит гулкий колокольный звон, призыв к всенощной. В дормитории — общей спальне послушников — все просыпались, зевали, потягивались. Монахи-надзиратели торопили встающих. Начинался день, заполненный молитвами, пением псалмов, назидательными беседами, многотрудными уроками, подчиненный суровым предписаниям и правилам. Трудно подолгу молчать, трудно говорить тихо, трудно ходить, низко опустив глаза, трудно никогда не смеяться, трудно не задавать вопросов.

Недалеко ушел Джованни от родного дома, а стена обители стоит между ним и его близкими высокой преградой.

Джованни тосковал. Другие послушники были старше, провели в обители больше времени, привыкли. Они из разных концов Италии, у каждого свое наречие. Они плохо его понимают, а он плохо понимает их. Отрадны были некоторые занятия в школе, но суровы наказания за малейшую провинность. А ему случалось провиниться: то засмотрится в окно, то перебросится словом-другим с соседом, то подскажет кому. За это били линейкой по рукам — боль от такого наказания подобна ожогу, рука вспухает. За провинности более серьезные пороли розгами. Пороли жестоко.

Многое в обители Джованни по душе: прекрасный сад, аккуратные внутренние дворики, расчищенные дорожки, посыпанные песком, тенистые и тихие уголки, прохладные полутемные переходы внутри обители, чистота. Особенно нравились ему кельи самых уважаемых братьев. В них все создано для ученых занятий. При келье дворик, отделенный от других высокой стеной. Здесь можно гулять, дышать запахом цветов, ухаживать за ними, не видя никого вокруг себя, не общаясь ни с кем, кроме птиц. Когда-нибудь и у него будет такая келья.

Монах, ведавший библиотекой, дозволил Джованни бывать в библиотеке. Джованни с величайшей охотой помогал ему расставлять книги. Дивился толстым томам в тисненых кожаных переплетах, застежкам, украшенным чеканкой. Бережно стирая пыль с книги, он иногда украдкой раскрывал ее и погружался в чтение.

Брат-библиотекарь сокрушался, что книг в монастырской обители мало. Он помнил все про каждую книгу: где и когда переписывалась, если рукописная, где и когда печаталась, если печатная, кем принесена в дар. Он говорил о книгах с нежностью. Грех так любить что-нибудь, сотворенное руками человеческими. Но ведь он любит не сами книги, а божественную мудрость, в них заключенную!

Если бы Джованни мог, он бы не выходил из библиотеки. Но у молодого послушника много обязанностей. Конечно, в монастырской школе тоже есть книги — учебники диалектики, грамматики, арифметики. Они были помяты, затрепаны, изрисованы. И все-таки даже эти невзрачные книги дороги ему. Его постоянно томит умственный голод. Впрочем, и простой голод тоже: монастырские трапезы скудны.

Нелегким был первый год в монастыре — год послушания Конечно, могущий вместить да вместит, но могущий ли он?

Ему исполнилось пятнадцать. Его мучило любовное томление. Вспоминалась соседка, молодая, красивая, рыжеволосая. Однажды она полоскала белье на берегу ручья, стоя по щиколотку в воде. Легкая юбка была высоко подоткнута, рукава закатаны, белая рубаха обтягивала грудь. Джованни шел, задумавшись, и неожиданно оказался на берегу ручья совсем рядом с ней. Она вскрикнула, а он остановился на месте, не мог ни глаз от нее оторвать, ни убежать. Соседка заметила волнение мальчика и рассмеялась. В ее смехе звучал душный хмель летнего дня. Наваждение! От него надо откреститься, но его невозможно забыть.

Царь небесный создал свет и отделил его от тьмы, сотворил твердь земную, зелень, траву, деревья плодовитые, светила на тверди небесной, птиц, рыб, скотов, зверей и, наконец, человека — по образу своему, по подобию. Но зачем он создал соблазны на пагубу человеку? Иногда ему казалось, что, если бы он трудился так тяжело и с утра до ночи, как трудятся все в родном селенье, грешные мысли не столь сильно одолевали бы его. Хотя послушникам приходилось рано вставать, отстаивать долгие службы, долго сидеть на уроках, прислуживать монахам, подметать коридоры обители, настоящего труда они не знали. Некогда уставы предписывали и братии

и послушникам тяжкий труд в поле, в саду, в мастерских, но это ушло в прошлое. Монастырскую землю пахали работники. Угодья обители были невелики. Большую часть припасов она получала от окрестных крестьян. Когда на заднем дворе монастыря появлялись крестьянские повозки на высоких колесах, вытесанных из дуба железной твердости, когда двор заполняли загорелые до черноты, бедно одетые люди с каменно-твердыми руками, пахнущие солнцем и потом, Джованни тянуло к ним. Они были похожи на людей из родного Стильяно.

Джованни показалось, что было бы счастьем попроситься на такую повозку, уехать из этих стен, из этого ухоженного сада, от этой тишины. Да что уехать! Уйти! Домой. Туда, где можно говорить во весь голос, ходить, не опуская глаз в землю, бродить по округе, и никто не спросит тебя, где был. Туда, где можно снова встретить рыжеволосую соседку.

Но где взять дома книги? Как утолить дома жажду знаний? Ради нее он готов претерпеть все. Нет в его душе страсти сильнее, чем эта. «Не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием». Так учил проповедчик Екклезиаст. Его очи еще мало видели, его уши еще мало слышали, но сколько бы ни увидел он, ему все будет мало! Он взыскует истины, и голод, живущий в его душе, неутолим.

На протяжении года послушнику Джованни трижды прочитали монастырский устав и бессчетно повторяли: подняться к нему можно только по ступеням смирения. И каждый раз он отвечал, что хочет войти в лоно святой обители смиреннейшим ее братом. Ему снова и снова напоминали, что, приняв сие решение, он лишается права в будущем отказаться от монашества под угрозой вечного осуждения. Обычай требовал, чтобы он за время, предшествующее пострижению, много раз оставлял на короткое время обитель и стучался потом в ее стены. Прошел он и через это. Для него привычными стали рассуждения: «Мир — тлен, и все блага его — тлен, и вся жизнь — тлен!» Но порой, когда он слышал или произносил эти слова, перед ним возникали горы вокруг Стило весной, когда на склонах цветут миндаль и дикие олеандры. Да, цветы отцветут! Но новой весной все возродится! А здесь поучают: «Разве можно назвать земную жизнь, которая вся — лишь ожидание смерти, жизнью? Она — жалкое прозябание».

Джованни слушал, повторял, затверживал. Но как судить ему о земной жизни, как отвергать ее, он ведь еще не жил?

В ночь накануне посвящения Джованни не спал. Терзался. Он так молод, так мало прожил за стенами обители, так мало земных радостей изведал. И завтра от всего отречься? Отречься навсегда. На-все-гда, какое тяжелое слово! Почему он здесь? Верно ли он поступил?

Он уснул с трудом. Его разбудил громкий, торжественный благовест колоколов.

В назначенный час Джованни предстал перед братией в благоухающей ладаном церкви. На полу были разбросаны розовые лепестки. Прозвучало торжественное оглашение: «Обитель готовится восприять в свои стены нового брата!» В ответ Джованни смиренно произнес:

— Я прошу принять меня в лоно вашей святой обители и позволить мне стать ее иноком и слушать каждый день животворящее слово божественного откровения.

Настоятель сурово напомнил, сколь тяжки обязанности, кои возлагает на себя тот, кто выразил желание принять иноческий чин. Это последняя возможность отказаться от пугающей Джованни судьбы, но он подтвердил свою решимость стать монахом. Мысль о науках, которые он надеялся постичь в монашестве, поддерживала его слабеющую волю. Джованни торжественно поклялся перед братией и всеми святыми, что навсегда отказывается от прежней жизни, будет во всем послушен старшим. Под угрозой вечного осуждения.

Посвящаемый обошел церковь по кругу, становясь перед каждым из братьев на колени и прося смиренно помолиться о нем. Настоятель велел подать ножницы. Джованни, стоя на коленях, протянул их настоятелю, поцеловав его руку. Настоятель оттолкнул ножницы. Это повторилось трижды: так проверялась твердость духа постригаемого. Лишь в последний раз настоятель принял ножницы и выстриг в густых волосах Джованни кружок — тонзуру. Выстриженный кружок напоминал о временах, когда кающиеся грешники стригли головы наголо. Монах надел на нового собрата длинную тунику с капюшоном-куколем, пояс и наплечник, покрывающий плечи и грудь и ниспадающий до колен. Кожаный пояс — знак умерщвления плоти. Тесная туника, облегающая тело, —знак, что все члены монаха отныне мертвы для мира. Хор пел длинную печальную молитву. Один из братьев унес в кладовую прежнюю одежду посвященного. Он ее больше никогда не наденет, никогда не увидит. Настоятель провозгласил, что новый инок нарекается именем Томмазо. Прозвучали слова торжественной молитвы: «Приди, дух животворящий!»

Трудны были первые дни молодого монаха, непривычно облачение. Он не сразу стал откликаться на новое имя — Томмазо. Пострижение отделило его от вчерашних товарищей, но не сделало своим среди монахов. Мешала разница лет. Мешала его порывистость. Хоть и сковывали ее монашеское одеяние и предписанная неторопливость движений, его характер, горячий, нетерпеливый, прорывался резким жестом, громким восклицанием.

С тех пор как у него своя келья и есть время, когда он предоставлен самому себе, — оно предназначено для молитв и размышлений, Томмазо может писать стихи. Не писать — записывать. Потому что стихи приходят ему в голову неожиданно. Во время прогулок по монастырскому саду. Во время долгого стояния на молитве (великий грех!). Вечером, когда он засыпает. Иногда во сне. Он записывал стихотворение только тогда, когда оно целиком складывалось в нем. Где? В сердце, в уме, в душе? Он не знал, где обитает в человеке поэзия. Но он уже чувствовал, что не может жить без нее.

Когда Томмазо с отрешенным видом беззвучно шевелил губами, братия думала — молится. Он же сочинял стихи. По-итальянски и на латыни.

Стихов своих он никому не показывал и не читал. Да и кому? Впрочем, даже своему первому наставнику Томмазо не смог бы прочитать всего написанного. Есть у молодого инока такие стихи, которые он записывает нарочно самым неразборчивым почерком и сокращая слова. В стихах этих — тоска по любви, по женской ласке. В них гудит и звенит кровь, в них нервно, тяжело, глухо бьется сердце. Греховные стихи, Томмазо знает это, но не может не писать их, как не может победить своего любовного томления. Его влекут все тайны мира, среди них и тайна любви.

С тех пор как он принял постриг, многое изменилось в его жизни. Уже не нужно высиживать на занятиях в монастырской школе, где ему давно нечему учиться. Обязательные службы полагалось отстоять, на общих трапезах присутствовать, но остальное время он проводил в своей келье или в тенистом саду. И это благо. Он открыл для себя книгу, которая надолго заняла все его мысли. Ее, поколебавшись, дал ему монастырский библиотекарь. Она называлась «Божественная комедия». Ее сочинил два века назад некий Данте Алигьери.

Томмазо долго не мог вчитаться. Строки показались ему чересчур размеренными, смысл темным.

Господи, сколь жалки его познания, если он не может понять того, что написал поэт, живший за двести лет до него! Он вчитывался в строки, надеясь, что они откроют ему свой смысл, и часто запоминал их наизусть прежде, чем понимал. Терцины Данте звучали в нем, и собственные мысли обретали облик терцин.

Надолго все остальные книги были оттеснены этой. Он не разлучался с ней. В книге Данте было все: горькая история родины, терзаемой усобицами, судьбы ее сыновей — великих и несчастных, осуждение ее врагов, сокровенные тайны бытия. Грозные предостережения, вся жизнь человеческая, вся мудрость небесная! Поэма Данте поселила в душе Томмазо нетерпение и тревогу. Ему стало тесно в стенах обители Плаканики.

Томмазо вымолил разрешение перейти в монастырь дель'Анунциата в Сан-Джорджо. Там библиотека богаче и монахи более сведущи в науках богословских и философских. Настоятель колебался: он видел — брат Томмазо скоро станет знаменитостью его монастыря — недалек тот день, когда он сможет поручить ему проповедь, и она будет отличаться от тех, что звучат здесь обычно. Соблазнительно! Но всего соблазнительного следует избегать. Для его скромной обители в Томмазо всего слишком много — ума, огня, таланта. И все слишком горячо и ярко. Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие, подумал настоятель словами евангельского поучения, иначе молодое вино прорвет мехи.

И получил Томмазо от настоятеля placet — соизволение перейти в другую обитель.

Дорога ошеломила Томмазо. Он любил ходить подолгу и быстро. Прекрасно, когда перед глазами открытый простор —

взгорки, холмы, рощи, ручьи. И люди, люди, люди! За долгие месяцы в обители не видел он столько лиц, сколько за один день в пути. Ручьи пели, рощи смеялись, но невеселыми были лица встречных. Земля щедра и богата, а люди, живущие на ней, те, что возделывают сады, окапывают виноградники, пасут стада, бедны. Ужасно бедны. Оборвана их одежда, скудна еда, рано старятся женщины. Почему?

Справедливо ли это? Столь краток срок земной жизни, отпущенной людям. Почему же они должны так маяться? Почему? Крестьяне, низко кланяясь, подходили под его благословение, целовали ему руку, называли «святой отец». Он знал, иначе и быть не может, и все-таки испытывал смущение. Носить бы ему крестьянскую куртку, трудиться бы на земле от зари до зари. Может, это и есть счастье? Но дала бы такая жизнь ответы на вопросы, которыми томится душа?

В селении, куда он пришел, постоялого двора не было. Приют ему дали в крестьянской хижине. Хозяйка вынесла ломоть ноздреватого серого хлеба, несколько стручков сладкого перца, кусок овечьего сыра, хозяин принес из погреба глиняную флягу вина. Как непохожа скромная трапеза в деревенском дворе на обед в сумрачной монастырской трапезной под непрерывное чтение житий, где и от слов и от еды одинаково пахнет ладаном.

Поев, Томмазо уснул под тенистой шелковицей. Внезапно его разбудили. Темнело. Вокруг него толпились встревоженные люди, о чем-то просили его. Умирает женщина! Священник отправился вчера в город, скоро его не ждут. Женщина умоляет, чтобы ее исповедовали и причастили.

Отказаться невозможно. С тяжелым сердцем пошел Томмазо за провожатым. Нищей оказалась хижина, тяжелым воздух, ужасным ложе, на котором лежала умирающая. Его оставили наедине с ней. Тяжкая работа иссушила женщину. Сколько ей лет, понять было невозможно. Малодушная мысль мелькнула у Томмазо. Обойтись бы глухой исповедью! Но женщина была в сознании и нетерпеливо жаждала рассказать все о своих грехах. Томмазо произнес простые слова утешения, сожалея, что не находит более сильных.

Женщина жадно внимала им. И вот — исповедь. Как ничтожны ее грехи, и как горько она в них каялась! Томмазо, жалея бедную, темную жизнь, в которой было так мало света и радости, отпустил умирающей ее грехи.

Можно уйти, но он не решался покинуть умирающую: бесконечная жалость томила его душу. Он вышел, когда соседка сказала: «Отходит!» Другие, громко переговариваясь, готовили смертное одеяние. Муж умирающей благодарил Томмазо, хотел заплатить ему, Томмазо отдернул руку, будто монеты были раскаленными.

Уснуть он не смог и отправился дальше. Белая от каменной пыли дорога хорошо была видна в темноте. Он знал все, что сказано в Евангелии о бедных и сирых, которые непременно войдут в царствие небесное. Женщина, грехи которой он отпустил, должна спастись. Разве может быть жизнь беднее, скуднее, проще, горше, чем та, которую прожила она, надрываясь в работе, недоедая, страдая. Неужели для такой жизни была рождена она? Неужто заслужила бы вечную муку, если бы не успела исповедаться? Его мысли грешны, но он не мог остановить их.

Первый же день в новой обители удивил Томмазо. Здесь о нем, оказывается, уже знали. Настоятель, строгий и важный, беседуя с Томмазо, дал ему понять, что для него не тайна ни таланты молодого монаха, ни его склонность к умствованию. И сообщил, что переход Томмазо в новую обитель милостиво разрешил провинциал — глава монашеского ордена провинции. Так молодой доминиканец впервые узнал: каждый его шаг на жизненном пути отныне совершается им не по собственному желанию. Начальствующие определяют, чему быть. И каждый его и обдуманный и необдуманный поступок, и особенно проступок, оставляет следы в канцеляриях ордена.

Первые дни к нему присматривались и он присматривался к окружающему. Здесь все было больше и просторнее. Богаче убранство церкви. Тонкими и восхитительными красками искусной рукой были изображены на средней части алтаря благовещенье, а на боковых — святые. В церкви было несколько исповедален с искусной резьбой по темному дереву. Фигуры мадонны и святых, изваянные из мрамора, освещались огромными свечами и были украшены дарами молящихся. Бедняки вешали фигурки из воска, богатые — из серебра и золота. Знает ли небо, что на земле золото дорого, а воск дешев? Томмазо испугался. Мысль эта кощунственна. Могучими были басы и баритоны колоколов обители, слышные на всю округу. Знаменит был сладкогласный хор обители. Томмазо подивился всему, всем полюбовался, всем восхитился. Но больше всего его влекла библиотека.

Он уже обрел опыт. Не следует сразу показывать, сколь велика его тяга к книгам. Он решился пойти в библиотеку лишь через несколько дней. Библиотека его ошеломила и осчастливила. Здесь было несколько сот томов! Может быть, тысяча! Богатство невиданное...

Сам вид книг, шероховатость или гладкость бумаги, узор букв, запах бумаги — все волновало Томмазо. И когда он остался в библиотеке один и никто ему не мешал перелистывать книги, радость его стала безмерной.

Братия дивилась на нового инока. Даже среди них, много часов соблюдавших молчание, он казался молчаливым. Странно видеть в столь молодом человеке такую погруженность в себя. А Томмазо читал, читал все время, которое оставалось от обязательных молитв, а когда не читал, тогда обдумывал прочитанное. Искал ответа на свои «почему?». Почему так устроен мир? И почему столь несчастливы многие его обитатели? И все чаще убеждался: на один и тот же вопрос книги дают много ответов. И они разные: истина манит, мгновениями кажется, она готова открыться, но снова, мелькнув перед глазами, ускользает.

Томмазо еще не привык к этому монастырю, как его внезапно перевели в обитель дель'Анунциата в Никастро. Там подвизался знаменитый богослов отец Антонио. Орденское начальство сочло за благо, чтобы Томмазо, выказавший столь великие способности в науках, продолжил свое образование под водительством отца Антонио. Настоятелю же обители в Никастро было доверительно сообщено, что инок Томмазо, находясь в Сан-Джорджо, не удовлетворился изучением богословия и метафизики, но спознался с неким живущим в том городе медиком Соправия, каковой осмеливается нападать на Аристотеля. Вот истинная причина перевода брата Томмазо в Никастро. Об этом он сам не знал и знать не должен был, просто в новый монастырь была прислана некая бумага, в которой убористым почерком был запечатлен каждый шаг брата Томмазо.

Вопросы, которые Томмазо задавал отцу Антонио, ставили того в тупик. Сокрушаясь, он восклицал: «Ты плохо кончишь, брат Томмазо!»

Томмазо привыкал к новой обители трудно. Несколько молодых монахов явственно хотели сблизиться с Томмазо, но испугали его своим фанатизмом, тем, как поклонялись мадонне.

Было в этой исступленности нечто греховное. Почему именно мадонну выбрали они для такого поклонения? Он не решался признаться даже себе, что история Марии вызывает у него страшное сомнение. Его учили: непорочное зачатие — это тайна, постичь ее умом нельзя. Но ум требует ответа: «Неужели это возможно?»

Одно сомнение влекло за собой другое. Он стал плохо спать. Голова горела от напряженных мыслей. Душу томила невозможность выговориться. Не с кем поделиться сомнениями, не на кого опираться. Молитвы не приносят облегчения. Ему нужен друг!

В саду к Томмазо подошел незнакомый инок, облик которого заставил вспомнить изречение «клобук не делает монахом». Крупные четки в его руках казались горошинами. Под монашеским облачением угадывалось могучее тело. Мускулисты его обнаженные ноги в огромных сандалиях. Широк и крут высокий лоб. Резки черты лица. Стремителен размашистый шаг и громок голос.

Опуская подобающие в таком случае благочестивые формулы знакомства, тот представился: «Дионисий!» И, не добавляя «смиренный брат», спросил: «Кто ты? Откуда?» Едва Томмазо ответил, Дионисий перебил его: «Наслышан!» — и закончил стремительное знакомство словами: «Будем друзьями! Но будь осторожнее! В монастырях стены имеют уши, а деревья глаза».

Они подружились. Дионисий изумил Томмазо странными речами:

— Я так же мало верю в черное, как в голубое, — сказал он, — но я верю в доброе вино, в каплуна, вареного и жареного. Но прежде всего я верю в доброе вино и в то, что тот, кто верует в него, спасется! Так говорил великан Морганте в поэме Пульчи «Морганте Маджори». Нравится?

Томмазо, ошеломленный языческими словами, промолчал.

Но Дионисия занимали не только яства и питье. Он жаждал знать, что происходит вокруг, жадно расспрашивал паломников, крестьян, привозивших в монастырь припасы, купцов,

приезжавших на ярмарки. Дионисия волновала наука о государстве — политика.

Томмазо дивился тому, что занимает друга. Ему казалось сие суетой. Тот возразил:

— О небесном царстве есть кому похлопотать. Меня же заботят царства земные. — И он проникновенно произнес:

— Достигшая мира и спокойствия, возделанная вся от плодородной равнины до скудных гористых земель, не подчиняющаяся никакой другой власти, кроме своей собственной, Италия была самой изобильнейшей не только своим населением, своей торговлей, своими богатствами, но и славилась великолепием своих властителей, блеском своих многочисленных благороднейших городов, которые прославлены людьми, искусными в управлении общественными делами, умами, сведущими во всех науках, людьми, искусными и изобретательными во многих ремеслах, по обычаю времени не лишенными и военной славы, украшены великими учеными так, что по заслугам и справедливости страна наша пользовалась уважением, известностью и славой.

— Чьи это слова? — спросил Томмазо. Они поразили его воображение.

— Это написал ученый Франческо Гвиччардини, — ответил Дионисий. — Почему же наша страна пришла в такой упадок? Почему в Калабрии, да не только в Калабрии, хозяйничают испанцы? Почему, сильнейшие, мы стали слабейшими? Почему? Только не говори мне: по божьему соизволению! Люди принесли нашей стране славу, они же ее расточили...

Продолжить разговор не удалось. Дионисий оборвал себя на полуслове, тихо сказав, словно продолжая речь, которую вел только что:

— Ты прав, брат Томмазо, смиренномудрие превыше всего!

Мимо них беззвучной тенью скользнул инок, лицо которого отличалось одной особенностью: его невозможно было запомнить. Когда он удалился, Дионисий, глядя ему вслед, выговорил с ненавистью:

— Лев рыкающий, ищет, кого поглотить! — И сам рассмеялся:

— Какой он лев? Обыкновенная ползучая гадина.

Разговор об участи родной страны, однажды начавшийся, более не обрывался. Медленно прогуливаясь по монастырскому саду, новые знакомцы тихо беседовали. Головы их были склонены, руки перебирали зерна четок. Издали могло показаться, что беседуют они о назидательном и богоугодном.

Дионисий рассказывал, как вступил на престол папа Сикст V. Покуда был кардиналом, он пятнадцать лет кряду выглядел слабым, немощным, хворым, ходил, опираясь на посох, говорил еле слышным голосом. И кардиналы на место умершего папы выбрали его, надеясь, что он будет податливым воском в их руках. Но едва выбранный, Сикст V запел хвалебный псалом господу таким могучим голосом, что кардиналы побелели от страха. И он, отбросив свою мнимую немощь, стал править железной рукой.

Томмазо ужаснул способ, каким Сикст V взошел на святой престол. Страшно подумать, что наместником бога на земле может стать лицемер!

Дионисий возразил, что Сикст V сделал это ради благой цели: он укрепил папский престол, искоренил в Риме и округе бандитов, заставил считаться с собой государей, сократил расходы. Но все это дела мирские! Разве о том учили апостолы?

— Когда страна в беде, все средства хороши, — упрямо возразил Дионисий.

— В чем беда?

— Если на твоей земле хозяйничают чужаки, это не беда? Если берег твоей страны грабят пираты, это не беда? Если в святой церкви всем заправляют симониты — святокупцы, за деньги делающие грешников священниками, это не беда? Если в судах все в руках взяточников, это не беда? Если крестьяне честным трудом не могут прокормить семью и предпочитают бежать в горы, жить там в пещерах, подобно диким зверям, только бы вырваться из рук тех, кто их грабит, разве это не беда? Или ты не слышал о них, о фуорушити? Их поносят, называя разбойниками, но настоящие разбойники живут не в пещерах, а во дворцах!

— Сколь пламенная проповедь! — воскликнул Томмазо, скрывая свое смущение. Да, он знает обо всем этом, но никогда еще не ставил всего рядом — лихоимства, симонии, беззакония, нищеты крестьян. Теперь у него появятся новые «почему?».

В доминиканской обители, что в уютной зеленой Козенце, был назначен диспут. Тема — богословские и философские тонкости. Участие в таком споре требовало начитанности, памяти, внимания. Нужно отменно знать тексты, на которые будет опираться оппонент, предусмотреть возможные неожиданности, ловить его на противоречиях и не попадаться самому в ловушку. Нужен хорошо поставленный голос. Осторожность, чтобы не произнести ничего еретического, а то противник напишет донос. Невелика радость вести спор на кафедре, а расплачиваться за него в камере.

Такие диспуты в большом почете. Богословов приучали к ним смолоду, как рыцарей к ристалищам.

Диспут в Козенце готовился особенно торжественно. Городок заполнили гости. Состязаться должны францисканцы и доминиканцы. Францисканец славился ученостью и искусностью в полемике. Его оппонентом был назначен не менее ученый доминиканец. Оба противника немолоды и во всем достойны друг друга. В канун диспута доминиканец внезапно захворал. Захворал или убоялся? Скандал! Настоятель обители в Никастро с одобрения провинциала ордена принял решение, изумившее многих.

В час, когда церковь в Козенце заполнилась монахами, послушниками, странствующими студентами, мирянами и седовласый францисканец занял свое место, его оппонента все еще не было. По толпе, уставшей от ожидания, прошел шум. Тут в церковь вошел никому не известный молодой доминиканец — коренастый, широкоплечий, с некрасивым лицом простолюдина и умными глазами. Он преклонил колени перед алтарем, низко поклонился капитулу и сказал, что ему, недостойному, доверено выступить в диспуте, представляя свой орден. Достаточно поглядеть на убеленного сединой, умудренного францисканца и на молодого пришельца, чтобы понять: его появление — дерзость! Однако настоятель Козенцы не разгневался, переждав шум, важно сказал:

— Мы разрешаем тебе, брат Томмазо, принять участие в диспуте. Достопочтенный собрат мой, настоятель обители в Никастро, сообщил нам — ты достоин!

Вместе с Томмазо в Козенцу был послан Дионисий — обитель блюла правило не отпускать в дорогу молодых доминиканцев в одиночку. Знать, что среди слушающих тебя — друг, всегда отрадно. Они условились: если Томмазо излишне увлечется, Дионисий поставит молитвенник, который будет держать в руках, на ребро.

Диспут продолжался много часов. В церкви висел душный туман от ладана, дыма свечей и дыхания собравшихся. Гул недовольства, изумления или одобрения проходил по церкви. Вначале Томмазо ощущал явственное недоброжелательство аудитории. Потом любопытство. Знатоки переглядывались, подталкивали друг друга локтями. Наконец, прозвучали возгласы одобрения. И вдруг в тот миг, тогда Томмазо воспользовался особенно смелым аргументом, кто-то вскочил с места, всплеснул руками, воскликнул могучим басом: «Браво! Брависсимо!» — и тут же сел, смущенный своим неподобающим поведением. То был Дионисий, который не только не поставил на ребро молитвенник, но вовсе забыл о его существовании. Победившим был признан брат Томмазо. Францисканец не поздравил его, как было принято, а поспешно покинул церковь.

На обратном пути Дионисий все еще жил диспутом. Томмазо чувствовал себя опустошенным. Не радовался победе.

Дионисий спросил друга, почему он мрачен.

— Не ликовать после такой победы — гневить бога!

— Ты умеешь играть в шахматы? — спросил Томмазо. — Партия заканчивается, один выиграл, другой проиграл. Но в самих правилах не изменилось ничего! Игра сыграна. Фигуры ссыпаны в мешок. И ни-че-го не изменилось. Те же фигуры. Та же доска. Те же правила. Вот так и наш диспут!

Когда они подходили к обители, Томмазо спросил:

— Ты знаешь, кто такой Телезий?

Дионисий не знал. Почему Томмазо спрашивает об этом?

— Ты невнимательно слушал диспут! — сердито ответил Томмазо. — Францисканец сказал, что мои доводы почерпнуты из трудов Телезия, — а я имени такого не слышал! — и близки к ереси. Высказать на диспуте еретические мысли! Ты понимаешь, что это значит?

Дионисий попробовал успокоить друга.

— Он не сказал «еретические»! Он сказал — «недалеки от ереси»! И ты опроверг его.

— Да, конечно, — рассеянно ответил Томмазо. — Но все-таки кто такой этот Телезий?

Они добрались в обитель вечером. В монастырской церкви шла поздняя служба. После вечерни Томмазо постучался в келью настоятеля, чтобы почтительнейше сказать, как прошел диспут. Ему пришлось снова удивиться. Они задержались в Козенце совсем недолго. Только побывали на развалинах



некогда грозных римских укреплений. Путь до Никастро проделали быстро. А между тем настоятель уже все знал о диспуте. Он поблагодарил Томмазо за то, что тот не посрамил обитель. Но гордиться победой не подобает, а надобно благодарить того, кто дал силы и подсказал доводы.

Скоро Дионисий достал ему книгу Телезия «О природе в соответствии с ее собственными правилами». В ней все поразило Томмазо. Телезий отважился спорить с самим Аристотелем, которого церковь признала величайшим авторитетом.

...Надо знать, что великий древнегреческий ученый Аристотель был в те времена искажен переводами, сужен и урезан толкованиями. То, что он действительно когда-то сказал, и то, что ему приписывалось, было объявлено истиной. Существовал неоспоримый довод: «Учитель сказал!» Слово Аристотеля почти приравнивалось к слову отцов церкви. Аристотеля собирались канонизировать, то есть объявить святым, хоть он и язычник по рождению! Нужна была немалая смелость, чтобы выступить против учения Аристотеля, как это сделал Телезий.

Телезий в своей книге утверждал: материя неуничтожима, она вечно существовала и вечно пребудет. Он признавал, что мир некогда был создан богом, но говорил, что теперь он существует по собственным законам. Эти мысли потрясли Томмазо, как откровение...

Он стал дознаваться о Телезии. Ему сказали, что тот уже в преклонных годах. Монах. Был профессором философии в Неаполе. Взгляды его показались властям еретическими. Опасаясь беды, Телезий перебрался в тихую, глухую Козенцу. Ту самую, где Томмазо недавно был на диспуте. Знать бы раньше, кто живет здесь! Но ему не выбраться в Козенцу. Успех на диспуте усилил надзор за ним в обители, особенно когда сюда донеслись слова, сказанные после его победы: «В него вселился дух Телезия».

Он не может повидаться с ним. Жаль. Зато у него в руках его главная книга.

Вчитываясь в труды Телезия, Томмазо не только восхищался, он видел: ученому мешает страх. Телезий то и дело смягчал собственные выводы, вставлял оговорки, каялся в собственной смелости, обещал, что сам осудит вслух свои взгляды, если того потребует церковь. Почему?

Книги Телезия для Томмазо — свет для блуждающего во мраке. Появилась надежда, что ему откроются тайны природы. Томмазо ощущает умом, сердцем, всем существом: дождевая капля, и горная река, и море, и искра над костром, и молния в небе, и раскрывающийся цветок, и даже рождающийся человек — все связано неким единством. Тот, кто сумеет понять его, приблизится к сокровенным загадкам бытия.

Томмазо стал добиваться разрешения побывать в Козенце. Делал он это осторожно и почтительно. Настоятель отверг его просьбу. Первый раз спокойно, второй — жестко, в третий раз последовал не отказ, а прямой запрет и суровое наказание за строптивость. Томмазо приказано две недели сидеть во время трапезы на полу и есть со скамьи, так чтобы все смотрели на него сверху вниз. В эти дни постыдного наказания он силился вызвать в уме образ великого козентинца. Мгновениями казалось: он видит Телезия перед собой, слышит его голос. Когда Томмазо отбыл наказание, он услышал: Телезий опасно болен, дни его сочтены. Томмазо самовольно покинул обитель и поспешно отправился в Козенцу.

Напрасно день за днем Томмазо приходил к дому Телезия. Двери были наглухо затворены. Ставни на окнах закрыты.

Был октябрьский день, когда старый философ умер. В воздухе ощущалось терпкое дыхание осени. Заунывно пел хор. Томмазо вглядывался в высохшее, костяное лицо, смотрел на высокий лоб с впалыми висками и силился понять, о чем думал мудрец в свой смертный час и где сейчас его мятежная душа. Он положил на гроб стихи, написанные сразу, едва он узнал о его смерти. Томмазо выбежал из церкви. Слезы душили его. Когда вернулся, листа со стихотворением не было.

Телезия опустили в могилу, и Томмазо ощутил одиночество. Потерял учителя, не услышав его наставлений. Что теперь? Куда теперь? А теперь в свою обитель. Куда денешься! Его ждет кара за то, что самовольно ушел в Козенцу.

Обошлось! Начальствующие в обители ничего ему не сказали. Но многие из братии стали его обходить, а если он заговаривал с ними первым, пугливо озирались и спешили закончить беседу. Когда Томмазо пришел в себя, он, затворившись в келье, написал еще одну элегию на смерть великого козентинца.

Дионисию стихи понравились. Но он встревожился.

— Как ты назвал в элегии Аристотеля? — спросил он шепотом.

— Тираном духа! — гордо ответил поэт.

Дионисий потребовал:

— Немедленно, сейчас же уничтожь этот текст.

Томмазо пообещал это сделать. Но не успел. Когда он вернулся в келью, он почувствовал: в ней что-то переменилось. Книги лежали не в том порядке, в каком он их оставил. Слава богу! Лист пергамента с элегией на смерть Телезия на месте. Но на нем появилась клякса, которой прежде там не было. Ее, видно, посадил по неосторожности тот, кто торопливо списывал текст. Келью обыскивали! Отвратительно! Надо жаловаться! Кричать о беззаконии! Куда, кому? Ему казалось, что чужие руки шарят по его телу, лезут в душу. Он разорвал элегию в клочки, лист, на котором она написана, был осквернен.

Его требует настоятель! Незамедлительно! С бьющимся сердцем Томмазо поспешил на зов и узнал, что переполнил чашу терпения своих наставников. Самовольством — отлучкой в Козенцу. Поведением в соборе на отпевании. Он осмелился плакать! Нельзя оплакивать человека, находящегося под сильным подозрением в ереси. А если он не еретик? Нельзя оплакивать того, кого господь призывает к себе. В Козенце Томмазо вступил в общение с мирянами — участниками вольного философского кружка, называемого «телезианская академия». Вернувшись, сочинил стихи на смерть Телезия. Томмазо подобало произнести слова раскаяния: «Согрешил, отец мой, моя вина, моя великая вина!» — но он не смог заставить себя выговорить их.

— Не вздумай оправдываться. Теперь твой удел надолго — покаяние, — сказал настоятель.

Томмазо чувствовал, как в его душе звенит тонкая натянутая струна, готовая лопнуть. Сейчас он все скажет. Он промолчал.

Была объявлена кара. Его ссылают в глухой монастырь в Альтомонте. Провинциал благословил эту меру. Тамошний настоятель оповещен. Прочие наказания, заслуженные им, брат Томмазо понесет на месте. Отправиться в путь надлежит завтра.

В Альтомонте, так в Альтомонте. Странное безразличие охватило его. Он сам выбрал свою судьбу, которая сделала его постыдно зависимым от чужих приказов, от чужой воли, от чужого неразумия. Ну нет! Приказывать они могут его телу. И он вынужден им повиноваться. А его воля, свободна ли она? Пусть следят за каждым его шагом, прислушиваются к каждому его слову, они не помешают ему идти своим путем. Для него идти своим путем — значит думать... Мыслям не прикажешь!

Неожиданно жизнь в Альтомонте оказалась не то чтобы легче, но увлекательнее, чем он думал. Настоятель не обращал внимания на молодого инока, присланного ему на исправление. Хотя, разумеется, все кары, предписанные провинциалом, тому пришлось понести.

В том же городе неподалеку от обители жили молодые люди, еще недавно учившиеся в славнейших итальянских университетах. Они прослышали о монахе, сосланном в Альтомонте за приверженность к учению Телезия, и разыскали его. Он быстро нашел с ними общий язык. Они полагали, что истинный мудрец должен чувствовать себя одинаково уверенно на диспуте, на поединке, на любовном свидании, легко цитировали ученые трактаты и любовные стихи, толковали о соколиной охоте с таким же увлечением, как об астрономии; о географии — с таким же упоением, как о любви; могли часами состязаться в рассказывании историй, сочинении стихов и пении, равно как в игре в мяч. Выше всего они чтили человека разностороннего, гениев универсальных. Каждый из них чтил себя и других не за знатность или богатство, а за истинную человеческую ценность. Они были детьми эпохи с прекрасным именем — Возрождение. Тем и гордились. Они не знали, что породившая их эпоха — на закате, что огонь, на котором выплавился драгоценный металл их душ, уже не горит, а тлеет. Иное пламя все чаще пылает на площадях Европы. Тигли, в которых этот бесценный металл плавился, разбиты, чеканы, которыми были вычеканены сильные и смелые лица героев Возрождения, выброшены. От великих истин отлетел их смысл, остались одни слова. Недалеко время, когда почитаемый образ гуманиста выродится в ученого педанта, а универсальные гении станут блестящими и поверхностными всезнайками. Лишь немногим из них, самым мудрым и чутким, было дано предчувствовать это — Гамлеты рождались и в Италии тоже. Пока же альтомонтские друзья Томмазо были молоды, уверены в себе, беспечны. Хозяевами жизни ощущали они себя.

Продолжение следует

«Чтобы эта выставка стала полной»

Л. ПОЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

БАГДАДИ — село, многократно описанное биографами, воспетое поэтами, воспроизведенное на десятках фотографий, отснятое в фильме «Так начинается Маяковский». Все это я читала, видела. И все-таки ни на секунду я не почувствовала, что передо мной что-то знакомое. Невозможная, нереальная красота. «Багдадские небеса» — словно голубая эмаль украшений царицы Тамары, что хранятся в Тбилисском музее искусств. Вдоль села бежит горная речка Ханисцхали. Звук вод ее, разбивающихся о валуны, слышен с любой точки. Кругом — горы, горы, горы, покрытые буйной экзотической растительностью. Я не знаю этих южных названий.

Невозможно представить себе Блока без Петербурга, Бабеля без Одессы. А Маяковский? Он всегда подчеркивал свой интернационализм, свою принадлежность Вселенной. Утверждал, что не кровное родство, не происхождение объединяет людей, а только идейная, идеологическая общность. Все так. Но здесь, в Багдади, вдруг начинаешь понимать, что между этим селом и этим поэтом не случайная, но глубокая, органичная связь. Здесь, где все так величественно, так масштабно, только и мог родиться поэт-гигант, поэт-богатырь, по меткому выражению К. Чуковского, будто в телескоп смотрящий на мир.

Здесь в небольшом деревянном доме он и родился. Сейчас это дом-музей. Почти все экспонаты — подлинные вещи семьи Маяковских. Кабинет отца поэта: стол с письменными принадлежностями, этажерка с газетами на русском и грузинском языках. На стене оленьи рога, коллекция местных пород древесины.

Комната, где маленький Володя жил с матерью: кровать, колыбель, медный таз и ковш для умывания, зеркало, керосиновая лампа — только необходимые простые вещи.

В третьей, самой большой комнате — буфет, где хранятся детские поделки Маяковского (резьба по дереву), самовар, на этажерке сочинения Пушкина, Гоголя, Аксакова. Групповая фотография писателей, сотрудничавших в «Современнике». Никаких икон, никакой религиозной литературы. Быт рядового, демократически настроенного интеллигента. В этих мемориальных комнатах начинаются экскурсии по музею.

Экскурсию, которую слушаю я, ведет ученый секретарь музея Георгий Антонович Саладзе. Неторопливо, обстоятельно рассказывает он о каждом экспонате, об отце поэта, багдадском лесничем, который в меру своих сил старался облегчить нелегкое положение грузинских крестьян, о матери Александре Алексеевне (сын потом не раз вспомнит ее в своих стихах), о детстве Володи и сестер его — Оли и Люды. Чтобы увидеть, почувствовать, понять, как «начинался Маяковский», необходимо приехать сюда, в Багдади.

Мемориальный музей на родине поэта, пожалуй, мог бы и ограничиться демонстрацией мемориальных экспонатов. Но в Багдади решили иначе — экскурсантов знакомят и с творчеством поэта. В музее открыта экспозиция, посвященная творческому пути Маяковского.

Еще до начала экскурсии мне не без гордости было сказано: «У нас есть специальный стенд: Маяковский — атеист». Внимательно разглядываю тексты антирелигиозных частушек («Небо осмотрели

и внутри, и наружно. Никаких богов, ни ангелов не обнаружено» и др.), обложки брошюр с антирелигиозными стихами: «Ни знахарь, ни Бог, ни ангелы бога — крестьянству не подмога», «О патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней?», афишу выступления Маяковского «Поп или мастер?» Словом, здесь добросовестно представлено то, что сделано Маяковским непосредственно для нужд антирелигиозной пропаганды. Об атеизме говорится только у этого стенда — будто не напиши поэт десятка антирелигиозных частушек, не был бы он величайшим атеистом и богоборцем!

Между тем атеизмом пронизано все творчество Маяковского — от первых стихов до последней поэмы «Во весь голос». Атеизм для него — не только мировоззрение, но склад души, ума, характера.

Что мне делать,
если я
вовсю,
всей сердечной мерою,
в жизнь сию,
сей мир
верил,
верую.

Религия — зло, потому что она поддерживает «все, что у нас ушедшим рабьим вбито», диктует ханжескую мораль, навязывает свои законы искусству. Да и сама мысль о существовании некой силы, стоящей над личностью, фатальной предопределенности человеческой судьбы и хода истории всегда представлялась Маяковскому чем-то жалким, трусливым, постыдным.

Мировая скорбь, мировое страдание мировая совесть и мировая ответственность — все эти «божественные» атрибуты он готов взвалить на себя:

Я — где боль, везде;
на каждой капле слезовой течи
распял себя на кресте.

Стенд «Маяковский—атеист» не обогащает, а, скорее, обедняет представление экскурсантов об атеизме Маяковского. И неудача эта, по-моему, объясняется теми же причинами, что и неудача «литературного отдела» в целом: небольшой сельский музей во всем старается быть «не хуже» столичного. А между тем здесь, в Багдади, стоило бы использовать именно те возможности, которых у городского музея нет.

Все, что я напишу ниже, не рекомендации и не руководство, а лишь одна из возможных попыток представить себе, каким мог бы быть Музей Маяковского.

Он любил искусство монументальное, которому тесно в музеях, театрах, обложках книг. Открывая выставку «20 лет работы Маяковского», он писал: «Чтобы эта выставка стала полной,— надо перевести сюда трамваи и поезда, расписанные боевыми строками. Атаки, горланившие частушки. Заборы. Стены и флаги, проходившие под Кремлем, раскидывая огонь лозунгов».

Тогда в Москве, в помещении это было невозможно. А что если такое попробовать сейчас здесь, в поселке, названном его именем, осуществить это пожелание поэта. Что если танк «Владимир Маяковский», самолет «Владимир Маяковский», участвовавшие в боях против фашизма, были бы здесь не фотографией на стенде, а стояли бы на улице. Да развесить бы плакаты окон РОСТА (хотя бы копии). А на горных склонах сыграть бы «Мистерию-буфф». (Хотел же когда-то грузинский режиссер К. Марджанишвили поставить «Мистерию» на горе Давида в Тбилиси.) Здесь, под небесами, как удивительно, как необычно могла бы прозвучать ее богоборческая тема.

Словом, придумать можно многое. И думать, конечно, не только крошечному штату музея, но в первую очередь специалистам-«маяковсковедам». А впрочем, почему только им? Грузинское село Багдади, так же как Михайловское, Ясная Поляна, Мураново,— одна из наших святынь. И каким быть ему, об этом должны думать все — и деятели культуры, и любители поэзии. Бесспорно одно — все, связанное с Маяковским, должно быть сохранено.

В Багдади есть дом, в который переехала семья Маяковских, когда Володе было 7 лет. Это о нем — в автобиографии: «Первый дом, воспоминаемый отчетливо. Два этажа. Верхний — наш... Все это территория старинней грузинской крепости под Багдадами. Крепость очетыреугольнивается крепостным валом». Сейчас и здание, и вал разваливаются. Выбиты окна, поросли мхом стены. Местные энтузиасты давно задумали организовать здесь краеведческий музей, но правление колхоза почему-то не соглашается (хотя и для нужд колхоза дом тоже не используется). Здание это (кстати, само по себе более оригинальное и живописное, чем то, в котором находится музей), безусловно, представляет собой историко-культурную ценность. Его, конечно же, следовало бы реставрировать и спасти.

Багдадский музей не единственный мемориальный музей Маяковского в Грузии. В Кутаиси, в бывшей городской гимназии, где с 1902 по 1906 год учился поэт (сейчас средняя школа № 1), есть класс, в котором расположен школьный музей Маяковского.

Парта, за которой сидел Маяковский, — в конце ряда обычных современных парт, здесь нынешние школьники обучаются чтению и письму. Вдоль стен — стенды: грузинский период жизни Маяковского, последующий творческий путь и третий, по-моему, наиболее интересный, — работы учащихся школы, посвященные Маяковскому: дом Маяковского в Багдади — резьба по дереву Вахтанга Абхаидзе, портрет Маяковского — чеканка Медеи Джаяни, иллюстрации Гоги Чхетия к произведениям поэта и др.

Музей находится в «действующем» классе. Не знаю, хорошо это или плохо. Наверное, можно было выделить под музей комнату, где всегда тихо. Но здесь стремятся не подражать «настоящим» музеям, а думают о том, как использовать свои возможности. И школьница-экскурсовод, и экспозиция, состоящая преимущественно из работ учеников, и то, что класс, где он учился, функционирует и как класс и как музей одновременно,— все это создает ощущение некой «связи времен», того самого диалога «живого с живыми», о котором мечтал поэт.

Чувство «живого присутствия» Маяковского в этом классе ощущают многие посетители. Свидетельство тому — Книга впечатлений. Вот одна из многочисленных записей:

«Дорогие друзья! Спасибо вам за прекрасную память о Маяковском. Спасибо за то, что он, живя и торжествуя во всем мире, одновременно не хочет уходить, не может уйти из этой школы. От сердца. Роберт Рождественский».

По числу посетителей этот маленький уникальный музей, пожалуй, не уступит многим большим и знаменитым. Тут побывали туристы почти из всех стран мира, среди них государственные деятели, ученые, поэты, школьники.

В этой школе Маяковского не только изучают, не только «экспонируют», здесь Маяковским живут.

Мне показывают школьное сочинение Мальвины Бабухадия «Маяковский и мой родной Кутаиси», получившее первую премию на республиканском конкурсе:

«Я еще с малых лет очень много слышала о детстве Володи, о доброте его отца, об их бесконечной любви к Грузии. Поэт сделался моей мечтой. Эта любовь моя к поэту еще больше окрепла в школе. Я часто спрашивала свою учительницу о Маяковском и *все больше* и больше узнавала о его жизни... Я решила еще глубже познакомиться с жизнью великого поэта, со связью его с нашим родным, любимым городом».

О Маяковском написано много. Сказать о нем что-то свое, найти новый факт (пусть хоть штрих) его биографии — необычайно сложно. А кутаисская школьница М. Бабухадия сумела разыскать людей, лично знавших поэта, и впервые записала их воспоминания.

Не расстаются с Маяковским и выпускники школы. Я — в доме сестер Мхеидзе. Огромный книжный шкаф, где собраны книги поэта (не только на русском) и книги о нем. Девушки (старшая Нанос — фармацевт, младшая Мадона — библиотекарь) показывают мне свои иллюстрации к произведениям Маяковского, макет колыбели поэта, выполненный из янтаря, эскиз барельефа с изображением села Багдади. Это — копии, оригиналы подарены Музею Маяковского в Москве и хранятся там.

Кутаиси — большой современный промышленный город и, как всякий город, живет «грудой дел, суматохой явлений». Но каждый раз, как попадаю я на набережную, всякий мой спутник-кутаисец непременно произносит: «Вот здесь он купался. Помните: «А я убег на берег Риона... Жарился в кутаисском зное». Экскурсовод показывает одну из достопримечательностей — старинную чинару: «Ее очень любил Маяковский». Самая живописная улица города носит его имя, и первое, что видишь, войдя в городскую картинную галерею — огромная фигура Маяковского во весь рост (работа скульптора Кордзахиа). Могила отца поэта — на городском кладбище; на плите с надписью «Отцу великого поэта от почитателей его таланта» — свежие цветы.

В автобиографии Маяковского есть любопытный эпизод: «Перечел все новейшее. Символисты — Белый, Бальмонт... Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось, так же про другое — нельзя». Это в полной мере относится и к музейной работе. Музей Маяковского должен строиться на принципиально иных началах, чем, скажем, музеи Пушкина, Горького, Есенина. Как «важен в поэме стиль, отвечающий теме», так и в пропаганде творчества каждого поэта должен быть свой стиль. Найти верный стиль — и значит приблизить музей к человеку, которому он посвящен,— и к тем, кто приходит сюда на свидание с ним.

Известному советскому поэту С. П. ЩИПАЧЕВУ — 80 лет. Степан Петрович любезно принял корреспондента нашего журнала и дал небольшое интервью.



СО ВСЕМИ ШИРОТАМИ ЗЕМЛЮ УВИДЕТЬ...

Атеистическая тема была мне близка всю жизнь. Вырос я в глухой зауральской деревне, почти поголовно неграмотной, в атмосфере знахарства и суеверий. Сколько приходилось слышать разговоров о привидениях, оборотнях! Много лет спустя я выразил свое отношение к сверхъестественному, мистике, нарисовав образ старухи в повести «Березовый сок». Мальчишкой я рос в предельно бедняцкой среде, сиротой, отца убили богатеи-мироеды. Был единственным грамотным в семье. Когда мне исполнилось лет девять, пришла мысль пойти в монастырь, который находился в километрах в семидесяти. Религиозных побуждений не было никаких, а просто хотелось повидать новое, залезть на колокольню, погонять голубей. Полторы зимы учился в церковно-приходской школе. Однажды был наказан за богохульство. Когда на законе божьем речь шла о пророке Илие, я назвал его пророком Илюшкой. Ребятишки рассмеялись, а меня оставили без обеда и заперли до ночи в пустой школе, назвав безбожником.

Помню огромное впечатление от книги Фламмариона «Популярная астрономия», раздвинувшей мой мир до космических пределов. И в мире этом не оставалось места ни для чего божественного, потустороннего. В разные годы я немало писал о чудесном, земном, о радостях мироздания. Вспоминаются строки из стихотворения «Читая Менделеева», где, как мне кажется, я невольно сформулировал суть моего материалистического мировоззрения.

Как формула, как график трудовой,
Строй менделеевской системы
строгой,
Вокруг тебя творится мир живой,
Входи в него, вдыхай, руками
трогай.
Есть просто газ легчайший —
водород,
Есть просто кислород, а вместе
это —
Июньский дождь от всех твоих
щедрот,
Сентябрьские туманы на рассветах.
Кипит железо, серебро, сурьма
И темно-бурые растворы брома,
И кажется вселенная сама
Одной лабораторией огромной...
Мы не отступим, мы пробьем
дорогу
Туда, где замкнут мирозданья
круг, —
И что приписывалось раньше богу,
Всё будет делом наших грешных
рук!

Я хочу познакомить читателей журнала «Наука и религия» с новой редакцией некоторых моих произведений и с последними, неопубликованными стихами.

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

Над Африкою ветер стонет,
закаты — кровью из аорты,
но черные ее ладони
не только для молитв простерты.

Как в будущее ей не верить,
когда наш век резонно судит,
откалывая от империй
куски земель, народных судеб.

Всю автоматы исстрочили
страну близ океанской влаги,
но крови цвет Народной Чили
над шествиями лег на флаги.

У дружбы есть свои приметы.
Мы Индии желаем счастья.
Никто наручников браслеты
ей не наденет на запястья.

Зловещи войн минувших тени.
Не зря Европу клонит память
не к проволочным загражденьям,
а к розам с добрыми шипами.

Так пусть же (не с пробитым боком)
живет, становится все краше
Земля, хранимая не богом,
а неуступной правдой нашей!

Чтоб дни не кинулись к приколу,
чтоб и за ними над веками
не смерть парила — белый голубь,
вспорхнув над детскими руками.

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ

Еще в глухой России, при царе,
деревня, занесенная снегами,
спала, и снег скрипел под сапогами
морозной звездной ночью в январе.
То было в детстве. Неба половину
перечеркнул кометы длинный хвост,
и я, шапчонку на затылок сдвинув,
глядел на страшную соседку звезд.

Мне и сегодня видятся те ночи,
тот над деревней зимний небосклон...
Пускай мой век день ото дня короче,
пускай и труд от смерти не заслон.
Не в грустных мыслях подхожу я к
сути.
Светло мне думать, что в морозной мгле
ту гостью редкую увидят люди
и там, при коммунизме на земле.

***

Ах, если б я мог, пусть желанье
нелепо,
Из этого века, из этого дня,
Увидеть и землю, и звездное небо
Глазами всех живших людей до меня.

Ах, если б я мог, как о том ни судите,
Из этого века, из этого дня,
Со всеми широтами землю увидеть,
Как те, что придут в этот мир без меня.

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

А. БАЖОВА-ГАЙДАР,
кандидат
исторических наук



Недавно имя отца помогло мне в совершенно неожиданной ситуации. Поехала я в научную командировку в Югославию. Там, в небольшом городе Сремские Карловцы расположен архив Академии наук Сербии, где я надеялась найти документы о русско-сербских связях в XVIII веке.

— Как неудачно вы выбрали время, — сказали мне в архиве. — В ближайшие дни мы не работаем. — Я огорчилась: командировка короткая, каждый день сосчитан...

— А в чем дело?

— Видите ли, наш архив помещается в одном здании с семинарией. А здесь готовятся отмечать день святого Саввы, будет шумно, ожидается много гостей.

Действительно, вокруг все бурлило. В длинном темноватом коридоре я столкнулась с толпой 15—17-летних юношей, настроенных довольно весело...

Семинария... Это заведение мне знакомо по рассказам отца. Так и видится длинный темный коридор Пермской духовной семинарии, зал для внеклассной подготовки, где с потолка «недремлющее око» взирало на мальчишек, веселящихся, как кому на душу придет, и среди них — на 15-летнего Павла Бажова, впервые раскрывшего книгу А. П. Чехова «Пестрые рассказы»...

— Знаете, мой отец тоже учился в семинарии в конце прошлого века, — сказала я.

— Ну, это может изменить дело! — воскликнул работник архива. Сейчас поговорю с ректором.

Почему это меняло дело, я не поняла, но все уладилось наилучшим образом. И вот сижу среди других гостей — литераторов, художников, композиторов, приехавших из Белграда и других городов Югославии, чтобы отметить день святого Саввы — первого сербского просветителя.

Смотрю, слушаю и вспоминаю отца...

Автор широко известной «Малахитовой шкатулки» Павел Петрович Бажов родился в январе 1879 года на Урале, в Сысертском заводе, в семье рабочего. Здесь окончил начальную земскую школу. Маленькому Павлуше повезло: школа оказалась хорошей, были дополнительные предметы, а главное, прекрасный учитель — «из тех, которые за народ». Он учил не только грамоте, но и правильно смотреть на жизнь, раскрывал перед детьми прекрасный мир поэзии.

Очевидно, учитель заметил одаренность мальчика — он говорил об этом с его родителями и с другом семьи Бажовых, врачом и краеведом Н. С. Смородинцевым. Не сразу пришло решение отправить единственного сына учиться в город, отпустить в «чужие люди». Однако родители понимали, что «без грамоты никуда», и решились на разлуку с сыном. Так и попал сын сысертского рабочего из небольшого заводского поселка в Екатеринбург (ныне Свердловск). Экзамен в духовное заведение был выдержан отлично.

Почему его отдали именно в духовное? Потому что в гимназию и реальное путь ему был прегражден высокой платой за обучение, необходимостью иметь форму, что по тем временам стоило недешево.

Родители его и в мыслях не имели, что их сын станет священником. В автобиографических повестях П. П. Бажова о детстве рассыпаны острые словечки, шутки отца и его друзей-мастеровых о попах. Да и сам Бажов при ехидных замечаниях о его отъезде в город («решил в попы податься?») нередко дрался со сверстниками.

Отец не любил вспоминать семинарские годы. Но если уж заходила о них речь — всегда давал нам почувствовать, что совсем по-разному относится к тем знаниям, которые ему удалось получить во время учебы, и к тем взглядам, которые пыталась навязать духовная школа.

В семинарии существовала тайная библиотека, которой во время учебы бессменно заведовал Бажов. Здесь преобладала народническая литература, но были и марксистские работы. Бажов написал в своей биографии, что впервые в эти годы прочел «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, прозведения Решетникова, Помяловского, Щедрина, Некрасова, Писарева, Добролюбова. Вот когда понастоящему началось его литературное образование, ничего общего не имевшее с тем, что он обязан был проходить по программе. Именно здесь, в стенах семинарии, ученик 2-го класса Павел Бажов прочел купленную на заработанные деньги книгу Чехова «Пестрые рассказы».

Отвечая на вопрос, что принесли ему годы учебы в семинарии, отец в письме своему бывшему соученику В. И. Упорову говорил, что нравы и обычаи бурсы навсегда привили ему отвращение к преподавателям, способным развлекать гостей, пересказывая библейские сказания с помощью «гнусного гнилословия», которое коробило даже «достаточно просвещенных питомцев духовной школы». Но дело не только в этом, а и в том, что в стенах семинарии формировались также люди, которые позже пришли к революции, приняли активное участие в борьбе за Советскую власть. И вот тут, подчеркивал отец, чрезвычайно важен вопрос о самообразовании семинаристов, о связи с представителями прогрессивной городской интеллигенции, о школьных кружках и особенно о подпольной библиотеке, имевшей довольно длинную историю.

Семинарию отец окончил «третьим по списку», я думаю, по понятиям нашего времени, если не с золотой, то с серебряной медалью. Ему было предложено продолжить учебу в Киевской *духовной* академии. Но Бажов категорически отказался и попросил назначить его в школу учителем. Отказ рассердил начальство, и один из лучших учеников получил назначение в небольшую деревню Шайдуриха. Здесь тоже все пошло не гладко, Бажову навязывали преподавание закона божьего, он отказался. Только через некоторое время устроился в Екатеринбурге — сначала учителем чистописания, потом русского языка, а значительно позже — литературы. Учительствовал 19 лет. Неоднократно пытался продолжить образование, мечтал поступить в университет. Но всюду получал отказ из-за неблагоприятной характеристики, которую высылала семинария «неблагонадежному» своему питомцу.

В годы учительства Бажов неоднократно высказывал мысль о необходимости сбросить толстосумов, дать возможность народу развивать свои способности. Занимался самообразованием, принимал участие в работе учительского союза, боровшегося против коррупции заправил города. В 1905 году был арестован за участие в этом союзе.

Свою высшую школу отец прошел в годы Февральской и Октябрьской революций. В 1918 году он — доброволец Красной Армии, член РКП(б), работник фронтовой газеты «Окопная правда».

После победы революции Бажов не вернулся к своей прежней профессии. «Годы работы во фронтовой печати сделали меня журналистом», — говорил он. Журналистская работа захватила его полностью. Он ездил по Уралу, много писал, редактировал, опубликовал свои первые книги: «Уральские были», «Бойцы первого призыва», «Формирование на ходу». В 1939 году в Свердловске впервые вышла из печати книга «Малахитовая шкатулка», объединившая 14 сказов. Отцу в это время было 60 лет. Сказы принесли ему широкую известность. Он стал лауреатом Государственной премии, был награжден орденом Ленина, избран депутатом Верховного Совета СССР. Из десяти последних творческих лет пять унесла война. Он был ответственным секретарем Свердловского отделения Союза писателей и, как все в те тяжелые годы, работал на максимальном напряжении сил.

Первые сказы Бажова удивили читателей своеобразием. Некоторые критики потом долго выясняли: кто такой Бажов, неправоверный фольклорист или самобытный писатель? В этот спор пытались втянуть и отца. Он писал тогда: «Я ведь простец, не привыкший к строго систематическому мышлению, и мне поэтому вместо точно сформули-

рованных ответов придется довольно просторно рассказывать...» Из его рассказа выходило: запас образов и сюжетов уральского рабочего творчества был с детства. Лексика — язык родителей. Склонность к народному творчеству всегда была, но до 1936 года сказы писать не пробовал. Впервые подготовил сказы для сборника «Уральский фольклор»... Толчком послужило то, что в этой книге не было представлено устное творчество рабочих. Это была запись по памяти сюжета, бытовавшего в Полевском заводе в пору детства, то есть 50 лет назад. Образ не возникает из пустоты, из нета, от письменного стола, а берется, подыскивается из фольклора. Иногда поиск одного нужного, необходимого слова мог продолжаться несколько суток и сказ замерзал на одном месте. В таких случаях на все звонки, которые напоминали о сроках, отвечал: «Не знаю», «Постараюсь», «Не рассчитывайте на меня»... А сам в эти дни делался замкнутым, молчаливым.

«Иногда не знаешь, где найдешь, — рассказывал отец. — Однажды, совсем отчаявшись, устав от поисков, взял в руки Шекспира в переводе и неожиданно наткнулся на слово «миляга», а ведь можно сказать «простяга» — вот слово и найдено!»

В качестве примера приведу несколько записей из отцовской картотеки. На них нет ни ссылок, ни помет, ни системы, которая определяла бы, откуда что взято и зачем.

«Наши Чусовские угодья всякому завидны: камню много, лесу больше того, и вода проточная. От камня хлеб едим. Где сеют да жнут, молотят да веют, да всяко канителят — у нас одно знают — хлеб сушить; Наш камешек и сеет, и жнет, и молотит; Чусовской бурлак плечи лямкой не трет, зато головушку бьет; Живем весело: кабак на горке — далеко видно и спускаться не надсадно — самокатом; Дружно мы с женой век прожили. Как на беговых саночках проехали. В кураже ходить. Перетолчка. Захлебались свыше достатка. О полозе шибко тайное дело. Которые говорят, будто полоз змея большая — пустяки это! Только под вид змеи оказывает, а вовсе не змея. Весной в куст за вицей и то времени нет. С крутым оплечьем человек. В усах улыбку носит».

Что-то из этих записей превратилось в сказ, что-то пригодилось для очерка, для воспоминаний, что-то осталось нетронутым.

В 30-е годы — годы моего детства — отец работал в «Крестьянской газете», всегда был занят. Редакция, где он был ответственным секретарем и заведовал отделом крестьянских писем, поездки, общественная работа, объем которой был чрезвычайно велик, не оставляли времени для семьи. Но хотя дома отец бывал редко, он знал все о наших делах и заботах.

1900 г.



1911 г.



1950 г.



Мне очень повезло. 25 лет своей жизни я прожила рядом с добрым, чутким, интересным человеком — моим отцом. Казалось, что всеми нашими делами руководит мама. Но главной фигурой в доме был, конечно, отец, хотя был самым тихим человеком, никого никогда не распекал, не повышал голоса, не наказывал. Как-то так получалось, что достаточно было его укоризненного взгляда или иронического замечания и все делалось так, как он хотел.

Я не помню, даже в самом раннем детстве, чтобы отец рассказывал мне сказки. Его сказками были рассказы о жизни. И были они всегда увлекательны. Так и в его сказах. Они стоят на твердом, реалистическом фундаменте. За каждым сказовым образом стоит либо живой исторический (например, знаменитый мастер Иван Бушуев в сказе «Иванко-крылатко»), либо фольклорный образ. В старину грамота была недоступна крепостным рабочим. И мысли свои о вольной жизни, свои надежды на освобождение от бар они прятали в легендах. В них многие непонятные явления природы объяснялись вмешательством тайной силы, которая всегда «пособит рабочему человеку» и накажет злого, жадного да завистливого.

Бажов не был удивлен, когда поиск по следам сказа «Дорогое имячко» увенчался успехом. Молодые рабочие Криолитового завода нашли в горе клад — несколько медных изображений древних богов, которые, по определению археологов, свидетельствовали о древних поселениях в этом районе Урала.

— Ведь не зря говорили старики о кладах, зарытых в Азов-горе, да о «старых людях»! Вот, увидите, еще не то будет! — говорил он.

Он писал в одном из писем:

«...Рассказы наших старых рабочих, как вы знаете, представляют редкий по качеству материал, и моя задача здесь сводится лишь к тому, чтобы не отклониться от народного в изложении и подчеркнуть те точки, которые занимательны для современного читателя. Время и труд, конечно, требуются, но говорить об одаренности излишне и даже вредно. Поднимая одного автора, можно отпугнуть других, а ведь собирать эту уходящую народную историю труда надо как раз многими руками. И надо с этим спешить...»

Однажды начинающему автору Бажов написал:

«Есть, правда, редкие люди, которым с детства дано видеть и хранить в памяти то, на что другие не обращают внимания или скоро забывают. Такие редкие люди и речь записывают как ее слышали. У них и получается, как говорится, «свой глаз и свой язык...»

Хотя он писал это не о себе, мне кажется, он тоже принадлежал к этим «редким людям».

П. П. Бажов собирался написать роман об «Атамане Золотом» — сподвижнике Е. И. Пугачева уральском мастеровом Андрее Ивановиче Плотникове. Замысел романа, очевидно, родился еще в 90-е годы XIX века, прошел через всю жизнь, но не осуществился. Среди черновиков и набросков к роману сохранились совсем готовые куски. Вот один из них.



П. БАЖОВ

САФЬЯННЫЙ МАСТЕР





зимнему Николе Шавкунов обыкновенно уезжал в Кунгур на ярмарку. С ним уходил обоз готовой юфти. Кроме товара на случайного ярмарочного покупателя, — на слепыша, как говорил Шавкунов, — готовилось несколько возов отборного, казового товара. Это — образцы для оптовых заказчиков. Происходил отбор кожи всегда в одно время, но Шавкунов неизменно предупреждал об этом приказчика. Так было и ныне.

После ужина Тихон, благочестиво повздыхав и покланявшись перед образами, зажег толстую восковую свечу и загасил светец-сальник. Достал из поставца огромную книгу в кожаном переплете, осторожно отстегнул застежки, нашел страницу, на которой остановился прошлый раз, и стал читать, тихо шевеля губами. Андрей, намерзшийся за день, собирался ложиться спать. Он стащил свои рваные бродни, размотал онучи и развешивал их на шесте над печью, когда Тихон зажег свечу. Ровный свет, установившийся в избе, соблазнил Андрея. Он подошел к столу, достал перо, чернильницу и стал перебелять листок дневной записи по кожевне. Старик покосился на «мирскую суету», но ничего не сказал, только вздохнул: охо-хо.

В избе было тепло, даже жарко, а за стенами подвывал ветер. Дул с перерывами, как будто жаловался: у вас там тепло и светло, а тут холодно и темно. За-бы-ли?

Литеры и цифры под это завывание ветра ложились как-то особенно ловко, и Андрей пожалел, что работа кончилась так быстро. Еще бы что-нибудь поделать? Но в это время заскрипели половицы в сенях, рывком распахнулась дверь и с клубом густого белого пара вошел Шавкунов.

— Ты, Григорьич, когда мекаешь разбор кожам делать?

— Коли бог грехам потерпит, с утречка начнем.

— Гляди, не подшибись ненароком. Отменно отбери. Без единого изъяну. Кожевни Семена Шавкунова! Чуешь? Чтоб Терешке либо Востроголовику и прочим похаять не нашлось.

— Бог не без милости, — ответил приказчик и учительно добавил: — Ежели он, милосердный, просветит око телесное, все устроим к посрамлению суетных враг наших.

— Ты мне бога поперек речи не тычь. Сам гляди хорошенько.

Приказчик изобразил на своем лице ужас и начал было вразумлять Шавкунова.

— Что ты, что ты, Семен Парфентьевич! Какие словеса изрыгаешь! У Никона Черныя горы что писано о богохульниках? «Аще кий от человек, хваляйся силою своею, речет»...

— Хватит! — С досадой махнул рукой Шавкунов, — не в моленной началить-то меня! Другим побереги эти слова. С утра раскладку начинай да поглядывай в оба. А ты, Андрейко, примечай, как товар разбирают, да реестрик мне напиши, в каком возу чего и сколько. Разумеешь?

— Разумею, Семен Парфентьевич.

— То-то... А я думал, что и ты богом загораживаться научился.

— Доброе наставление, видно, вполуха слушает, а худое обоими ловит, — ввернул ядовитое словцо приказчик.

Шавкунов помолчал, потом, видимо, желая задобрить обидевшегося Тихона, обратился к Андрею.

— Ты, Андрейко, всамделе учись у Григорьича-то. Он по нашему делу первый человек. Из Шарташских мастеров редкий супротив его выдюжит по юхтовому товару. Про прочих говорить не осталось. А что началит нас Григорьич от слова божия, так это тоже на пользу.

Хозяин хорошо знал слабую струнку своего приказчика и после такой похвалы как ни в чем не бывало спросил:

— Насчет сафьянного-то как? Не получил весточку?

— Отписал мне Селивестр Захарыч.

— Ну?

Тихон указал глазами на Андрея.

— Да будет тебе, Григорьич! Вторую зиму у нас парень живет, пора бы привыкнуть. Не ярыга он, не фискал царской, чего опасишься?

— Кто его знает. С нами живет — ровно и ладно, а уйдет — может, вовсе не то заговорит.

— Куда он от нас уйдет? Без паспорта-то? Не таись, говори при нем. Пускай парень вникает.

— Воля твоя. Так вот... Захарыч мне отписал. Есть будто слух, что к нонешней ярмарке Алиханов со своим главным мастером приедет. Надо будто Алиханову-то козлятины особенной закупить. Новый сорт товару, слышь, обмозговали. Вот мастера Алиханко и везет.

— Эх, залучить бы!

— Справедливое твое слово, Семен Парфентьевич. Похлопотать по этому делу не в потерю.

— Какая потеря! У Алиханова сафьян из всех мягче да цветистее. Месяц обхаживать и то не жаль, лишь бы добыть такого мастера. Добром, поди, такого дела не сладить?

— Про то и думать забудь. Алиханко тоже не дурак. Сам, слышно, этого мастера в колодках да еще под караулом держит.

— Как тогда к нему подберешься?

— Это уж гляди сам, как ловчее придется. Будет же тому ослаба. Побоится Алиханко его в колодках по Кунгуру водить. Вот и смекни, как. Винцом, может, а то и через бабенку какую подманишь. Падки мастера-то на этот грех.

— По святому писанию, небось? — улыбнулся Шавкунов.

— Не согрешишь — не покаешься, Семен Парфентьевич, — вздохнул Тихон.

— Ладно, согрешим. Оптом отвечать-то. А малинового масла у нас сколько?

— Ведра три, поди, будет.

— Все возьму, а мастера добуду. Алиханку лишь бы споить, а остальное сделаю через подставных.

— Гляди, чтобы огласки не вышло. С подставными-то!

— Не выйдет. Не в первый раз, — и Шавкунов почему-то быстро взглянул на Андрея. — Верно, Андрюха?

— Не разумею, Семен Парфентьевич, того дела.

— Поживешь — уразумеешь. Спасибо Семену скажешь, а теперь пора спать, — и Шавкунов так же быстро, как вошел, направился к двери, бросив на ходу:

— Так ты, Григорьич, уж постарайся на отличку отобрать товар!

Тихон закрыл свою книгу, погладил вытисненный на коричневой коже верхней крышки узор и проворчал:

— Бегает нечестивый ни единому гонящу! — Потом уже примирительно: — Все-то у него рывком да тычком! Охо-хо.

Андрей понял это как желание старика поговорить о хозяине и спросил:

— Про какого это, Тихон Григорьевич, мастера разговаривали?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — сухо ответил приказчик и стал осторожно вводить жальца застежки в гнезда серебряных пластинок верхней крышки книги.

Пока старик возился с застежками, укладывал книгу в поставец, приготовлял аналой для молитвы, Андрей покрестился, быстро разделся и забрался на полати. Заснуть, однако, долго не мог. Беспокоил слышанный разговор.

Мастера какого-то заманить хотят. Сафьян делать. Из чего он выходит? Малиновое масло? Бывает разве? Почему он эдак взглянул на меня? Не в первый раз, говорит, и поглядел. Что-то тут есть. Какие это подставные? Лошади? Ровно не о лошадях речь. А Григорьич все гугнит да гугнит. А сам вон что говорил. Стыд слушать. По святым книжкам насоветовал. Почему он меня не любит? Чем-то я ему мешаю...

КУБА далекая — близкая

И. ГРИГУЛЕВИЧ,
доктор исторических наук,
вице-президент Общества
советско-кубинской дружбы



Товарищи Л. И. Брежнев и Фидель Кастро осматривают мастерские школы-интерната имени В. И. Ленина в Гаване (31 января 1974 г.).

1 января 1979 года исполнилось 20 лет со дня победы Кубинской революции. Это событие превратило маленькую Кубу, где на протяжении десятилетий всем управляли американские империалисты и их местные пособники, в светоч социализма в западном полушарии, в важный фактор мирового революционного процесса.

Выступая на всенародном митинге в Гаване в январе 1974 года, товарищ Л. И. Брежнев с полным основанием отметил: «По площади и численности населения Куба не относится к числу больших стран. Однако в современной международной жизни она занимает большое, я бы даже сказал, выдающееся место. Кубу хорошо знают во всем мире. Ее горячо любят друзья, ненавидят враги, на ее развитие с чувством симпатии и солидарности смотрят миллионы и миллионы людей... Опыт свободного, независимого развития Кубы вселяет надежду в сердца угнетенных и эксплуатируемых во многих странах, и прежде всего, конечно, в Латинской Америке»[1].

Одна из особенностей кубинской революции заключается в том, что она произошла в исконно католической стране. Как же восприняли верующие народную, антиимпериалистическую революцию, как они отнеслись к ее перерастанию в революцию социалистическую, как складывались отношения между государством и церковью, а также Ватиканом в истекшее 20-летие? Эти вопросы неоднократно привлекали внимание международной общественности, в особенности в католических странах, для которых опыт революционной Кубы в этой области представляет особый интерес.

Для правильного понимания развития взаимоотношений между церковью и революцией на Кубе необходимо хотя бы вкратце упомянуть о роли католицизма в ее истории, которую условно можно подразделить на три больших периода: колониальный, буржуазно-республиканский и революционный.

Колониальный период длился с конца XV века, когда Куба была открыта и завоевана испанскими конкистадорами, до 1902 года, когда после десятилетий борьбы против испанского владычества остров становится независимой республикой. Все эти 400 лет католическая церковь выступала как верный союзник колонизаторов и решительный противник независимости Кубы, она также поддерживала, защищала и оправдывала рабство негров. Эта позиция объяснялась как тем обстоятельством, что церковники на Кубе в своем подавляющем большинстве состояли из испанцев, назначались на свои посты колониальной администрацией и пол-

[1] Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 4. М., 1975, стр. 402—403, 405.

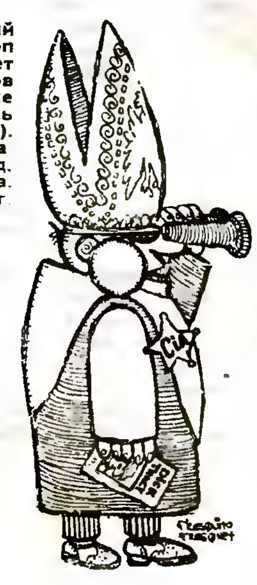


Тюремное фото Фиделя Кастро, приговоренного режимом Батисты за штурм казармы Монкада (1953 г.) к 15 годам заключения.

ностью от нее зависели, так и тем, что это их поведение и взгляды санкционировались папством, выступавшим на стороне испанских угнетателей, осуждавшим движение колониальных народов за независимость и оправдывавшим рабство негров.

Такая политика церковников на Кубе оттолкнула от них многих верующих, в особенности сторонников независимости. Хосе Марти и другие руководители патриотов осуждали союз церкви с колонизаторами и решительно выступали за ее отделение от государства [2].

Как известно, в борьбу кубинцев за независимость на ее последнем этапе вмешались США, объявив войну Испании. В результате Куба, Пуэрто-Рико и Филиппины оказались оккупированы американскими войсками. Пуэрто-Рико и Филиппины были объявлены колониальными владениями США, а на Кубе американская оккупация продолжалась четыре года. Янки ушли с острова только тогда, когда кубинцы согласились включить в свою конституцию поправку американского сенатора Платта, дававшую право США по их усмотрению вводить войска на Кубу, и лишь после того, как она сдала США в аренду сроком на 99 лет территорию в Гуантанамо для создания там военно-морской базы. Эти навязанные американским империализмом уступки делали призрачной кубинскую независимость, тем более что США неоднократно пользовались своим «правом» вмешательства в дела острова и посылали туда войска для подавления национально-освободительного движения.



Кубинский епископ поджидает наемников (на бляхе надпись «ЦРУ»). Карикатура худ. Ф. Фреснета. 1961 г.

Католическое духовенство восприняло завоевание кубинцами независимости враждебно. Опасаясь потерять свои традиционные привилегии, оно добивалось покровительства американских оккупантов. Хотя по конституции церковь на Кубе была отделена от государства, ее иерархия упорно стремилась к союзу с буржуазией на базе борьбы с нарастающим рабочим и национально-освободительным движением. Эти устремления поддерживались Ватиканом, антисоветизм и антикоммунизм которого превращал его в союзника международной реакции. В результате церковь на Кубе стала опорой антинародных диктатур, в частности режима Батисты.

И все же влияние церкви в религиозном и политическом плане оставалось ограниченным. Оно простиралось в основном на «высшие сферы» и так называемый средний класс. Рабочие же и крестьяне, в отличие от других католических стран, мало интересовали церковную иерархию. Церковные приходы сосредоточивались в основном в крупных городах. Духовенство же, как и в колониальное время, в большинстве своем состояло из испанцев, главным образом сторонников фашистского режима Франко, и американцев. К тому же далеко не все верующие разделяли реакционную ориентацию церковной верхушки. Особенно резко осуждали сговор клерикалов с Батистой и его американскими покровителями молодые католики, студенты. Недовольны диктатурой были и многие священники-кубинцы.



В жаркий день на уборке сахарного тростника приятно выпить прохладной воды.

Вспоминая годы борьбы против тирании, Фидель Кастро отмечал: «В нашей стране не существовало христианства в том смысле, в каком оно существует во многих латиноамериканских странах, потому что католическая религия не являлась религией народной, то есть в нашей стране она была главным образом религией богатых...» [3]

Победу народной революции в январе 1959 года церковная иерархия встретила настороженно, с опаской. С одной стороны, она лицемерно приветствовала повстанцев Фиделя Кастро, с другой — усиливала антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду, встречая в штыки любые мероприятия революционного правительства, направленные на

[2] Подробнее об этом см. в статье И. Лаврецкого «Поэт, борец, вольнодумец». «Наука и религия», 1978, № 1.

[3] Фидель Кастро. Сила революции — в единстве. М., 1972, стр. 173.

улучшение положения трудящихся. Католическая верхушка резко осудила аграрную реформу, национализацию школ, экспроприацию иностранных капиталов, преобразование капиталистической экономики в социалистическую. Многие церковники оказали поддержку контрреволюционному подполью, вступили в сговор с ЦРУ, участвовали в нашествии наемников на Плая Хирон (апрель 1961 г.).

Однако подавляющее большинство верующих не только на Кубе, но и в других странах Латинской Америки не поддержало контрреволюционный курс верхушки католического духовенства. Не нашла эта линия поддержки и у папы Иоанна XXIII. Атмосфера подготовки, а потом и заседаний II Ватиканского собора (1962—1965 гг.) не благоприятствовала кубинским контрреволюционерам. Подъем национально-освободительной борьбы во многих странах, крушение колониальной системы империализма не прошли бесследно и для католической церкви. В ее лоне появилось весьма влиятельное «мятежное» течение, выступавшее в поддержку социальных преобразований и отвергавшее капиталистические порядки, империализм и колониализм. «Мятежные» церковники приобрели много последователей в странах Латинской Америки. И хотя преемник Иоанна XXIII Павел VI осудил стремление католиков к революционным преобразованиям во время своего визита в Колумбию в 1968 году, однако он придерживался невмешательства в кубинские дела. Все эти годы Ватикан поддерживал нормальные дипломатические отношения с революционной Кубой, а ее посол при «святом престоле» в течение ряда лет был даже дуайеном (старейшиной) дипломатического корпуса. В конце концов подрывная деятельность церковников, как и сама контрреволюция, потерпели на Кубе полное фиаско. Католический епископат оказался вынужден признать этот неоспоримый факт и нормализовать свои отношения с революционным правительством.

Таким образом, явное и скрытое сопротивление, оказанное на первых порах на Кубе церковной иерархией народной власти, не было конфликтом между религией и атеизмом и даже между революцией и церковью, а, как отмечал в одном из своих выступлений Фидель Кастро, это был конфликт между революцией и буржуазией, крупной буржуазией, крупными помещиками, крупными собственниками, которые использовали религиозную проблему в качестве политического инструмента для сопротивления революции. «Наша революция никогда не была антикатолической, антихристианской или в какой-либо форме антирелигиозной, — подчеркивал он. — ...Мы всегда очень заботились о том, чтобы избегать в нашей стране любых преследований религии и борьбы против нее. Более того, линия, которой следовала революция в отношении священников, замешанных в контрреволюционных делах и проступках, характеризовалась в целом великодушием... В стране царят мир и гармония, несмотря на возникающие время от времени попытки внешних сил раздуть какую-либо контрреволюционную кампанию с использованием религиозных элементов»[4].

В декабре 1975 года в Гаване состоялся I съезд Коммунистической партии Кубы. Его документы всенародно обсуждались и получили всеобщее одобрение. В их числе съезд единогласно принял «Резолюцию об отношении к религии, церкви и верующим» и Программную платформу Коммунистической партии Кубы, включающую раздел «Отношение к религии»[5].

Эти документы встретили с одобрением верующие всей Латинской Америки. Авторитет революционной Кубы, выступающей с принципиальных марксистско-ленинских позиций как в вопросах внутренней политики, так и на международной арене, сегодня как никогда высок. Об этом свидетельствует хотя бы огромный успех прошлогоднего Международного фестиваля молодежи и студентов в Гаване. Выполняя решения I съезда своей Коммунистической партии, кубинский народ успешно строит социалистическое общество, которому чужды безработица, нищета, капиталистическая эксплуатация.

Крепнет и развивается советско-кубинская дружба. «Коммунистическая партия Советского Союза и Коммунистическая партия Кубы, связанные единством целей и взглядов, непоколебимой верностью марксизму-ленинизму и социалистическому интернационализму, — говорится в подписанной во время визита товарища Л. И. Брежнева советско-кубинской декларации, — и впредь будут делать все необходимое для углубления всестороннего советско-кубинского сотрудничества на благо народов двух стран, социалистического содружества, дела мира и коммунизма»[6].

---

[4] Фидель Кастро. Сила революции — в единстве. стр. 174. 175.

[5] См.: «I съезд Коммунистической партии Кубы». М., 1976, стр. 352—353, 544—548.

[6] «Визит Леонида Ильича Брежнева в Республику Куба, 28 января — 3 февраля 1974 года. Речи и документы». М., 1974. стр. 96.

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ

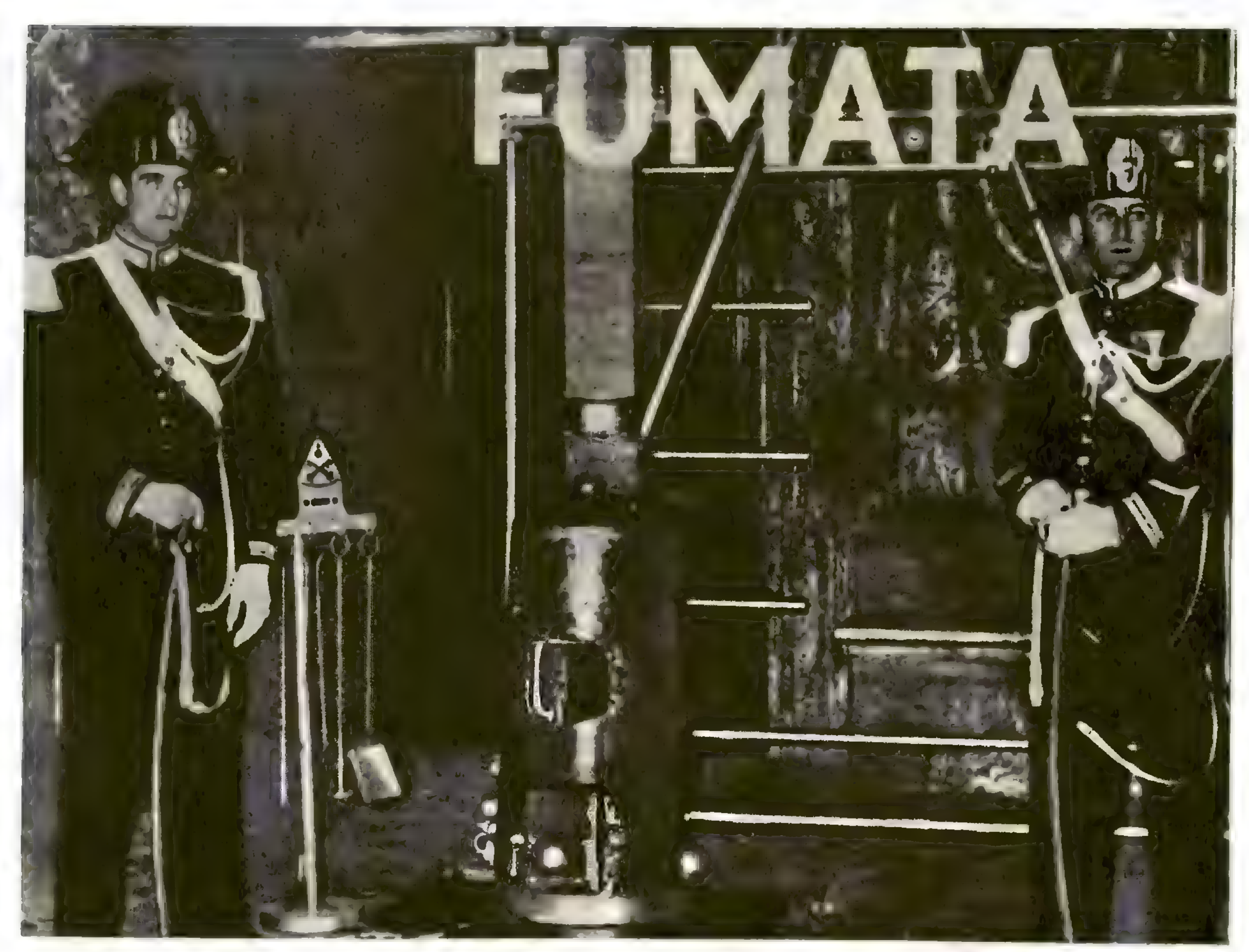
...При анализе проблемы религии партия различает два аспекта: с одной стороны, взаимоотношения с различными религиями и верующими, с другой стороны, отношение к религии как к идеологии, как к форме общественного сознания.

В первом случае партия придерживается принципа свободы совести, заключающегося в праве граждан исповедовать или не исповедовать религию, принимать участие в отправлении религиозных культов при условии соблюдения существующих законов; в недопустимости использования какой бы то ни было религии в целях борьбы против революции и социализма; в обязательном соблюдении законов и признании одинаковых общественных прав и обязанностей как верующих, так и неверующих, в организации образования на научной основе и в придании школе светского характера; в решении материальных вопросов религиозных учреждений, когда последние обращаются за содействием к государственным органам.

Во втором случае политика партии подчинена интересам борьбы за строительство нового общества и укрепление социалистических производственных отношений. Ее основные моменты: терпеливое и систематическое распространение среди масс идей научного социализма; отказ от организации антирелигиозных кампаний и от применения против религии административных и принудительных мер; отказ от любых попыток изоляции верующих, привлечение их к выполнению конкретных задач революции; требование того, чтобы идеологическая подготовка членов партии и Союза Молодых Коммунистов строилась на марксистской теоретической основе...

Из Программной платформы Коммунистической партии Кубы, принятой I съездом КП Кубы (17—22 декабря 1975 г.)

Ватиканские жандармы охраняют знаменитую чугунную печурку, в которой по традиции сжигаются избирательные бюллетени кардиналов при выборах каждого нового папы. Дым, подимающийся над ее трубой, служит своеобразным сигналом, извещающим о результатах голосования на конклаве.



ПЕРЕМЕНЫ В ВАТИКАНЕ

И. ЛАВРЕЦКИЙ

Летом—осенью минувшего года внимание всего мира привлекло происходившее в самом маленьком государстве на свете — Ватикане. Немногим более чем за два месяца на «святом престоле» один за другим сменились два римских первосвященника — первый случай такого рода в истории папства. Причем последний «наместник святого Петра» — опять-таки впервые, правда «всего лишь» за пять веков, — оказался неитальянцем. Присмотримся же поближе к этим переменам, которые, несмотря на крохотные размеры папских владений, все еще продолжают оказывать влияние на мысли и дела миллионов католиков в разных уголках земного шара.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ

6 августа 1978 года в 21.40 по местному времени в летней резиденции римских пап под Римом — Кастель. Гандольфо — скончался от сердечного приступа на 81-м году жизни глава католической церкви Павел VI. Он был избран на этот пост в 1963 году в критический для нее период. Его предшественник Иоанн XXIII круто повернул ладью святого Петра в сторону актуальных проблем нашего времени (курс «аджорнаменто»), задался целью модернизировать деятельность церкви, установить диалог с некатолическими кругами, в том числе с коммунистами. Для подтверждения этой политики был созван в 1962 году II Ватиканский собор.

Новая ориентация Иоанна XXIII вызвала недовольство и смятение в реакционных кругах Запада, где привыкли считать Ватикан оплотом консерватизма и союзником в борьбе с коммунизмом. Определенное сопротивление встретила деятельность Иоанна XXIII и в самой церкви, в особенности в ее высшем звене — римской курии. Однако, как показала уже первая сессия собора, подавляющее большинство духовенства решительно высказалось в поддержку обновленческого курса папы Иоанна. Большой популярностью среди верующих пользовалась его миротворческая деятельность, осуждение им курса «холодной войны», колониализма, фашизма.

Иоанну XXIII не удалось завершить предпринятую им реформу католической церкви. Он умер в разгар II Ватиканского собора. Задача довести его до конца и затем воплотить соборные постановления в жизнь выпала на долю Павла VI.

Папа Павел VI — в миру Джованни-Баттиста-Энрико-Антонио-Мария Монтини — родился в семье провинциального католического политика и журналиста, богатого землевладельца и адвоката, председателя избирательного союза католиков, деятеля католической Народной партии, трижды представлявшего ее в парламенте страны после первой мировой войны. Мать Монтини руководила организацией женщин-католичек в Брешии. Брат его, Людовико, неоднократно избирался депутатом от христианско-демократической партии.

Окончив лицей, Монтини поступает в

семинарию, в 1920 году получает сан священника, потом изучает философию в высшей духовной академии — папском Грегорианском университете в Риме и одновременно слушает лекции на литературном факультете государственного университета.

После окончания Академии дворянских священников — так называлась тогда ватиканская дипломатическая школа — Монтини направляют в Варшаву, где он некоторое время служит под руководством нунция Ратти — будущего папы Пия XI. Затем возвращается в Рим, чтобы приступить к своей тридцатилетней службе в государственном секретариате Ватикана, из них последние 15 лет — на посту заместителя государственного секретаря. Шефом Монтини здесь был кардинал Эудженио Пачелли, будущий папа Пий XII, который ценил в нем неутомимого работника, исполнительного, немногословного, сдержанного, всегда подтянутого и учтивого.

Серьезных расхождений у Монтини с Пачелли (последнего за ретроградный курс прозвали «атлантическим папой») не было, по крайней мере до начала 50-х годов. Тем не менее в силу ряда обстоятельств Монтини прослыл либералом из-за своего интереса к социальным вопросам. Утверждали, что он симпатизировал взглядам французского теолога Жака Маритэна, выступавшего тогда за ослабление международной напряженности, в связи с чем на некоторые его сочинения был наложен запрет.

Так или иначе, в 1954 году Пий XII явно охладел к Монтини и отдалил его от себя, назначив архиепископом миланским, но положенного ему по должности кардинальского звания так и не присвоил. Знатоки ватиканских дел утверждают, что само это назначение было опалой. Лишь после смерти Пия XII его преемник Иоанн XXIII (1958—1963 гг.) сразу же поправил дело, возведя Монтини в кардиналы, из среды которых в не столь далеком будущем предстояло избрать нового папу. И им — в итоге компромисса между обновленцами и традиционалистами в ходе конклава, состоявшегося в самый разгар II Ватиканского собора, — оказался не кто иной, как когда-то отосланный Пием XII в Милан кардинал Монтини.

Основной заботой Павла VI стал собор, вторая сессия которого началась через три месяца после его избрания и в кулуарах которого шла ожесточенная борьба между обновленцами и традиционалистами. Вплоть до заключительной, четвертой, сессии собора (сентябрь — декабрь 1965 г.) Павел VI старался примирить враждующие стороны, не допустить, чтобы собор окончательно раскололся на два лагеря.

Следуя решениям собора и оставаясь вместе с тем в вопросах религиозной догмы на традиционных для церкви позициях, Павел VI реформировал церковное правительство — курию, ликвидировал священную канцелярию (бывшую инквизицию), упразднил одиозный Индекс запрещенных книг, учредил ряд новых секретариатов (по контактам с нехристианами, по вопросам диалога с неверующими, по единству церквей и т. д.), значительно увеличил число членов кардинальской коллегии, в основном за счет представителей развивающихся стран, обязал епископов в 75 лет подавать в отставку, а 80-летних кардиналов лишил права голоса при выборах папы. В согласии с постановлениями собора, Павел VI учредил новый совещательный орган при папе — синод, в котором представлены национальные епископаты. При нем синод собирался пять раз, в среднем каждые три года. Положительный отклик вызвала социальная энциклика Павла VI «Популорум прогрессио» (1968 г.), представляющая собой отход от традиционной для церкви позиции защиты эксплуататорского общества. Следует отметить и стремление Павла VI нормализовать отношения Ватикана с социалистическими странами.

Такой курс Павла VI в целом был встречен положительно духовенством и верующими. Тем не менее многие сторонники аджорнаменто считали его политику робкой, половинчатой. Папу упрекали в нерешительности, в стремлении не столько обновить церковь, сколько подновить ее фасад. Появились, в особенности в Латинской Америке, «мятежные» священники — сторонники радикальных социальных преобразований, возникло движение «Христиане за социализм» и иные радикальные группы, требовавшие от церковной иерархии решительно отмежеваться от эксплуататорских элементов. В Италии и других западноевропейских странах большое недовольство вызвала негативная позиция папы по таким вопросам, как право верующих на развод и прекращение беременности, безбрачие (целибат) священников.

Таким образом, центристский курс Павла VI вызвал в его адрес упреки как со стороны более радикальных обновленцев, так и со стороны интегристов — приверженцев старых порядков, например французского епископа Ф. Лефевра и его сторонников.

С более последовательных позиций выступал Павел VI в вопросах международной политики. Продолжая миротворческую линию Иоанна XXIII, он высказался, в частности, за расширение контактов с социалистическими странами. Ватикан участвовал в работе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписал его Заключительный акт (Хельсинки, 1975 г.). Как отметил товарищ Л. И. Брежнев в телеграмме соболезнования по поводу кончины Павла VI, его выступления в пользу мира, разрядки, прекращения гонки вооружений останутся в памяти людей доброй воли.

Последние годы жизни и деятельности Павла VI протекали на фоне сложных политических процессов в Италии. Католическая церковь — космополитический и одновременно типично итальянский институт. За немногими исключениями, папами всегда избирались итальянцы. Ведущие посты в римской курии, как правило, тоже принадлежат им. И хотя Павел VI приблизил к себе немало иностранцев, удельный вес итальянцев в курии все еще очень велик. Не удивительно поэтому, что царящая в стране политическая атмосфера накладывает свой отпечаток на ватиканскую политику.

В недавнем прошлом итальянский епископат был тесно связан с правящей демохристианской партией, в особенности с ее правым крылом, выражавшим интересы монополий и пропитанным антикоммунистическими убеждениями. Но политическая обстановка в Италии изменилась. Демохристианская партия утратила ведущую роль в политической жизни. Ныне ей удается формировать свои правительства лишь благодаря поддержке Компартии.



Под надзором швейцарского гвардейца каменщики замуровывают вход в Сикстинскую капеллу, где заседает конклав кардиналов, которым предстоит избрать нового папу.

Этому повороту в итальянской политике способствовал лидер демохристиан Альдо Моро, поддерживавший дружеские отношения с Павлом VI. Его убийство террористами, оказавшееся на руку ультрареакционным кругам, глубоко опечалило папу.

В свете всех этих событий выборы нового главы католической церкви приобрели особое значение.

ВСЕГО ЧЕТЫРЕ ТУРА

25 августа, почти через две недели после похорон Павла VI, в Ватикане собрался кардинальский конклав. По сложившейся веками традиции, его участников «замуровали» в Сикстинской капелле вплоть до избрания ими нового папы римского.

В его выборах участвовало 111 кардиналов, 46 из них считались умеренными обновленцами, 30 — консерваторами и 25 — «прогрессистами». Европа была представлена 55 кардиналами, Латинская Америка — 20-ю, США и Канада — 11-ю, Африка — 12-ю, Азия — 9-ю, Океания — 4-мя.

Конклаву предшествовала оживленная дискуссия в буржуазной печати о шансах различных кандидатов в папы. Назывались самые разные имена, гла-

ным образом — бывших сотрудников и доверенных лиц покойного Павла VI. Высказывалось пожелание, чтобы будущий папа, учитывая сложную международную обстановку, располагал дипломатическим опытом, авторитетом и известностью в кругах церкви, был бы сторонником обновленческого курса, обладал твердой волей, обаянием, крепким здоровьем, не слишком преклонным возрастом и т. д. Найти среди кардиналов такого человека, разумеется, было нелегко.

Дебатировалась возможность избрания на «святой» престол и неитальянца, в частности представителя такого региона, как Латинская Америка, где проживают около 40 процентов всех католиков. Наиболее смелые обозреватели даже советовали избрать на папский престол кардинала-африканца.

Не безмолвствовал и лидер церковных ультра епископ Лефевр. Он заявил, что любой папа, избранный конклавом без участия кардиналов старше 80 лет (а таких насчитывалось 15), будет незаконным.

Все эти предсказания заложили в ЭВМ, и та назвала несколько возможных преемников, среди которых последним по числу шансов фигурировал малоизвестный кардинал Альбино Лючани, патриарх Венеции.

На лондонской бирже заключались пари, кто из этих потенциальных кандидатов одержит победу на конклаве. Никому, однако, не пришло в голову поставить на кардинала Лючани. Не упоминалось его имя и в конфиденциальном прогнозе итальянского посольства при Ватикане, просочившемся в печать к немалому конфузу его составителей как раз накануне избрания нового папы.

В одном все сходились: предстоящий конклав будет сложным и долгим. Оказался же он самым коротким в истории папства: продолжался всего одиннадцать часов. Результаты голосования определились уже в четвертом туре. Выбор кардиналов пал на того, у кого, казалось бы, было меньше всего шансов,— на Альбино Лючани.

Кстати, по сообщениям зарубежной прессы со ссылкой на информацию, полученную от некоторых американских участников конклава, его непродолжительность якобы объяснялась одним анекдотичным обстоятельством. Дело в том, что «замурованные» в Сикстинской капелле кардиналы уже к исходу первого дня выборов задыхались и обливались потом под мощными лучами огромных люстр, кем-то включенных «на полную катушку». Выключить же хотя бы часть ламп так и не удалось из-за неисправности выключателей. К тому же и на улице в тот день стояла знойная августовская жара.

Для сравнения напомним, что еще один почти столь же короткий конклав (36 часов) в истории папства был лишь однажды — в 1939 году, после смерти Пия XI — в тревожной обстановке вползания мира во вторую мировую войну, развязанную фашистскими агрессорами. Самым же долгим был конклав в Витербо (XIII в.), длившийся 2 года 9 месяцев и 2 дня.

САМЫЙ КОРОТКИЙ ПОНТИФИКАТ

Чем же объясняется такой неожиданный выбор? Судя по откликам прессы, он явился результатом компромисса между кардиналами, представлявшими различные внутрицерковные течения. О наличии предварительной договоренности свидетельствует и необычная краткость конклава.

263-й по счету новый папа принял имя Иоанн-Павел I. Иоанн XXIII рукоположил Альбино Лючани в епископы и назначил его главой одной из епархий в Северной Италии. Следующий же папа, Павел VI, возвел его в кардинальское звание и назначил патриархом Венеции.

Возглавляя венецианскую епархию, Лючани, судя по его тогдашним высказываниям, придерживался весьма консервативных политических взглядов, в частности выступал против политики «исторического компромисса», проводимой ныне итальянскими коммунистами, что, видимо, и склонило на конклаве кардиналов-традиционалистов на его сторону. Вместе с тем патриарх Венеции смог заручиться и поддержкой обновленцев, которые не могли не учитывать, что он был обязан своей церковной карьерой папам Иоанну XXIII и Павлу VI, именами которых он себя назвал в момент избрания.

Выступая перед представителями иностранных государств, Иоанн-Павел I пообещал принимать участие в «поисках наилучшего решения» таких важных проблем, как разоружение, мир, справедливость, развитие. Международная общественность с удовлетворением восприняла эти заявления нового понтифика.

Подводя итоги месячного пребывания Альбино Лючани на папском престоле, лондонская «Таймс» отмечала, что его правление может стать таким же неожиданным, как и избрание. Газета оказалась права.

Утром 28 сентября прошлого года Иоанн-Павел I был найден мертвым в своей опочивальне. В тот же день его тело уже было выставлено для прощания в одном из покоев Апостолического дворца. Официальное сообщение гласило, что папа скоропостижно скончался от инфаркта миокарда.

Хотя Лючани занимал папский престол всего лишь 33 дня — самый короткий срок в истории церкви — и не успел издать ни одной энциклики, произвести какое-либо назначение или совершить иной акт, который бы позволил составить о нем более определенное представление, тем не менее даже его мини-понтификат не прошел бесследно.

Избрание Лючани не могло полностью удовлетворить кардиналов из Латинской Америки, Азии и Африки. Он был слишком далек от их проблем, слишком поглощен сложными итальянскими политическими делами. С другой стороны, традиционалисты с возрастающей тревогой наблюдали за поведением своего протеже, почти ежедневно нарушавшего сложившиеся в курии правила «хорошего тона». Иоанн-Павел I явно тяготился ватиканским протоколом, предпочитал импровизировать, вместо того чтобы читать заготовленные ему шпаргалки, и чувствовал себя в «святой клетке», как он образно назвал Апостолический дворец, не в своей тарелке.

В одном из своих выступлений перед верующими он сказал, что бог по своей доброте больше похож на мать, чем на отца. Его слова смутили и поставили в тупик католических теологов, усмотревших в них отход от церковной традиции.

В другом выступлении Лючани призвал верующих бороться, не щадя сил, за политическое, экономическое и социальное освобождение и даже назвал эту борьбу «делом Ленина», хотя и оговорился при этом, что задача церкви шире, ибо она думает о вечном спасении.

Подобные рассуждения вызвали настоящий переполох в Ватикане и за его пределами. Ведь папа ни более ни менее как связал борьбу людей за свое политическое, экономическое и социальное освобождение с именем Ленина! Следует ли удивляться, что даже ватиканская официальная газета «Оссерваторе Романо», публикуя высказывания Иоанна-Павла I, предпочла опустить из них эти пассажи.

Новый папа горячо одобрил и следующее высказывание покойного Иоанна XXIII: «Частная собственность вовсе не является врожденным и абсолютным правом. Никто не вправе использовать ее исключительно в своих интересах сверх необходимого, в то время как другие, лишенные собственности, умирают с голоду».

Поговаривали, что папа намеревался переселиться из Ватикана в более скромное помещение и распродать ватиканские драгоценности, а вырученные деньги и ватиканские капиталы раздать бедным. Не удивительно, что церковные ультра не без удовлетворения восприняли весть о кончине Лючани. В Париже сторонник епископа Лефевра аббат Каше циничнo заявил: «Если всеблагой господь его призвал к себе месяц спустя после избрания на папский престол, то, значит, бог не хотел, чтобы этот папа управлял церковью».

Следует ли удивляться, что неожиданная смерть Альбино Лючани породила целую лавину разнообразных слухов, тем более что из Ватикана на сей счет поступили самые противоречивые сообщения: то утверждалось, что труп папы был обнаружен его секретарем, то — монашкой, принесшей ему кофе, то, что в его руках была книга, то — листки какой-то рукописи и т. д. Газеты требовали проведения патологоанатомической экспертизы, чтобы положить конец слухам о насильственной смерти. Но курия отказалась от этого, утверждая, что скептиков все равно не переубедишь.

И СНОВА КОНКЛАВ...

Смерть «улыбающегося понтифика», как газеты окрестили Иоанна-Павла I, вернула церковь к тому состоянию, в котором она оказалась после смерти Павла VI, с той лишь разницей, что 33-дневный понтификат Лючани еще сильнее обострил характерные для нее противоречия. На этот раз спешившие в Рим на конклав зарубежные кардиналы довольно решительно высказывались не только за возможность избрания неитальянца, но и за то, чтобы впредь в этих выборах участвовали представители национальных епископатов, а папское самодержавие было ограничено синодом. С другой стороны, такие кардиналы курии, как Сири, Бенелли и их сторонники, высказывались за избрание такого кандидата, который бы обладал опытом службы в аппарате Ватикана и в международных делах, отсутствие которого делало для Лючани папскую должность непосильным бременем.

По единодушному мнению его участников, конклав ожидался долгий и трудный. И хотя, вопреки этим прогнозам, он продлился всего 72 часа, однако легким он действительно не был. Потребовалось семь баллотировок, прежде чем над Сикстинской капеллой показался белый дымок, оповещавший об избрании нового понтифика. Им оказался польский кардинал архиепископ краковский 58-летний Кароль Войтыла, принявший имя Иоанна-Павла II.

Его избрание явилось для всех полной неожиданностью. Ведь до конклава имя Войтылы не фигурировало ни в одном из прогнозов, ни один компьютер не назвал его среди возможных преемников покойного. И вновь подтвердилась римская пословица, согласно которой тот, кто входит на конклав кандидатом в папы, покидает его обычным кардиналом.

Войтыла родился в 1920 году в небольшом городке Вадовицы на юго-западе Польши в семье рабочего. После окончания гимназии будущий папа поступил на философский факультет Ягеллонского университета в Кракове. Во время гитлеровской оккупации Кароль Войтыла работал подсобным рабочим на краковском заводе «Сольвей» и одновременно посещал подпольную католическую семинарию. В 1946 году стал ксендзом, затем учился в Италии, Франции, Бельгии и Голландии. Одно время преподавал теологию в духовной семинарии и Ягеллонском университете в Кракове, а также в Католическом университете в Люблине. В 1958 году стал епископом, а в 1963 — архиепископом Кракова. В 1967 году Павел VI возвел его в кардиналы. Был вице-председателем национальной конференции польских епископов, принимал участие в заседаниях II Ватиканского собора, являлся членом постоянного секретариата синода католической церкви. Владеет шестью языками, в том числе русским и итальянским. Большой любитель кино, живописи, поэзии, а также лыжного спорта. Характера решительного, твердого. Сторонник обновленческого курса.

Избрание Войтылы вызвало изрядную сенсацию. Ведь он — первый поляк на «святом престоле» за всю историю христианства да к тому же еще и первый папа-неитальянец без малого за пять веков. Во-вторых, новый глава католической церкви — гражданин социалистической Польши. В-третьих — это один из самых «молодых» наместников «святого Петра» за последние несколько столетий.

Чем же обусловлен такой неожиданный выбор? Некоторые западные обозреватели пытаются объяснить его тем, что, дескать, конклав избрал папу, знающего по своему опыту, что такое социализм и коммунизм и как с ними бороться. Но не выдают ли они желаемое за действительное? Ведь подобные комментарии весьма далеки от истины хотя бы уже потому, что, как свидетельствует печальный опыт понтификата Пия XII, антикоммунизм завел церковь в тупик, из которого она не может выбраться и по сей день.

Скорее всего, избрание Войтылы знаменует собой решительное поражение правых кардиналов-итальянцев, до сих пор вершивших всеми делами в курии. Тот факт, что и новый папа избрал себе имя Иоанна-Павла, показывает, что он намерен действовать в духе решений II Ватиканского собора, наметившего, в частности, пути нормализации отношений церкви с государством в странах социализма.

На этом пути были достигнуты в последние годы существенные успехи, в то время как в других регионах церковь продолжает испытывать большие трудности. Достаточно напомнить о ее взаимоотношениях с диктаторскими режимами в Латинской Америке, где проживают около половины всех католиков и где в последние годы более 100 священников погибли в полицейских застенках и более 700 подверглись различного рода репрессиям.

Избравшие папу Иоанна-Павла II кардиналы сочли, что именно он сможет с успехом управлять ладьей святого Петра в бурных водах современности. Будущее покажет, в какой степени новый понтифик оправдает возлагаемые на него как иерархией, так и паствой надежды. Будучи духовным главой сотен миллионов католиков, папа римский может внести позитивный вклад в решение многих острых международных вопросов в духе мира и сотрудничества.

Мировая общественность в целом благожелательно встретила избрание польского кардинала на папский престол. Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев направил Иоанну-Павлу II телеграмму, в которой поздравил его с избранием главой римско-католической церкви и пожелал ему «плодотворной деятельности в интересах разрядки международной напряженности, дружбы и мира между народами». Избрание Войтылы вызвало положительные отклики и на его родине — в Польше.

Что касается внутрицерковных дел, то и Иоанн-Павел II, подобно своим предшественникам, вынужден будет считаться с непопулярностью традиционалистского курса, отвергнутого большинством II Ватиканского собора и массами верующих. К тому же национальные епископаты все настойчивее требуют от римской курии учитывать существующие в их странах реальности. С каждым днем все решительнее осуждают социальную несправедливость и преступления империализма священники и верующие в развивающихся странах. Таким образом, возврат Ватикана к временам Пия XII, то есть к политике «холодной войны», осложнил бы и без того нелегкое положение современного папства. С другой стороны, игнорирование острых социальных проблем, характерных для современного буржуазного мира, может обострить противоречия, все более раздирающие ныне католическую церковь.

Наличие этих явлений и обстоятельств будет оказывать соответствующее влияние на деятельность и ориентацию нового хозяина Ватикана, которому предстоит решать многие острые и сложные задачи. Они порождены нарастающим кризисом церкви в условиях дальнейшего углубления и расширения общего кризиса капитализма, поразившего ныне. как отмечалось на XXV съезде КПСС, уже не только базис. но и надстройку эксплуататорского общества.

МОРЯК СОШЕЛ НА БЕРЕГ...

А. ЗАЙЦЕВ,
первый помощник капитана научно-поискового судна «Тунгус»

Посетитель внешне почти не отличался от остальных. Разве только большая полиэтиленовая сумка в руках — да мало ли с чем может ходить человек...

К гостям мы привыкли, всем оказывали одинаковое радушие: показывали судно, отвечали на вопросы, угощали чаем или обедом, в зависимости от того, какое время показывали судовые часы.

И сейчас, как только новый посетитель появился на судне, к нему предупредительно подошел вахтенный. Но гость повел себя необычно: достав из кармана небольшую брошюру, он полистал ее и, найдя нужную страницу, протянул матросу.

«Удивляетесь ли вы, — было написано там по-русски, — почему так много бедствий на Земле? Почему со всеми многими улучшениями и изобретениями для удобства жизни большинство людей не получают пользы от них и жизненные обстоятельства делаются еще более затруднительными? Где окончится борьба за мировое господство?»

Вот тут-то, казалось бы, и завязаться интересной дискуссии, но, видимо, гость к ней не стремился. «Вы не должны быть дольше в неведении, — уверял он, — вы легко можете из слова всемогущего бога познать истину и найдете путь, ведущий к обретению вечной жизни... Я принес вам литературу, которая поможет приобрести это ценное знание. Разрешите мне использовать знание, приобретенное мною при изучении Библии, и помочь вам узнать эти жизненно важные факты. Не позволяйте предубеждению или мирским интересам лишить вас этого преимущества...» — и посетитель начал вытаскивать из сумки книги и брошюры.

Их названия исключали всякие сомнения относительно цели его визита: «Из потерянного рая в рай обретенный», «Истина, ведущая к вечной жизни», «Божественная дорога — это любовь». Такими и подобными им названиями пестрели обложки. Между английскими попадались и на русском языке...

Происходило это в Суве — главном порту и столице Фиджи — небольшого островного тропического государства в Океании с населением всего около 600 тысяч человек, в недалеком прошлом английской колонии. Наше судно зашло сюда, чтобы пополнить запас топлива, продуктов и дать передохнуть экипажу. Книги здесь стоят недешево: какой-нибудь детективчик карманного формата — 1—2 доллара, художественная, историческая или научная книга — 4—6 долларов, красочное издание с цветными фотографиями — 10—20 долларов. И это при том, что в стране есть категории трудящихся с заработком всего один доллар в день, а зачастую и того меньше.



Наш же посетитель предлагал свою печатную продукцию по бросовым ценам: брошюры — по 5 центов, небольшие книги — по 25, потолще — по 50 центов. А Библию в полторы тысячи страниц у него можно было приобрести всего за доллар.

Когда оказалось, что и за столь умеренную плату желающих приобщиться к слову божьему не находится, гость стал предлагать свою литературу бесплатно. Покидая судно, он как бы ненароком оставил стопку журнальчиков «Сторожевая башня», издаваемых на русском языке в Бруклине (Нью-Йорк) свидетелями Иеговы. В них еще были вложены евангелия, отпечатанные там же в виде карманных брошюрок. Тут уместно заметить, что ни одной художественной книги, выпущенной в СССР, ни одной советской газеты на Фиджи, что называется, днем с огнем не сыскать ни в книжных магазинах, ни в библиотеках, равно как и переводной русской книги либо учебника русского языка или русско-английского, а тем более русско-фиджийского словаря. Если же и доводилось видеть такие книги у фиджийцев, то получены были они не иначе как в подарок от советских моряков.

В районе порта находится «Клуб летящего ангела», занимающийся религиозной пропагандой среди моряков. Чтобы привлечь их, там торгуют пивом, прохладительными напитками и сувенирами, установлено несколько биллиардных столов. В фойе вперемежку с религиозной литературой разложены иллюстрированные журналы сомнительной репутации вроде американского «Плейбоя».

Бывает, что кто-то из наших матросов и заскочит к «Летящему ангелу», ошибочно приняв его за «Интернациональный клуб моряков». Но одного раза бывает, как правило, достаточно, чтобы разобраться, каков этот «интерклуб». Впрочем, и без того посетителей у «Ангела» становится все меньше. Не помогают ни пиво, ни биллиард, ни «Плейбой».

И вот, словно следуя поговорке «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе», служители культа появляются на причалах. Инструктивная брошюра, с которой непрошенный проповедник явился к нам на судно, содержит текст обращения к морякам на 30 языках. Выпущена она, как уже говорилось, в Бруклине — в главном издательстве «Сторожевой башни», Библии и общественных брошюр.

Сеть филиалов свидетелей Иеговы опутала весь мир. Тут и Океания, и Австралия, и Латинская Америка, и Юго-Восточная Азия, Тропическая и Южная Африка, Северная Америка и Западная Европа... Попали в эти гигантские тенета и Фиджи.

Религия здесь пользуется большим влиянием. Сильно зависят от церкви медицина и образование. На островах много миссионерских школ, приютов, госпиталей, три духовных колледжа. В период колониального господства Великобритания не стремилась насадить здесь свою государственную англиканскую церковь, ибо, используя вероисповедные распри, покоренной страной легче владеть: «разделяй и властвуй!..»

Ныне на Фиджи действуют англиканская, пресвитерианская, методистская, католическая церкви, проповедники ислама, адвентисты, свидетели Иеговы. Большинство коренных фиджийцев — методисты, выходцы с Индостана исповедуют индуизм (около 200 тысяч) или ислам (около 40 тысяч). Католическая церковь издает еженедельник «Контакт» на фиджийском и английском языках.

В книжных магазинах города много религиозной литературы, продаются и всевозможные гороскопы. Их, кстати, регулярно публикует и газета «Фиджи Сан».

Фиджи — слаборазвитая аграрная страна, которая в силу ряда конкретно-исторических, географических и экономических условий оказалась объектом эксплуатации не столько самой Великобритании, сколько ее «белых» доминионов — Австралии и Новой Зеландии. Но от этого, конечно, фиджийцам нисколько не легче. Скорее, наоборот...

Маленькое островное государство вступило на путь независимости не как «тропический рай», каким его рисуют туристские проспекты, а как страна, уже сталкивающаяся с целым рядом сложных проблем, в том числе с инфляцией, вызванной притоком иностранных капиталов, и с расово-религиозной напряженностью — таким же тяжелым наследием колониализма, как неграмотность и низкий уровень медицинского обслуживания населения.

г. Владивосток

Итоги конкурса

Президиум Правления Всесоюзного общества «Знание» подвел итоги Всесоюзного конкурса на лучшие произведения научно-популярной литературы, изданные в 1977 году.

Диплома I степени удостоены:

коллектив авторов книги **«Наши праздники»** (Политиздат)

и Н. АШИРОВ — автор брошюры **«Нравственные поучения современного ислама»** (издательство «Знание»).

Дипломом II степени награждены:

коллектив авторов книги **«Католицизм-77»** (Политиздат)

и М. В. АНДРЕЕВ — автор брошюры **«Клерикальный антикоммунизм»** (издательство «Знание»).

Книги и брошюры:

В. Н. КОМАРОВ **«Рядом с неведомым»** («Детская литература»),

Г. С. ЛЯЛИНА **«Баптизм: иллюзии и реальность»** (Политиздат),

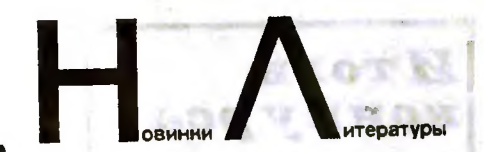
В. Е. РОЖНОВ **«Пророки и чудотворцы»** (Политиздат),

В. А. ГРИГОРЬЕВ **«Судьба человеческая»** (Политиздат),

В. Е. ЧЕРТИХИН **«У истоков религии»** (Политиздат),

М. П. МЧЕДЛОВ **«Современная борьба идей и религия»** (издательство «Знание»)

получили поощрительные дипломы.



Новинки литературы

Л. Н. Великович. РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В США. М., «Наука», 1978, 144 стр., 32 800 экз., 65 коп.

В книге освещаются история создания, современное состояние и структура религиозных организаций в США. Раскрывается их роль в политической жизни страны и в современной идеологической борьбе. Показаны новейшие тенденции в их деятельности. Рассказано о кризисе религии в США.

ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА. Вып. 22. М., «Мысль», 1978, 319 стр., 23 000 экз., 1 руб. 20 коп.

В выпуске анализируется развитие массового атеизма в СССР за 60 лет после победы Октябрьской революции. Большое внимание уделяется раскрытию позитивной роли атеизма в формировании материалистического мировоззрения, благотворному влиянию социального и духовного развития социалистического общества на освобождение сознания трудящихся от религии, обобщению опыта партийных организаций по атеистическому воспитанию масс. Ряд статей посвящен проблемам единства интернационального и атеистического воспитания.

ГУМАНИЗМ, АТЕИЗМ, РЕЛИГИЯ. М., Политиздат, 1978, 135 стр., 85 000 экз., 25 коп.

В этом издании, подготовленном коллективом советских и болгарских исследователей, рассматривается проблема соотношения гуманизма, атеизма и религии. Авторы, подвергая критике богословские концепции, показывают антигуманизм религии, противопоставляют ему подлинный гуманизм диалектико-материалистического мировоззрения, идеологически вооружающего людей в их борьбе за лучшее будущее человечества.

Книга рассчитана на пропагандистов, преподавателей и студентов вузов, а также на всех, кто интересуется проблемами атеизма и религии.

В. А. Зоц. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА И АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. М., Политиздат, 1978, 120 стр., 100 000 экз., 30 коп.

В книге исследуется проблема соотношения религии и духовной культуры. Показана несостоятельность претензий богословов представить религию истинной хранительницей духовных ценностей. Автор анализирует изменения, которые происходят в религиозном сознании верующих под влиянием советской действительности, раскрывает опыт работы партийных и общественных организаций Украины в деле подъема духовной культуры масс, атеистического воспитания населения.

А. Н. Ипатов. МЕННОНИТЫ. (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). М., «Мысль», 1978, 19 000 экз. 213 стр., 75 коп.

В книге освещаются происхождение и природа меннонитства, субъективные и объективные факторы его эволюции, изменения, происходящие в социально-демографическом составе меннонитских общин, в их идеологии и деятельности. Специальный раздел посвящен обобщению опыта научно-атеистической работы среди меннонитов и рекомендациям по улучшению интернационального и атеистического воспитания трудящихся.

Г. М. Керимов. ШАРИАТ И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ. М., «Наука», 1978, 300 стр., 10 000 экз., 95 коп.

Книга рассказывает о систематизированном своде мусульманских законов — шариате, регламентировавшем все области жизни народов, исповедовавших ислам, — от поступков отдельного человека до деятельности целого государства. Анализируются разделы шариата, регулирующие торговлю и налоговую систему, семейные отношения, рассказано о мусульманских обрядах и праздниках, религиозных бытовых запретах и предписаниях. Раскрываются социальная сущность мусульманского законодательства, показана его эволюция в процессе истории, роль шариата в современной государственной и общественной жизни стран традиционного распространения ислама.

В. В. Клочков. РЕЛИГИЯ, ГОСУДАРСТВО, ПРАВО. М., «Мысль», 1978, 287 стр., 32 000 экз., 1 руб. 10 коп.

В работе анализируется социальная сущность соотношения религии и права в истории общественного развития и в современных условиях, на фактическом материале вскрывается роль церкви как союзника господствующего класса и эксплуататорского государства, показывается отсутствие свободы совести, формальный характер отделения церкви от государства и школы от церкви в современном буржуазном обществе. Специальная глава посвящена вопросам соотношения религии и права в СССР.

В. В. Коник. «ИСТИНЫ» СВИДЕТЕЛЕЙ ИЕГОВЫ. М., Политиздат, 1978, 111 стр., 100 000 экз., 20 коп.

Книга посвящена критическому анализу вероучения, социальной доктрины и миссионерской деятельности свидетелей Иеговы. На большом фактическом материале автор показал несостоятельность теоретических рассуждений бруклинских богословов, антикоммунистическую сущность их социальных взглядов. Основываясь на многолетнем личном опыте работы с верующими, автор намечает пути повышения эффективности атеистического воспитания последователей этого религиозного течения.

И. А. Крывелев. ГАБРИЭЛЬ-САТАНОБОРЕЦ. ХРОНИКА ВРЕМЕН ПАПЫ ЛЬВА XIII. «Советская Россия», 1978, 144 стр., 50 000 экз., 20 коп.

В книге в беллетристической форме излагается история того, как талантливый французский антиклерикальный писатель и публицист Габриэль Пажес, взявший себе имя Лео Таксиль, в течение 12 лет мистифицировал католическую церковь. В 1897 году Лео Таксиль на многолюдном собрании в Париже раскрыл механику этой фальсификации, выставив церковь и папу Льва XIII на посмешище всего мира.

Работа основана на исследовании исторических документов, книг Таксиля и его соратников Карла Хакса и Доменико Марджиотты, а также на материалах периодической печати того времени.

Г. М. Лившиц. РЕФОРМАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧЕХИИ И ГЕРМАНИИ. Минск. «Вышэйшая школа», 1978, 272 стр., 1300 экз., 3 руб. 20 коп.

Книга дает не только всесторонний исторический анализ Реформации в Чехии (XV в.) и Германии (XVI в.), подкрепленный большим числом ярких, запоминающихся примеров, но и раскрывает реакционную роль католической церкви как оплота отжившей феодальной системы в Западной и Центральной Европе в период всего позднего Средневековья.

Эта новая работа известного специалиста по истории рабовладельческого и феодального общества предназначена для научных работников, преподавателей, учителей и студентов, а также для пропагандистов научного атеизма.

А. Т. Москаленко. ИДЕОЛОГИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХРИСТИАНСКИХ СЕКТ. Новосибирск, изд-во «Наука». Сибирское отделение, 1978, 5 600 экз., 1 руб. 50 коп.

Монография посвящена анализу идеологии социальных функций и особенностей деятельности хилиастических течений в современном христианском сектантстве. На основании новых источников автор раскрывает социальную детерминированность и идейные корни эсхатологических и хилиастических учений. Книга будет полезна научным работникам, студентам, аспирантам, широким кругам пропагандистов и всем интересующимся вопросами критики современного христианского сектантства.

Л. Д. Ходорковский. КАТОЛИЦИЗМ И РАБОЧИЙ КЛАСС В ГЕРМАНИИ (1871—1933). М., «Наука», 334 стр., 1300 экз., 2 р. 10 к.

Опираясь на богатый фактический материал, автор анализирует использование католической религии и церкви в политической стратегии немецкой буржуазии для воздействия на рабочий класс в кайзеровской Германии и Веймарской республике. Особое внимание при этом уделено взаимоотношениям духовной иерархии с массовыми светскими клерикальными организациями — прежде всего с партией Центра, а также ее избирательной политике.

* * *

Н. П. Андрианов. АТЕИЗМ И ЛИЧНОСТЬ. Л., «Знание», 1978, 40 стр., 34 000 экз., 8 коп.

«БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: ПРИРОДА, ФУНКЦИИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ». В 4-х т. Т. 2. Тбилиси, «Мецниереба», 1978, 686 стр., 8000 экз., 4 руб. 30 коп.

А. В. Васильева. ЭВОЛЮЦИЯ ПАНТЕИЗМА И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ. Киев, «Наукова думка», 1978, 127 стр., 1400 экз., 90 коп.

«ВРЕМЯ И БИБЛИЯ». Челябинск, Южно-Уральск. книжн. изд-во, 1978, 97 стр., 3000 экз., 15 коп.

А. Б. Зыкова. УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ В ФИЛОСОФИИ Х. ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА. М., «Наука», 1978, 160 стр., 11 200 экз., 54 коп.

С. Каташ. МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ ГОРНОГО АЛТАЯ. Горно-Алтайск, Алтайск. книжн. изд-во, 1978, 112 стр., 2 000 экз., 65 коп.

Н. А. Ковальский. СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ЦЕРКВИ В ОСВОБОДИВШИХСЯ СТРАНАХ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 10), 1978, 64 стр., 52 440 экз., 11 коп.

Е. Кончин. МОСКОВСКИЙ ПОИСК. М., «Московский рабочий», 1978, 175 стр., 50 000 экз., 45 коп.

В. А. Корочанцев. АФРИКА ПОД ПОКРОВОМ ОБЫЧАЯ. М., «Наука», 1978, 287 стр. с илл., 30 000 экз., 55 коп.

В. И. Кузнецов и А. А. Печенкин. ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ХИМИИ. М., «Просвещение», 1978, 151 стр., 40 000 экз., 30 коп.

В. С. Овчинников. МИРОВОЗЗРЕНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА. Изд-во Ленингр. ун-та, 1978, 100 стр., 6044 экз., 41 коп.

«ОСНОВЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА». Учебное пособие для учащихся средних специальных учебных заведений. М., «Высшая школа», 1978, 144 стр., 100 000 экз., 35 коп.

В. М. Петров. О «ПРОРОЧЕСТВАХ», «ТАИНСТВАХ» И «СТРАХЕ БОЖЬЕМ». Свердловск, Средне-Уральск. книжн. изд-во, 1978, 107 стр., 9600 экз., 10 коп.

В. И. Пилявский и Н. Я. Горшкова. РУССКАЯ АРХИТЕКТУРА XI — НАЧАЛА XX ВЕКА. Изд-во Ленинград. ун-та, 1978, 158 стр., 2320 экз., 90 коп.

И. М. Фильштинский. АРАБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СРЕДНИЕ ВЕКА. М., «Наука», 1978, 256 стр., 4100 экз., 2 руб. 10 коп.

Л. И. Шайдуллина. АРАБСКАЯ ЖЕНЩИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ. М., «Наука», 1978, 200 стр., 5000 экз., 1 руб. 10 коп.

Сдано в набор 18. 10. 78.
Подписано к печати 29. 11. 78.
А 05361.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 8.
Учетно-издательских листов — 11,07.
Тираж 442 000 экз.
Зак. 05080.
Адрес редакции:
109004, Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89
Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.













Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

Р. КАРАЕВ

НОВЫЕ ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ

Заместитель председателя правления общества «Знание» Туркмении рассказывает о лекционной пропаганде в республике

БЕССМЕРТИЕ ПО-БОГОСЛОВСКИ

Подборка, составленная из статьи И. Вишева, письма В. Невгода, новеллы Т. Новака, разбирает христианский догмат о вечной жизни, о бессмертии души

А. ХАРЬКОВСКИЙ

«ХОЧУ УВИДЕТЬ МИР»

Очерк о Василии Ерошенко — человеке удивительной судьбы. Ослепнув в раннем возрасте, он, тем не менее, побывал в ряде стран Востока, изучил многие языки, выпустил несколько сборников стихов и рассказов

М. МАГДЕЕВ

«НО ГЕНИЙ НЕ БЫЛ ПОБЕЖДЕН...»

Очерк о жизни и творческом наследии просветителя татарского народа Шихабетдина Марджани

ТЕАТР СВОБОДОМЫСЛИЯ

Интервью с народным артистом СССР Героем Социалистического Труда М. И. Царевым

А. СИДОРОВ

«ЛИТОГРАФ ЭПОХИ»

Статья о замечательном французском рисовальщике, карикатуристе и живописце XIX века Оноре Домье

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ

ЗАЧЕМ ВАТИКАНУ «ИНСТИТУТ АТЕИЗМА»?